

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ АНДРЕЮ РУБЛЕВУ, ИКОНОПИСЦУ

О преподобне отче Андрее, зело облагодатствованный пресветлым даром видения первообразов красоты Божественныя! О дивный плоде Церкви Российской, отрасли благая Сергием великим насажденнаго древа! В грозное бо время постави тя Господь свидетеля Своего и земли наша молитвенника велика тя содела. Кто исповесть безчисленныя труды и подвиги твоя, разум земный превосходящия и единому токмо ведомыя Господу, имиже благодать писания чудотворящих икон стяжал еси! Ты благоуханием святых твоих икон весь мир исполнил еси, наипаче образом Пресвятыя Троицы, да воззрением нань побеждается всякий грех и ненавистная рознь мира сего. О преподобне и пречудне отче, призри с высоты, идеже в Божественном свете пребываеши, и услыши молитвы нас, грешных, и, яко имеяй дерзновение ко Пресвятей Троице, со преподобным Сергием и всеми святыми моли Владыку всех, о еже Церковь Его укрепити, разобщенныя соединити, расточенныя собрати и в разумение истины всем приити, отвратити от нас праведный гнев Свой и исполнити даров Духа Святаго, любви, радости, мира, долготерпения, благодати, милосердия, веры, кротости, воздержания, земное же странствие прейти нам, грешным, безбедно, в будущем же веце сподобитися с тобою и всеми святыми прославляти Пресвятую Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Духовный Собеседникъ

2016 №6 (86)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:

Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Елена Кузнецова – редактор
Анна Чупракова – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ АНДРЕЮ РУБЛЕВУ 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

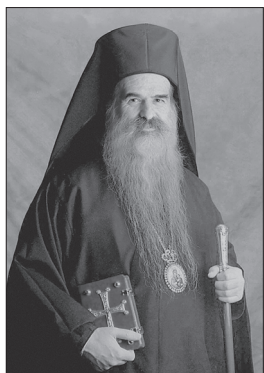
Митрополит Самарский и Сызранский Сергей
«Семья – школа любви» 4

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ

Епископ Пепр (Екапериновский)
«И не введи нас во искушение» 8

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДУШИ

Марина Захарченко
Быть сынами Отечества земного и небесного 14

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Митрополит Мануил (Лемешевский)
«Поминайте наставников ваших» 38

В СВЕТЕ ИСТИНЫ

Митрополит Нектарий (Пападакис)
Наставления в словесном священнодействии 64
Иеромонах Антоний (Подоровский)
«Ототри добела темную сторону жизни
своим юношеским рвением» 84

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА

Алексей Солоницын
«Андрей Рублев». Жизнь и судьба киношедевра 90

СВЯТАЯ РУСЬ

Пропоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Гавриил 126

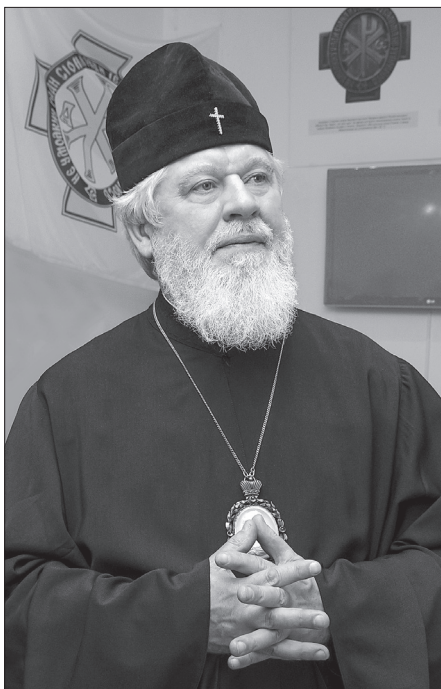
ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

Свеплана Хмелева
Православие в Конго 138

«СЕМЬЯ – ШКОЛА ЛЮБВИ»

Речь митрополита Сергия на Всероссийском
гражданском форуме «Возлюби жизнь»,
проходившем в Самаре 10 марта 2016 года

У нас – особая страна, для которой духовность никогда не была пустым звуком, а являлась главным смыслом жизни, ее стержнем. Западные ценности были насильственно привнесены в нашу жизнь через чуждую России идеологию марксизма и разрушение традиционного крестьянского уклада в угоду идолу индустриализации. Поэтому даже явление депопуляции у нас имеет иную подоплеку, чем на «благополучном» Западе. Большинство семей у нас не хочет иметь детей из страха нищеты и, главное, от безверия. Россия гораздо менее пропитана духом стяжательства, который губит Запад. Вместе с чуждой идеологией

мы сбрасываем с себя и заимствованные схемы и догмы, возвращаемся к спасительным идеалам родного Православия. В нем наша сила. Только на этом пути можно обрести решения, которые безрезультатно ищут институты, занимающиеся проблемами демографии. Вопросы духовно-нравственного образования и воспитания растущего поколения при такой демографической и социальной ситуации, как у нас, приобретают ключевую роль. Ведь достаточно вырастить одно нравственно зрелое, глубоко верующее, воздержанное, христоролюбивое и твердое в своих христианских убеждениях поколение, как многие проблемы, в том числе социальные и демографические, окажутся решены как бы «сами собой». Православная молодежь не пополнит армию наркоманов, алкоголиков и преступников, она не оставит своих стари-

ков умирать от голода и холода на улице, не поддастся на многие искушения мира сего, не преступит заповедей Христовых, оставит после себя здоровое и многочисленное потомство. Разве этого не понимают чиновники, ставящие всяческие препоны на пути духовного образования, запрещающие священникам приходить к детям и тем прямо нарушающие завет Христов? Недостатки семейного воспитания и упущения в идеологической сфере могла бы восполнить школа как государственный институт. Но и здесь ребенка ждет та же бездуховность, тщательно охраняемая от всякого оздоравливающего влияния Церкви и православной традиции. Получается замкнутый круг, из которого выходит эгоист и стяжатель, равнодушный, а порой и враждебно настроенный к своей Родине, ко всему отеческому наследию. Естественно, такая школа не способна подготовить подрастающее поколение к взрослой жизни, к самоотречению, без которого нет истинного материнства и отцовства. Недаром подавляющее большинство заключаемых в наше время браков распадается, оставляя без полноценного семейного воспитания тысячи детей.

В обращении Архиерейского Собора по вопросам демографии первоосновой сокращения народонаселения назван, в первую очередь, «отход от идеалов святости семейной жизни». Здоровая многодетная семья является ключевой, фундаментальной ценностью для нормальной жизни государства. Но в современном мире супружество рассматривается как нечто архаичное, ограничивающее свободу человека, зато признается «право» на убийство нерожденного ребенка во чреве матери. Считаю, что искусственное прерывание беременности должно быть, по крайней мере, выведено за рамки оплачиваемых медицинских услуг по обязательному медицинскому страхованию, чтобы государство напрямую не финансировало собственное уничтожение.

Проведенные социологические опросы детей свидетельствуют об их потребности в здоровой, счастливой семье. На вопрос, о чем мечтает ребенок, сто процентов опрошенных детей ответили, что мечтают о том, когда мама придет с работы и когда с ней можно будет поиграть и поговорить. Знают ли сами матери, о чем действительно мечтают их дети? Отвечая на этот же вопрос, мамы предположили, что их дети мечтают об игрушках, поездках и развлечениях. Вопиющее непонимание потребностей, интересов собственных детей! Именно это непонимание в дальнейшем порождает конфликтные ситуации в семье.

В какой семье нуждается ребенок? Иван Александрович Ильин сформулировал признаки такой семьи. Ребенок может приобрести чу-

тье и вкус к духовной жизни только у семейного очага, согретого духовностью; он может органически почувствовать всенародное единение и единство, только испытав это единство в своей семье. Не почувствовав этого всенародного единства, он не станет истинным сыном своего народа и своей Родины. «Только духовное пламя здорового семейного очага может дать человеческому сердцу накаленный уголь духовности, который будет и греть его, и светить ему в течение всей его дальнейшей жизни», – говорит Ильин. Другими словами, человек будет иметь внутренний стержень, который не позволит его сломать в любой ситуации.

Семья – это естественная школа христианской любви, школа творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей. В здоровой семейной жизни душа человека с раннего детства смягчается, приучается относиться к ближним с почтительным и любовным вниманием. В дальнейшем это чувство христианской любви становится внутренней установкой по выстраиванию отношений с широкими кругами общества и народа.

Семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию. Благодаря семейным традициям сохранена культура национального чувства и патриотической верности. Семья есть для ребенка первое родное место на земле; сначала – жилище, источник тепла и питания, потом – место осознанной любви и духовного понимания. В семье появляется глубинное понимание слова «мы», которое возникло из любви и добровольного служения, где один стоит за всех и все за одного. Она есть для ребенка лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытыми священные врата совести. Она есть для него школа взаимного доверия и совместного, организованного действия.

Ребенок учится в семье верному восприятию авторитета. В лице естественного авторитета отца и матери он впервые встречается с идеей семейной иерархии и научается воспринимать отца как главу семейства, представителя высшего ранга, преклоняясь перед ним, но не унижаясь, ребенок научается мириться с присущим ему самому низшим рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление. А это есть путь преодоления и предупреждения различных конфликтных ситуаций, например, путь освобождения от такого явления, как «дедовщина» в армии.

В здоровой христианской семье есть один-единственный отец и одна-единственная мать, которые совместно представляют единый –

властвующий и организующий авторитет в семейной жизни. Дети начинают понимать, что авторитет духовно старшего человека совсем не призван подавлять и порабощать подчиненного, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, а наоборот, он призван воспитывать человека во внутренней свободе.

Семья есть первая, естественная школа свободы: в ней ребенок должен найти верный путь к внутренней свободе; принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся строгости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания.

Семья является школой здорового чувства частной собственности. Она есть данное от природы общественное единство – в жизни, в любви, в труде, в заработке и в имуществе. Чем прочнее и сплоченнее семья, тем обоснованнее являются ее притязания на собственный овеществленный труд, всегда сопряженный с лишениями, напряжением ума, воли и воображения; а также притязания на наследственно передающееся имущество.

Таким образом, духовная атмосфера здоровой семьи призвана привить детям потребность в чистой любви, склонить к мужественной искренности и способности к спокойной и достойной дисциплине.

Формирование такой счастливой и здоровой семьи зависит от понимания и выполнения отцом и матерью предназначения, заповеданного Богом.

Церковь, осознавая высоту и величие служения отцовства и материнства, всеми силами стремится помочь семье, укрепить ее и оградить от разрушающих воздействий, ибо именно в ней, как в первичном и основном общественном институте, происходит формирование личности ребенка. Общественная система образования должна в своей воспитательной деятельности опираться на семейные ценности, сотрудничая с родителями.

На данном этапе развития общества важно не только привлечь внимание к проблемам семейного воспитания, но начать действовать, ибо завтра уже может быть поздно.

«И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ»

Для чего Бог попускает бесам искушать людей

Бог попускает искушения для премудрых и благих целей: для испытания нашего произволения, к чему оно больше располагается – к добродетелям или ко греховным удовольствиям; для обнаружения сокровенных свойств и расположений, которых мы иногда и сами в себе не замечаем; для нашего упражнения в добродетелях. Каждый человек по вступлении в этот мир должен развивать и укреплять свои духовные силы посредством многотрудной деятельности. И свободная воля, главная действующая сила души, для своего развития и укрепления обязательно должна пройти поприще испытания, встретить и преодолеть различные искушения, чтобы утвердиться в добре и в отвращении от зла.

Если бы стремление к добру происходило само собою, по влечению природы, не встречая испытаний и искушений, тогда оно не имело бы высокого нравственного достоинства, как некий инстинкт – дело природы, а не свободного произволения человека, сознательно избирающего добро, отдавая ему предпочтение перед нечистыми чувственными влечениями к удовольствиям. Без борьбы с искушениями это стремление к добру было бы также нетвердо и медлительно, потому что вообще всякая сила, как физическая, так и духовная, напрягается к деятельности при встрече с противоборствующей силой и укрепляется посредством борьбы. Как кормчего корабля – буря, борца (атлета) – поприще, воина – сражение, великодушного – бедствие, так христианина обнаруживает и испытывает

Епископ Петр (Екатериновский) родился в 1820 г. в семье священника. Учился в Саратовской семинарии, Московской духовной академии, где и принял монашеский постриг, был рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха. По окончании духовной академии он был назначен преподавателем Священного Писания в Иркутскую семинарию. Здесь иеромонах Петр возведен в сан архимандрита и в качестве ректора возглавил семинарию. Неся это нелегкое бремя, он не оставлял подвига внутреннего монашеского делания, что определило его дальнейшие труды как духовного писателя. В своей книге «О монашестве» архимандрит Петр приводит множество примеров аскетического опыта, говорит о трудностях и искушениях в иноческой жизни.

Во епископа Новоархангельского он был хиротонисан в 1859 г., затем назначен епископом Якутским, в разные годы руководил Уфимской, Томской и Семипалатинской кафедрами.

Во время своего архипастырского служения преосвященный Петр много трудился на ниве апостольской, распространяя и утверждая христианскую веру среди язычников, усердно молясь о своей пастве. Труды епископа Петра дают возможность почерпнуть бесценный опыт из богатейшей сокровищницы духовного наследия XIX века.

Печатается по: *Петр (Екатериновский), еп.* Указание пути к спасению. М.: Изд. Моск. подворья Св.-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 122 – 131.

искушение, говорит святой Василий Великий¹. Постоянные искушения укрепляют нашу добродетель. Как деревья тем глубже пускают корни, чем чаще и сильнее колеблются ветрами, так и добродетель наша укрепляется и совершенствуется посредством борьбы с искушениями². В искушениях мы лучше познаем свои немощи, свое ничтожество и таким образом научаемся смирению, без которого невозможно угождение Богу и спасение. Как говорит о себе апостол Павел: *чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, делать мне пако-сти, чтобы я не превозносился* (2 Кор. 12, 7). А при бездействии страстей в нас появляется гордость, пишет святой Максим Исповедник³. При сознании своей немощи в искушениях, мы смиреннее и усерднее испрашиваем помощи от Бога, получив которую, лучше преуспеваем во всякой добродетели. А часто испытывая Божие заступление, бываем благодарны Богу, имеем к Нему большее расположение и любовь.

Кроме того, при сознании своей немощи в искушениях, мы становимся более снисходительны, сострадательны к немощам других и, научаясь в брани искусству препобеждать врагов, приобретаем опыт преуспеяния в нравственном совершенстве и врачевстве немощных. Кто не был искушаем, тот не искусен ни в чем⁴. Так и апостол Петр, испытав на себе человеческую слабость и после обратившись, лучше мог утверждать в вере и братий своих (см. Лк. 22, 31 – 32). *Блажен человек, который переносит искушение, – говорит апостол Иаков, – потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его* (Иак. 1, 12).

Венец славы нельзя получить без одержания победы, победы не может быть без борьбы, а борьбы не может быть без врагов и искушений. А чем больше искушений кто преодолевает, тем больше тому венцов славы в награду дано будет. Сколько нападает искушений, столько же венцов готовится терпящему. Ибо это суть залого у праведного Судии⁵. Без искушений человек легко может впасть в нерадение и сделаться врагом самому себе; нерадение и недеятельность расслабляют его душевные силы, и он мало-помалу погружается в чувственность. Искушения, напротив, пробуждают его от беспечности, поневоле заставляют быть внимательнее к себе, сохранять строгую бдительность на страже своего спасения, боясь поражения от врагов и погибели.

¹ Василий Великий, *свт.* Творения. Кн. IV.

² Исаак Сирий, *св.* Слова подвижнические. Сл. 49, 57, 37.

³ Максим Исповедник, *прп.* Главы о любви. Сот. 2, § 40; см. также Исихий Иерусалимский, *прп.* К Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве. § 74.

⁴ См. Сир. 34, 10.

⁵ Добротолюбие. Т. 3. Многополезное сказание об Авве Филимоне. Гл. 14.; см. также Иоанн Лествичник, *св.* Лествица. Сл. 26, § 156. (Далее: *Лествица*).

Святой Иоанн Лествичник говорит, что все брани бесовские против нас происходят от трех главных причин: от сластолюбия и нерадения нашего, от гордости и от зависти дьявола. «Окаянен первый; всеокаянен второй, третий же треблажен»¹.

Святые отцы полагают, говорит преподобный Максим Исповедник, что ради пяти причин Бог попускает демонам нападать на нас. Первая причина: чтобы мы, будучи боримы и противоборствуя, научились различать добродетель от порока. Вторая: чтобы борьбой и трудом снисканная добродетель была тверже, вернее. Третья: чтобы, преуспевая в добродетели, мы не высоко думали о себе, но научились бы смиренномудрию. Четвертая: чтобы, испытав пороки, возненавидели их совершенною ненавистью. Пятая и важнейшая: чтобы, достигши бесстрастия, не забывали своей немощи и силы Помогшего нам². Еще он говорит, что искушения наводятся на одних для истребления грехов уже сделанных, на других – для прекращения соделываемых ныне, а на иных для отвращения от имеющих последовать, исключая искушения, посылаемые для испытания человека, как то было с Иовом³.

По слову святого Исаака Сирина, каждый день и час требуется от нас опыт любви нашей к Богу в борьбе и подвиге против искушений⁴.

Искушение полезно всякому человеку. Ибо если полезно было искушение апостолу Павлу (см. 2 Кор. 12, 7), то да *заграждаются всякие уста* (Рим. 3, 19). Ревностные «подвижники бывают искушаемы, чтобы присовокупить им к богатству своему; расслабленные – чтобы охранять им себя от вредного; погруженные в сон, – чтобы приготовиться им к пробуждению; далеко отстоящие, – чтобы приблизиться им к Богу; свои Богу, – чтобы веселиться им с дерзновением. Всякий необученный сын приемлет богатство из дома отца своего не в помощь себе. Поэтому-то Бог сперва искушает и томит, а потом показывает дарование. Слава Владыке, Который горькими врачевствами приводит нас в возможность насладиться здравием!»⁵.

Как скоро Бог увидит, «что в помысле человека начало появляться некоторое самомнение, и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтобы усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не прибегнет к Богу и не прилепится к Нему со смирением.

Сим приходит человек в меру мужа, совершенного верой и упованием на Сына Божия, и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих на-

¹ Лествица. Сл. 26, § 6, 76.

² Максим Исповедник, *прп.* Указ. соч. Сот. 2, § 67.

³ Там же. Сот. 2, § 45.

⁴ Исаак Сирин, *св.* Указ. соч. Сл. 46.

⁵ Там же. Сл. 37.

дежду его. Здесь-то Бог силу Свою показывает в спасении его. Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе...»¹.

КАК ОТРАЖАТЬ НАПАДЕНИЯ БЕСОВ

Чтобы враг не напал на нас вдруг, врасплох, нужно помнить, что в этой жизни нет мира и не может быть даже перемирия с врагами нашего спасения. Особенно адский враг вооружается на тех, в которых замечает искреннее расположение к благочестию. Потому неусыпно надобно бдеть на страже своего спасения, зорко осматриваться во все стороны, осторожно наблюдать за собой на каждом шагу своей деятельности, чтобы не попасть в сети, повсюду расставленные нам диаволом, сохранять присутствие духа, мужество, и иметь постоянную готовность отразить нападение врага². Но по своему произволению не должно подвергать себя искушениям выше наших сил: лучше удаляться от скользкого пути, когда мы и на твердом слабо стоим. А когда искушения неизбежно находят на нас, то, как бы страшны они ни были, не надобно падать духом. Если находят на нас искушения, наставляет святой Иоанн Златоуст, то мы не должны считать это знаком того, будто Бог оставил или презирает нас; напротив, это должно служить несомненным доказательством, что Бог заботится о нас³ и, этим искушением очистив наши грехи, готовит нам в будущей жизни венцы за терпение и преданность Ему, которая лучше всего свидетельствуется и чище оказывается в искушениях.

Когда приражается к нам какое-нибудь искушение, то мы тотчас с самого начала должны стараться отразить его. Как сказал некто из древних, *principiis obsta, sero medicina paratur, cum mala per longas convaluere moras*⁴ – с самого начала противься греховному помыслу и страстному влечению, иначе после нужно будет врачевство, потому что от долгой медлительности зло усиливается. Сначала к душе приражается простой помысл, потом воспламеняется воображение, затем следует услаждение и согласие со злым помыслом. И таким образом мало-помалу злобный враг всецело входит в сердце человека, вовлекая его во грех. Как мы тотчас стряхиваем искры, падающие на одежду, чтобы она не загорелась, так надобно поступать и во время искушения. Врага следует убивать, пока он еще мал, а иначе, когда вырастет, нас одолеет. Зло нужно истреблять в семени, чтобы оно не произрастило плевел⁵.

¹ *Исаак Сирин, св.* Сл. 49. *Макарий Великий, прп.* Духовные беседы и слова. Сл. 4, гл. 6, 7.

² *Нил Сорский, прп.* Устав о скитской жизни. Сл. 3.

³ *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. Т. 4. Кн. 1. Беседы на книгу Бытия. Беседа 32.

⁴ «Противодействуй (болезни) в начале, поздно думать о лекарствах, когда болезнь укоренилась от долгого промедления» (*Овидий.* Лекарство от любви).

⁵ *Нил Сорский, прп.* Указ. соч. Сл. 2.

Дьявол-искуситель имеет доступ к нам, в первую очередь, через наши страсти, и так скорее вовлекает нас в грехи, поэтому прежде нужно подавлять главные страсти – плотоугодие, своекорыстие, славолубие, а затем происходящие от них. Когда псы чуют мясо в лавке, их надо тотчас отогнать, иначе потом сделать это будет трудно, говорит святой Исаак Сирин¹. Так и у нас: пока страсти не подавлены, дьявол сильнее привязывается к нам. Когда искусительные помыслы часто и долго докучают нам, но искушение не очень сильно и опасно, святые отцы советуют прямо противиться ему, принуждая себя к противоположной добродетели, например, когда в нас возбуждается отвращение к ближнему. Но если искушение сильное, лучше обратиться с молением к Богу, возлагая на Него свое упование, и с простым отвращением от греха без смущения заниматься своим делом. С сильным врагом нельзя состязаться словами.

Блаженный Исихий Иерусалимский предлагает четыре способа действия при нашествии помыслов: прилоги блюсти, то есть отвергать помыслы в самом начале; хранить сердце молчащим, упразднив его от всякого помысла; призывать на помощь Господа Иисуса Христа; иметь память о смерти. Все это, говорит он, затворяет двери для лукавых помыслов. В том или другом из этих четырех способов каждый из нас да подвизается приличествующим ему чином².

По святоотеческому учению, пишет святой Нил Сорский, различным образом ведется война и одерживается победа в борьбе с лукавыми помыслами, в зависимости от степени духовного опыта подвизающегося: через молитву против помыслов, через пререкание им, через уничтожение и отриновение их. Уничижать и отвергать помыслы могут только совершеннейшие, противоречить им – преуспевшие, а новоначальным и немощным надлежит молиться против них и превращать лукавые помыслы в добрые. Итак, когда обуревают нас помыслы так, что мы не в состоянии бываем совершить молитвенное правило в мире и тишине внутренней, тогда надобно молиться против помыслов и предлагать лукавые на полезные³.

Святой Исихий Иерусалимский говорит, что в умственной брани должно действовать так, как действуют на обыкновенной войне. Во-первых, потребно внимание; во-вторых, когда заметим, что подошел вражий помысл, должно поразить его проклятием с гневом в сердце; в-третьих, надобно помолиться против него, призывая в сердце Иисуса Христа, чтобы демонский призрак тотчас исчез, и ум не пошел за мечтанием, как дитя, прельщаемое каким-нибудь искусным фокусником⁴. Подвизающийся внутрен-

---

¹ Исаак Сирин, св. Указ. соч. Сл. 44, 71.

² Исихий Иерусалимский, прп. Указ. соч. § 14 – 17; см. также Нил Сорский, прп. Указ. соч. Сл. 2.

³ Нил Сорский, прп. Указ. соч. Сл. 5; см. также Лествица. Сл. 26, § 79; Исаак Сирин, св. Указ. соч. Сл. 30.

⁴ Исихий Иерусалимский, прп. Указ. соч. § 105, 153.

но всякую минуту должен совершать следующие четыре делания: смирение, крайнее внимание, противоречие помыслам и молитву. Смирение – поскольку сопротивники его в брани суть гордые демоны, дабы Христову помощь удержать в руке сердца, ибо Господь ненавидит гордых; внимание – чтобы не попускать сердцу иметь никакого помысла, хотя бы он и добрым казался (если не вовремя приходит); противоречие – дабы как скоро усмотрит пришедший помысл, тотчас с гневом отразить лукавого; молитву – дабы после противоречия тотчас возопить ко Христу. И тогда сей подвижник увидит врага связанным или гонимым именем Иисуса, или что он развеян, как прах ветром, или как дым исчезает с мечтанием своим¹.

Итак, да не пресекается в вас никогда сердечное внимание, трезвение, прекословие помыслам и молитва к Иисусу Христу. Ибо лучшего помощника, кроме Спасителя, не найти вам во всю жизнь².

Бей супостатов именем Иисусовым, учит святой Иоанн Лествичник, ибо нет сильнейшего оружия ни на небе, ни на земле³. Таковую силу имеет, конечно, не машинальное произношение имени Иисусова, но мысль о том, что Иисус Христос Своим смирением, послушанием Богу Отцу до полного самоотвержения, невинным страданием и смертью на кресте притупил жало греха в людях, упразднил силу и власть диавола, победил смерть. Поэтому и крестное знамение, соединенное с мыслью о победоносных крестных страданиях Иисуса Христа, имеет силу прогонять от нас бесов и худые помыслы. Если же крестное знамение и молитва ко Иисусу Христу не помогают нам, то это попущение Божие за гордость и самонадеянность – за то, что мы возмечтали о себе высоко, стали тщеславиться своей праведностью или добрыми делами, как будто мы сами их приобрели, независимо от Бога, других же людей зазираем, осуждаем за грехи, уничижаем⁴; а иногда и за нерадение, которое происходит от сластолюбия или от множества дел⁵. Господь попускает усиливаться искушениям, чтобы они измучили нас до изнеможения, пробудили от беспечности, заставили внимательнее наблюдать за собой и усерднее браться за дело спасения. Чтобы мы осознали нашу немощь и худость и из опасения, как бы не изнемочь под тяжестью искушений и не погибнуть, обратились к Богу с молитвой о помощи. Следовательно, для победы над искушениями надобно неусыпно бодрствовать на страже своего спасения и, смиряясь перед Богом и людьми – то есть сознавая свою худость, греховность и немощи, с сокрушением сердца обращаться к Богу с молитвой о милости и заступлении⁶.

¹ Там же. § 20.

² Там же. § 39, 42, 46.

³ *Лествица*. Сл. 21, § 7.

⁴ *Исаак Сирийн, св. Указ. соч.* Сл. 46.

⁵ Там же. Сл. 40.

⁶ Там же. Сл. 57.

БЫТЬ СЫНАМИ ОТЕЧЕСТВА ЗЕМНОГО И НЕБЕСНОГО

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС» АРХИМАНДРИТА ГЕОРГИЯ
(ШЕСТУНА) С ДОКТОРОМ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ КАФЕДРЫ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ ПОСТДИПЛОМНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МАРИНОЙ ВЛАДИМИРОВНОЙ ЗАХАРЧЕНКО

– Грядет 2017 год. Патриарх объявил тему XXV Международных Рождественских чтений: «1917 – 2017: итоги столетия». Предлагаю сделать темой нашей беседы вопросы отечественного образования в контексте проблемы, заявленной на чтениях.

– Да, согласна, это очень интересная тема. Исход XX столетия – это наше время, в нем протекала наша жизнь, и в его итогах есть и наш вклад. В этом контексте хочу вспомнить о вашей книге «Православная педагогика». Она, помнится, вышла впервые в 1998 году. Я заочно познакомилась с вами в том же году по этой книге, а зимой уже целенаправленно пошла на ту секцию Рождественских чтений, где вы выступали, после чего и состоялось наше личное знакомство.

В вашей книге «Православная педагогика» красной нитью проходит мысль о том, что в основе педагогики лежит образ человека. Каков образ – такова и педагогика. Сущность православной педагогики в том, что она видит в человеке того, кто призван к вечной жизни. Светская педагогика готовит человека к земной, временной жизни, а православная педагогика – к вечной. И, как я помню, – мысль мне понравилась, но только теперь понимаю, что весь ее масштаб я оценить тогда не могла. Тогда казалось – человек и есть человек; да, люди разные, отличаются внешним обликом, крепостью, характером, способностями, приветливостью, кто-то добрее, кто-то злее, но в целом все стремятся к хорошему и отвергаются от плохого. То есть человек иногда попадает в тяжелые обстоятельства и становится злым. Его в этом случае наказывают или перевоспитывают, или он сам исправляется, но все заканчивается хорошо. Но прошло двадцать лет – это годы моего взросления, моей профессионально-педагогической и научной деятельности и годы великого испытания человека нашей страны – и, наверное, всего развитого мира – испытания изобилием. Я на опыте увидела то,

о чем тогда вы говорили – предельную свободу человека избирать образ человечности и вырабатывать свой облик, отвечающий ему, буквально – облекаться в него. Увидела и то, насколько несовместимыми могут быть образы человечности. На себе испытала, как в практике образования буквально на части разрывают человека разными педагогическими стратегиями, ориентированными на различные образы человека. Сегодня многие чувствуют, что в нашем образовании что-то разладилось, много возмущения из-за перегрузки тестами, контролем, из-за непонятности программ и т.д. Но я думаю – все это следствия, а дело – в образе человека, о котором необходимо дать отчет.

Марина Владимировна Захарченко

– Да, образ человека – это главное, что определяет направленность педагогического процесса. В конечном итоге он определяет всю педагогику. Педагогика вообще процесс целенаправленный. Возьмите любое определение главных педагогических категорий и увидите – воспитание, обучение, образование – это целенаправленный процесс. Куда он направлен, к какой цели? Цель по-разному можно формулировать, но в ней всегда заложены представления о человеке. Вот цель православной педагогики – восстановление в человеке образа и подобия Божия, то есть становление человека, достойного благодатной вечной жизни с Богом. В этом и цель, и ценность православной педагогики, она всю направленность процесса определяет. Куда ведем человека? – К Богу. Это цель. Как это возможно? Нужно воспитать его таким, чтобы он смог достойно предстать перед Богом. В этом главная ценность и цель православной педагогики, которая осуществима только при условии, что человек прошел путь восстановления в себе облика человеческого, такого, каким его сотворил Бог.

В антропологическом основании православной педагогики три составляющие – Христос, Церковь, человек. Именно в такой последовательности: сначала Христос, потому что возвращение человека к Богу возможно только чрез Христа. Он – Спаситель рода человеческого, и без Него человек к Богу вернуться не может. Спасение человека совершается в Церкви через ее благодатные Таинства. И чрезвычайно важно личное произволение человека, его свободное обращение к Богу,

его усилия и труды. Вот это христианское учение о Спасении – сотериология – образует основание христианской педагогики, ее антропологическое основание.

– Мне на ум вот что пришло – в церковно-славянской азбуке у букв есть имена. Читая имена букв подряд, по порядку алфавита, мы прочитываем удивительно глубокий текст о сути грамотности и учения книжного. Получаем просто ответ на главный вопрос педагогики – чему учиться и зачем учиться: «Аз буквами ведаю глагол добро есть. Жизнь зело земли иже како люди мыслете. Наш он покой. Рцы слово твердо ук». Этот текст достаточно понятен. Через разумение букв, чтение мы получаем ведение (ведение больше, чем простое знание) глагола добра. Глагол – это тоже больше, чем умение говорить. Глагол – действенное слово, в котором добро утверждается. В чем это добро состоит? В исполнении райского завета Бога: хранить и утверждать жизнь земли – сотворенного Им мира. Хранить через соблюдение Его закона. Жизнь земли зело зависит от того, как мы, люди, мыслим. Куда направляем наши мысли. Если сами утверждаемся в законе Божиим, то и на земле мир утверждаем. Наш, Он, Покой – эти три имени сокрыто говорят о Боге, Его присутствии в нашей жизни и действии, о Его Промысле в сотворенном Им мире. Интересно еще вот что: слово «зѣло» означает «очень». Это означает предел качества, высший уровень совершенства. Есть поговорка: лучше хорошего только очень хороший. В церковно-славянской графике пишется через букву «ять», она и по виду напоминает крест, и означает Крест Христов. Уберите из слова эту букву, прочтите, – получится «зло». Вот так имя этой буквы сокрыто говорит о мере всякого совершенства в сотворенном мире: это Крест Христов. Удалите Крест – и любое улучшение, усовершенствование обратится во зло. Продолжая читать азбуку, слышим: будь тверд в преподанном тебе учении, утверждай слово жизнью (рцы слово твердо ук). Ук – это и ученик, и учитель, и учение. Это наука, которое возводит человека вверх, к Небесному Отечеству. Дальше идет буква «ферт». Известный лингвист, Нина Павловна Саблина, вкладывала в эту букву несколько необычный смысл, его редко найдешь в известных толкованиях азбуки, но в нашем контексте он крайне важен. Ферт соотносится с верчением, поворотом и указывает на удобопреклонность человека, на его «со-вращаемость». Центр человека – не в нем самом. Человек свободен, но не самобытен, он живет не через себя самого. Поэтому он всегда в стремлении найти свой центр, он легко уклоняется в одну или другую сторону. Истинный центр нашей жизни в Боге – ведь Бог создал нас как Свой образ и подобие, но чтобы устойчиво удержаться в стремлении к истинному центру нашей человечности, необходимо усилие, верное стремление. О том, каково оно, говорят три следу-

ющие буквы. Говорят сокрыто, потому что имена у них совсем другие. Х, Ц, Ч – Христос, Церковь, человек. Это те самые три основания православной педагогики, о которых вы рассказали нам сейчас.

Так азбука рассказывает о смысле христианского учения – научить человека направлять свою удобовращательность к центру, к Богу, навыкнуть устойчивости в этом центростремительном движении.

– Да, это действительно интересно. Вы хорошо подчеркнули свободу человека. Значение свободы в понимании сути христианской педагогики очень велико. Важно понимать масштаб этой свободы. А масштаб таков, что Бог отпустил человека от Себя и позволил ему жить по его, человека, собственному усмотрению. Об этом говорит евангельская притча о блудном сыне. Притча рассказывает о неизбежном завершении такого усмотрения – обнищании человека и о возможном благом исходе – возвращении его к Отцу. Очень кратко говорит она о том, что делал блудный сын в начале своего пути, как жил по своему усмотрению. А жил он, удовлетворяя свои хотения; и, наслаждаясь, расточил свое имение, все, что досталось от Отца. А ему от Отца ведь достались не вещи, а облик человеческий – образ и подобие Отца.

– Позвольте маленькую реплику? Опять вернусь к замечательному понятию – «удобопреклонности» человеческой природы. Человек преклонялся к своим собственным хотениям, бежал за ними от центра своей жизни – от Отца. Расточал себя в центробежном движении. И на этом пути растрчивал человеческий облик – обнищав, ел со свиньями.

– Да, и вот эта важная тема о свободе человеческой. Свобода – это духовная реальность, а не что-то туманное и беспредельное. Так только подростки могут беспредметно говорить о какой-то свободе, в которой для них ни границ, ни меры нет. Но свобода как раз предельно конкретна. У нее есть закон. Апостол Иаков в своем послании говорит: *закон совершенный, закон свободы*¹. Кто вникнет в него и поступит законосообразно – блажен будет в своем действии.

Как кратко сказал апостол Павел: человеку все... *позволительно, но не все полезно*². И закон таков, что человек либо утверждается в центростремительном движении к Богу и обретает лик человеческий – образ и подобие Божие, либо расточает свое человеческое достоинство в центробежном стремлении к своим хотениям – по-хотениям – действуя, *предаваясь... похотям*³.

Хотения же человека не только вещами ограничиваются. Есть хотения и нематериальные. Например, желание властвовать над себе по-

---

¹ Иак. 1, 25.

² Кор. 6, 12.

³ 1 Пет. 4, 3.

добными, хотение славы. Уклоняясь от Бога, человек создает соразмерные своим хотениям образы самого себя, стремится к ним и им поклоняется. В Библии, в Священном Предании Церкви эти образы называют кумирами или идолами. Поклонение кумирам сурово воспрещается второй заповедью Синайского законодательства (заповеди, полученные Моисеем)¹.

В Послании к Римлянам апостол Павел говорит о современных ему людях языческой империи: славу, подобающую нетленному Богу, они воздают тленной твари². А в сегодняшнем мире разве не так? Медийное пространство переполнено кумирами. Спросите у подростка, кому он подражает, к чему стремится, каким хочет быть? И часто услышите в ответ имя или образ какого-то медийного персонажа. Еще совсем недавно это были артисты, игравшие супергероев, суперкрасавиц или «звезды» эстрады. Их так и называли – кумиры и идолы. А сегодня тенденция такова, что идолами становятся виртуальные персонажи – роботы, инопланетяне...

То есть, что нам важно понять сейчас? Что в основании педагогики находится образ человека. Образование – это и есть процесс формирования человека в соответствии с этим образом. В русском языке это просто однокоренные слова: «образование» и «образ». Так же и в немецком: «Bildung» и «Bild». Современная наука предложила такую категорию – антропологические основания педагогики. Это совокупность обоснованных представлений о природе человека, его силах и способностях, механизмах их действия, о его возможностях, о способах бытия в мире, о предельно достижимом, о человеческом совершенстве. Особенно важным является представление о совершенстве – антропологический идеал. Именно этот идеал выражает образ человека, определяющий направленность стремлений человека, направленность его образования. Ведь человек никак не исчерпывается психофизиологическими механизмами. Человек – это прежде всего смыслы, ценности, идеалы, мировоззрение – то есть вся эта сфера идеального, которая возникает в практике человеческой свободы. Антропологический идеал устремляет человека либо к вечной жизни, либо ограничивает круг его интересов земной жизнью. Я выделяю только эти два основных типа антропологического идеала. Потому что в зависимости от того, кто ты – смертный или призванный к вечной жизни – ты будешь по-разному определяться, по-разному распоряжаться своей свободой.

Если ты человек смертный, то тебе надо как можно больше в этой земной жизни успеть – все попробовать, все потратить, в том числе и

---

¹ Исх. 20, 2.

² Рим. 1, 25.

то, что грешно. Это общепринятый такой посыл: надо все попробовать в жизни. Все? – Значит, и грехопадения тоже? Если ты человек вечно живущий, то знаешь, что этот земной период жизни определяет твой удел в жизни будущего века. Тут можно очень понятный пример привести: как определяет школа возможность обучения в вузе, например, как затем жизнь в вузе определяет твою профессиональную деятельность, как наконец твоя профессиональная деятельность определяет твое бытие в социальном мире, – так и твоя земная жизнь определяет твою загробную участь, твое участие в жизни будущего века. Поэтому ты будешь не только развиваться, приумножать свои силы, чтобы осваивать этот мир, но ты будешь и становиться. Становление – важная категория, она определяет законы возрастания человека в духе. Когда человек уходит из земной жизни, говорят, что он «престал», т.е. предстал, встал. Человек встанет, наконец-то, и предстанет перед Богом во всем своем или земном величии, или земном падении.

Само греческое слово – «антропос» указывает на это становление. «Антропос»¹ – означает «вверх стоящий». Тот, чье движение в пространстве направлено вверх. «Антропос» – «Человек становящийся». Содержание его становления в отрезке земной жизни – это возрастание в духе.

– Как учил преподобный Серафим, стяжание Духа Святого – вот содержание христианского антропологического идеала. Именно этот идеал и определяет ценности. Сейчас в образовании наконец-то появилось очень важное понятие – «традиционные духовные ценности». Оно дает возможность всерьез обсуждать в педагогике те цели, которые выводят нас к идее «Человека становящегося».

Интересно вспомнить, что наука о ценностях называется аксиология, а слово «аксиос» по-гречески означает «достойно». Думается, что маленький лингвистический экскурс позволяет поставить некоторые важные акценты в нашем понимании ценностей. Ценность – это достояние человека. Всякое достояние как-то достается. В чем твое достояние и как оно тебе досталось? Вот так звучит полный двуединый вопрос, когда мы спрашиваем у человека – каковы твои ценности? Часто говорят о различии высших и низших ценностей. Как определить это различие? Думаю, что через отношение итога и пути к нему. Низшие ценности таковы, что итог и путь к нему не соединены нравственной связью. Желанный итог можно получить любым путем – и случайно (родиться красивым и здоровым), и по заслугам (богатство купца Василия Муравьева, впоследствии – прп. Серафима Вырицкого), а можно и через преступление (как получил власть Макбет, герой одноименной трагедии Шекспира). Такие цен-

¹ Человек - (ἄνθρωπος, от ἄνω – вверх, τρεπεῖν – обращать, и ὄψις – лицо, взор) – существо, имеющее лицо свое обращенным вверх, к небу, как цели бытия и будущему жилищу.

ности, как красивая внешность, здоровье, богатство, слава, власть – сегодня именно они становятся предметом вождления. Красота и здоровье поставлены на конвейер массового производства в современной индустрии красоты. Популярным можно стать, применяя PR-технологии.

Высшие же ценности – в них неразрывно слиты правда жизненного пути и правда его плодов. Например, добродетели, честь, благочестивое супружество, целомудрие. Высшие ценности неразрывно связаны с самим обликом человека. Для православной педагогики истинной ценностью являются только высшие ценности. Низшие не могут быть целью для православного человека, они всегда только средства. Для православной педагогики цель и ценность соединены ясной открытой связью: это человек, достойный быть с Богом, и весь его жизненный путь – это путь к Богу и с Богом. Христианин ступает на этот путь через единственную дверь. Это Христос. Меня всегда восхищали слова Евангелия от Иоанна: *Аз есмь дверь: Мною аще кто внидет, спасется, и внидет, и изыдет и пажить обрящет* (Ин. 10, 7). В них для меня все главное о человеке: и наше стремление к труду не на чужой, а на своей пажити, и наше стремление к свободе: входя, мы всегда хотим иметь возможность выйти куда-то к лучшему. И это лучшее Господь обетовал нам: пажить обрящете. Бог определил человеку высокое достоинство быть правителем сотворенного мира и гражданином Вселенной, где его сограждане – люди всех времен и всех народов земной истории, достойно совершившие свой земной путь и представшие перед Богом со словами: вот, Господи, мое достояние. Ты знаешь, как оно мне досталось, ибо я спрашивал Тебя о Твоей воле на каждом шагу моего пути к Тебе. Все, что мое, – не мое, но Твое. И Господь отвечал каждому из них: добро, Мое верное чадо. Войди в Царство, уготованное тебе от сотворения мира. Вот пажить твоя, она больше твоих земных достояний, прими ее, воздвигай и не страшись великих новых трудов: Я был и остаюсь с тобой. Вот, рядом с тобой твои сограждане, святые труженики на Моей ниве – ты знаешь их, ты следовал их заветам на своем земном поприще и сейчас ты – один из них.

– Поэтому православная педагогика – это Вселенская педагогика. Слово «Вселенная» можно произвести от слова «вселить». Это такой путь, следуя которым человек вселяется в Царство Небесное. Ушинский говорил, что педагогика организует весь процесс жизни человека, ребенка, направляет его к цели посредством того, что вовлекает в дело всю совокупность потребного ему для достижения цели. Она помогает ему освоиться в мире, предлежащем как цель, посредством системы знаний, этот мир охватывающих. Вселенская педагогика открывает для человека полноту знания о мире как о Вселенной. Это ре-

альность мира, раскрывающаяся в полноте времен – прошлого, настоящего, будущего.

Человек живет в настоящем, двигаясь из прошлого в будущее. Настоящее уходит, превращается в прошлое. Уходят в прошлое детство, юность, уходят родители, близкие, друзья. Но прошлое остается частью полноты Вселенной. Там, в прошлом – великие деяния, создавшие нашу страну, и святые люди, послужившие Богу и ближним. Из своего настоящего мы обращаемся к ним, учимся у них верности Богу и святой жизни. Двигаясь в будущее, мы стремимся к ним – послужить Богу, ближним и Отечеству по их примеру и верим, что встретимся с ними в жизни будущего века.

Вселенскую педагогику нужно отличать от глобальной педагогики, которую сегодня так пропагандируют либералы. Глобальная педагогика ограничивает человека миром его земных возможностей в пределах индивидуальной жизни. Якобы его задача – успеть взять от жизни все в этом коротком промежутке времени, который называют «современностью». А для этого в процессе образования нужно познакомиться со всем тем, что этот мир может предложить, и освоить способы, посредством которых все это можно попробовать, заполучить, присвоить. И что от педагогики требуют сегодня? – Дайте нам самые эффективные способы, чтобы мы успели получить как можно больше за этот короткий промежуток времени, который нам дан для жизни на земле. А дальше уже дело самого человека, у кого как получится. – Кто-то успеет больше, и тогда он успешный человек, а кто-то совсем ничего не успеет, и тогда он проиграл в этой гонке жизни. Вот и вся цель глобальной педагогики. Глобальной она называется потому, что в ней идет речь о мире, помещающемся на поверхности нашей планеты – на глобусе. Глобальные потребности не связаны ни с какой отдельной частью глобуса, не могут быть ограничены пределами какой-то одной страны или цивилизации. Поэтому от образования требуют мультикультурализма – человек глобального мира хочет научиться потреблять все, что есть в современности, получить доступ к культуре любой страны, представленной на глобусе.

– Да, вот и получается, что глобальная педагогика ведет человека в мир потребления. Цель и ценность глобального образования – потребление. Человек-потребитель – его антропологический идеал. Нет, даже не идеал, а модель: антропологическая модель. Понятие «идеал» употреблял Кант, когда хотел подчеркнуть запредельность, высоту и совершенство цели, выходящей за пределы непосредственных потребностей человека. Например, он говорил об идеале волевого действия – святая воля: это воля, которая, забывая о себе, всегда руководствуется благом другого человека, общим благом. На языке христианства – это

жертвенность. Образ ее дал Сам Христос в Своей земной жизни. Это настоящий идеал. А потребление – какой же это идеал? Это вот именно круг непосредственных потребностей, в которые современное так называемое «образование» замыкает человека, отлучает его от идеалов и высших ценностей. «Человек потребляющий» – это антропологическая модель глобалистского образования, которое почему-то присвоило себе название современного, то есть единственно отвечающего духу времени, в котором мы сейчас живем. Глобалисты говорят: быть современным, идти в ногу со временем, значит – воспитывать вкус к потреблению, быть грамотным потребителем. Так бывший министр образования Ливанов и сказал: наша задача – воспитать грамотного потребителя, то есть современного человека.

– Вот и о современности хотелось бы поговорить особо. Что же такое – современный мир?

– Русское слово «современность» обращает нас к смысловой интуиции времени. Современность – это что-то про время, со временем. Современный мир – это мир, у которого какие-то особые отношения со временем. На английском языке это «modern world» – слово происходит от латинского слова *modernus*, от *modo* – недавно, только что. На латыни нет смысловой переклички со словом «время». Палитру восприятия слова всегда дополняют смыслы сходных по звучанию слов: *modus* – мера, предел, граница, образ, способ. И еще *moderatus* – умеренный, благоразумный.

По смыслу получается что-то вроде этого – способ жизни, умеренной и благоразумной, появившийся «только что», недавно.

Идея модерна появилась в XVII веке, в огне потрясений, которые в наших учебниках по истории описываются как «ранние буржуазные революции». Учебники концентрируют внимание на политических и экономических преобразованиях, на технической революции. В англоязычной же научной литературе большое внимание уделяется смене антропологического образа. Можно сказать, что это была европейская антропологическая революция – возникал новый человек. Идея нового человека была ясно декларирована, и большое значение в его появлении отводилось новому образованию. Им стал рациональный человек, разум которого ставился на службу его земному преуспеянию. Христианство не отвергалось, но должно было стать умеренным и благоразумным – таким, которое не мешает земным радостям и достижениям, но дополняет их еще и обещанием индивидуального бессмертия.

В науке этот процесс называется «секуляризацией» – достояние Церкви отнимается в пользу светской власти, светского общества. Можно говорить о секуляризации разума человеческого. В церковной традиции говорят об апостасии – богоотступничестве. Мир модерна – это мир, отступивший от Бога, апостасийный мир.

Водоразделом в этом мире стало отношение к традиции, к Священному Преданию христианства. Новый человек не должен доверять традиции. Все традиционное необходимо проверять посредством правильно воспитанного разума, – такова основная установка модерна. Можно сказать, это установка критического мышления, которая полностью меняет отношение человека к такой способности нашей души, как вера. Вера начинает восприниматься как недостоверное знание. Принято на веру – значит не проверено критическим мышлением. Для христианина же вера – это способность души воспринимать Божественное Откровение. В основе Священного Предания – не открытия человеческого разума, а Откровение Бога и внимающий ему *сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1Пет. 3, 4).

Сокровенный сердца человек, воспитанный во Вселенской Церкви, по замыслу авторов модернизации, должен исчезнуть и уступить место новому человеку, ориентированному на земной успех, рациональному и благоразумному. Modern world решительно утверждает себя как мир, способный пересоздать человека и утвердить совершенно новые условия его существования.

В идеологии глобализма современный мир – modern world – это новый мир. Это мир, свободный от пут истории, мир, порывающий с прошлым и открытый будущему.

Однако идея новизны не нова в истории. Moderni – так называли в Римской империи христиан. Возможно, именно они наполнили смысловое пространство moderni переживанием беспрецедентной новизны совершившегося «только что». Христиане в том мире стали новыми людьми. Христианство вообще – это новое слово о человеке. Это всегда новое. Господь говорит – *се, творю все новое* (Откр. 21, 5). Христианский завет – это Новый Завет. Человек, последовавший за Христом – это новый человек.

И вот эти новые люди – в Римской империи их называли moderni – они были иными, они жили иначе – это был другой образ жизни. Но не просто другой. – В нем, удивительно притягательном, многие узнавали что-то давно утраченное, но родное и естественное. Как будто закон жизни христиан был написан в сердце у каждого человека, и эти новые

люди учили читать его и превращать в основание жизни. Вот известная история со св. Пантелеимоном. Как он стал христианином? Был добрый знатный римский юноша, учился на врача. Увидел человека, старца, – и тот поразил его своими поступками, речью, манерой общения. Присмотрелся к образу жизни – и был поражен еще больше: «Кто ты такой, что так живешь?» – «Я христианин». – «Научи меня своей вере, я тоже хочу так жить». И св. Пантелеимон последовал за новыми людьми, стал одним из них.

Достоинство христиан отвечало ценностям римской доблести, унаследованной от отцов (патри), составившей славу Отечества (патриа), но утратившей силу определять реальную жизнь римлян. Доблести и предания отеческие превращались в мечту о прошлом, но утрачивали власть над будущим. Будущее римского мира оказалось во власти стихийных сил, стало игрищем мощных человеческих страстей.

Христиане – *moderni* – как будто запускали время в немыслимую пространственно-временную петлю: то, что было прошлым – доблести и предания отеческие – становилось властно зовущим будущим, обновленным, но узнаваемым и родным. Новые люди возвращали силу и власть отеческих доблестей их потомкам. В римском мире христианство совершало то же, о чем пророчествовал пророк Михей народу Ветхого Завета, что по пророчеству ангела совершал св. Иоанн – Предтеча и Креститель Господень: детям возвращались сердца отцов, непокорные обретали образ мысли праведников (см. Лк. 1, 17).

Когда я говорю и размышляю о современности, я всегда держу в уме и сердце захватывающий образ преображения христианством древнего мира. Пушкин хорошо сказал о нем: величайшее событие истории есть христианство. В сей священной стихии исчез и преобразился мир¹.

Я различаю в современном (*modern*) мире два модуса (*modus*) его бытия: мир модерна и мир настоящего. Мир модерна пытается сузить горизонт настоящего, превратить его в точку «здесь и теперь» (*modo*). Прошлое отсекается, информационное пространство превращает его в мифы, анекдоты, авантюрные романы или идеологические стереотипы, полезные здесь и теперь. Будущее перемещается в виртуальный мир. Но настоящее – это не точка разрыва полноты времен, это мир, возрастающий из точки превращения прошлого в будущее.

Мир настоящего – это настоящий мир. Доверяя родному, мудрому и могучему (могущему открывать смыслы) русскому языку – услышим правильно: подлинный, истинный мир. Мир, каков он есть. Настоящее

---

¹ См.: Заметки о русском дворянстве /Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М., 1982. Т. 6. С. 459. Пер. с фр.

время – это время полноты времен, в нем свернуто прошлое и будущее. Пушкин очень хорошо назвал христианство событием. Это событие не осталось в прошлом. Это настоящее событие – оно продолжается как настоящее, современное всякому времени.

– И тогда история становится живой. Есть два восприятия истории. Глобалистом история воспринимается только как прошлое. Действовавшие в прошлом люди умерли, их нет, важны только земные плоды их деятельности, которые достались ему как наследство. Тогда и будущее воспринимается как поле своевольной деятельности. Доставшийся капитал дает возможности для самоутверждения и самореализации.

Если ты историю воспринимаешь как живую ткань, сотканную из деяний людей, каждый из которых ушел в вечность с духовными плодами своей жизни, оставив на земле потомкам ее земные плоды, то и наследие ты воспринимаешь как завещанное. Ты имеешь на него право только в той мере, в какой сумел исполнить повеленное теми, кто его тебе оставил.

Твоя собственная деятельность определяется заветом времен. Прошлое и будущее связаны воедино. Те, кто ушел, – они оставили тебе наследство и ждут тебя в будущей жизни. Здесь разница: ты живешь в истории или только пользуешься ее плодами, не умея их преумножать. Так дети живут тем, что доставляют родители. Не будет родителей – они останутся ни с чем. Ты взрослый тогда, когда живешь исторической жизнью твоего народа, умеешь преумножать богатство его культуры.

Настоящее всегда превращается в прошлое. Люди, живущие в настоящем, всегда уходят в прошлое, и в нем историческое время смыкается с будущим, к которому стремимся и мы. Тот, кто остался в прошлом, оказывается в нашем будущем, ожидая нас в вечности. Там, в будущем, нас встречает история нашего народа, все те, к кому мы с любовью обращались, вглядываясь в прошлое. Настоящее соединяет в себе прошлое и будущее. Живите настоящим, значит, живите во времени перед лицом вечности.

– Мир модерна – это не весь современный мир, это его часть, которая оккупировала настоящее и стремится вытеснить его. Идея новизны стала главной в революционных преобразованиях общества, которые потекли непрерывной чередой. Сегодня уже относительно модерна совершается антропологическая революция – нового названия не придумали, назвали просто: постмодерн. Но по сути мы имеем единый процесс – идею пересоздания Вселенной, сжатия ее в пределах глобуса. Происходит оккупация истории, что стало особенно заметным в постмодер-

не. Модерн учил видеть в истории прогрессивное развитие, а себя – венцом этого развития. Постмодерн смотрит на историю как на свою собственную и заявляет свое абсолютное право свободно пересоздавать ее – «интерпретировать» под свои задачи.

– Вот это надо поставить в центр внимания, – революция меняет не только политические и экономические условия, но прежде всего цели, смыслы жизни, все бытие человека. Революция – это всегда апостасийное движение – отрыв от Христа и отрыв от вечной жизни. Русская революция совершилась, когда Россия была динамически развивающимся государством. В России к 1917 году сформировался очень высокий уровень потребления, среди элит особенно. Революция ведь совершилась под знаком потребительских стремлений народа – хотим потреблять так же, как элиты. На этой волне был выдвинут идеал нового человека, весь круг интересов которого ограничен земной жизнью. В облике советского человека причудливо переплелись черты потребителя и черты русского человека, воспитанного на идеалах христианства. Жертвенность, героизм, желание служить благу людей и всего человечества, – это все черты нравственного облика христианина. Но вирус апостасийной идеологии рано или поздно разрушает нравственные устои личности. Если человек смертен, если нет вечной жизни, – обязательно, рано или поздно, возникнет общество потребления. Потому что человек, зная, что все ограничено временем его земной жизни, будет стремиться все успеть, все попробовать, достичь успеха в земной жизни любой ценой, любыми средствами. К системе образования он с одним только запросом будет обращаться – обеспечить эту успешность любыми средствами.

– Советский период в образовательном плане вдохновлялся идеей формирования нового человека на базе индустриализации, коллективизации и культурной революции. Идея нового человека, заимствованная из арсенала антропологической революции, совершающейся в западнохристианской цивилизации с середины XVII века, означает человека апостасийного, отказавшегося от евангельского обетования вечной жизни с Богом и направившего цивилизационное строительство к целям земного благополучия.

Почему в первую очередь в России с лица земли стали стираться православные храмы и монастыри? Почему одним из самых гонимых стало сословие церковнослужителей и верующие люди? Почему первый декрет советской власти был декретом «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви»? Почему и в наше время православная культура и православная традиция практически не нашли себе места в образовательном пространстве?

Потому что сознательно была поставлена стратегическая задача выработать новый антропологический код цивилизационного развития России, и она до сих пор не снята с повестки дня.

Необходимо было уничтожить носителей и хранителей антропологического идеала русской цивилизации, возвести непроницаемую стену вокруг источника света, освещающего путь к этому идеалу для каждого, пожелавшего следовать ему.

Между тем все значительные цивилизационные прорывы и достижения советской школы при ближайшем рассмотрении оказываются связанными с принятием в качестве регулятивных идей тех или иных аспектов антропологического идеала русской цивилизации. Стремление к сверхзадачам и большим историческим целям, готовность служить людям и Отечеству, братство и дружество, доверие к творческому потенциалу ученика и учителя, – это узнаваемые черты типа человека, явленного всей полнотой русской истории.

Но апостасийный характер советской идеологии замыкал человека в узкий горизонт земных интересов и потребностей. Русское прошлое было отсечено 1917 годом, а светлое будущее – сверхзадача борьбы и свершений – помещено в идеальном пространстве мечты.

Динамику духовной жизни советской эпохи определяло внутреннее противостояние двух антропологических идеалов. В сознании советского человека вечный человек христианского Благовестия встречался с мятежным борцом и преобразователем мира. Для человека, ограниченно горизонтом земного бытия, мечта о светлом будущем трансформировалась в потребительский рай. А в ситуации геополитической конкуренции с западной цивилизацией модель человека – «героического борца за потребительский рай» – проиграла модели «человека потребляющего».

В России весь XX век продолжается единый процесс изменения облика русской цивилизации и ее антропологического идеала, выработанного на основе христианского Благовестия.

В постсоветскую эпоху модель человека-потребителя стала маяком цивилизационных процессов оформления «глобальной цивилизации» по образцам западного мира. У этого процесса не было бы альтернативы, если бы люди не почувствовали, что потребительская цивилизация отнимает у них сам человеческий облик, расчеловечивает их. Освобожденная из идеологической тюрьмы Церковь четко засвидетельствовала, что идеал вечного человека, дарованный в Благовестии христианства, обладает и сегодня властью возвращать впадшего в иллюзии земного рая и поработанного своими собственными страстями человека к его вечному предназначению жить в духе, свободе и любви.

Многонациональный народ России сочувственно отозвался на слово о вечном призвании человека, и сегодня можно говорить о формирующемся желании народа строить жизнь на основе традиционных ценностей, выработанных в процессе исторического развития многонациональной России при державном водительстве русского народа.

Вернуться в Россию – значит, опираясь на тысячелетнюю историю Отечества, создавать в новых условиях современности преемственные формы образовательных практик, обеспечивающие освоение реальных, живых ценностей, проистекающих из антропологического идеала нашей цивилизации, хранимых в цивилизационной традиции России и передаваемых от поколения к поколению.

– Нам сегодня не только в образовании, а вообще в культурном строительстве, в жизнестроительстве важно понять, увидеть, что Россия в этом апостасийном процессе обогнала Запад на 100 лет. Там шли апостасийные процессы с XVII века, но Россия в 1917 году вырвалась на 100 лет вперед и полностью преобразовала идеологию в своем порыве построить земной рай. Когда сегодня пытаются взять за основу советский идеал, забывают, что это новый апостасийный (безбожный) человек, который не имеет перспективы вечной жизни, и он рано или поздно превращается в человека-потребителя. Откуда все беды перестройки? Почему советский человек совершил это безумие разрушения? Потому что он внутренне уже был человеком-потребителем. Он хотел потреблять, но не имел возможности. Образ человека-потребителя уже завладел им. И он захотел построить свою жизнь на основании этого образа – образа общества потребления. Поэтому советские люди, именно выпускники советских школ, живущие вот этой только земной жизнью, они разрушали все хорошее в нашем Отечестве для того, чтобы создать общество потребления, и они достигли больших успехов. Поэтому мы видим, что сегодня для многих Европа стала родным домом, да и в России уже все направлено на то, чтобы формировать человека потребляющего. И сюда переориентировали все, на это переориентировали систему, переориентировали мировоззрение, переориентировали все антропологические основания жизни человека. Не произошло никакого возвращения к историческим основаниям жизни России, состоялось просто переформатирование человека, желающего потреблять, в человека потребляющего.

– Наша страна уже скоро тридцать лет постсоветской эпохи движется одновременно в двух разных модусах современности: включается в процессы апостасийной глобальной цивилизации и, вместе с тем, стремится построить свой суверенитет.

Вот так Стратегия национальной безопасности 2015 года, принятая в декабре, – новейший документ – определяет национальный интерес России: обеспечение суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; качество жизни, здоровье, демографическое развитие народа, закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Полицентричный мир – важная формула, посредством которой становится возможной «разборка» (в современной философии скажут «деконструкция») идеологии глобальной цивилизации. Ограничиваются ее претензии на единственность и универсальность. В мире открывается пространство, где становится возможной дискуссия о ценностях, смыслах, мировоззрении. В конечном итоге – о человеке, о том, кто он такой, откуда он пришел и куда идет.

Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей в Стратегии национальной безопасности заявлено как национальный интерес России. Ценностный суверенитет, духовный суверенитет России – вот важная задача. Кто-то будет спорить, что центральное место в решении этой задачи занимает система образования? Прежде всего именно она должна быть настроена на создание условий для передачи традиционных ценностей новым поколениям.

А что мы видим в реальной образовательной практике? Приоритет традиционных ценностей декларирован в одном из документов Федерального Государственного образовательного стандарта общего образования (этот документ называется Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в системе общего образования. Но только декларирован. До сих пор не разработаны реальные механизмы исполнения этих деклараций. И никто пока не собирается это делать на федеральном уровне: декларация появилась аж в 2009 году – времени более чем достаточно прошло, чтобы запустить реально работающие механизмы ее реализации. Наоборот, в педагогической повседневности с поразительной скоростью включаются механизмы, разворачивающие наше образование в сторону обслуживания глобальной цивилизации. Именно на ее идеях построен новейший масштабный документ, определяющий сегодня все практические шаги в реформировании образования – Концепция Федеральной целевой программы развития образования в РФ на 2016 – 2020 гг.). Реформиро-

ванное образование якобы должно обеспечить в России производство человеческого потенциала для глобальной производственной системы.

Таким образом, заявленная на правительственном уровне стратегическая цель образования входит в кардинальное противоречие с национальными интересами России на долгосрочную перспективу.

Я думаю, что разработчики документа – этой целевой программы – допустили кардинальную ошибку: они взяли курс на достижение суверенитета в глобальном мире. Но тут противоречие в определении. Проект глобальной цивилизации по определению не предполагает никаких суверенитетов. Все национальные суверенитеты должны быть отменены, и все население глобуса подчинено единому управляющему центру планеты.

Надо не к суверенитету в глобальном мире стремиться, а выходить из него во Вселенную. Даже не выходить, а взлетать. Мне сейчас пришел на ум образ из нашего старого фильма «Экипаж» – землетрясение в горах, все вокруг горит, взлетная полоса начинает рушиться, – и из огненного смерча взлетает самолет, покидая юдоль смерти. Ведь цивилизационная модель глобальной цивилизации находится в глубоком кризисе, необходимо искать новые цивилизационные пути.

– Да, апостасийное развитие Европы достигает своей кульминации. Те беды, которые обрушились на Россию в 1917 году, еще ждут Европу, вообще западный мир. Потому что там апостасийное развитие приходит к своему логическому завершению. Человек не знает, как быть, как жить в таких сложных обстоятельствах, которые там возникли. А путь один – необходимо вернуться к Богу, вновь увидеть себя как человека, спасенного Христом и возвращенного Им к вечной жизни. Только такой человек сможет остановить этот маховик потребительской цивилизации. Тогда в своей земной жизни человек будет стремиться не потратить все, а подготовиться к вечной жизни.

– Да, единственное, что нужно здесь успеть верующему человеку, – исполнить повеленное Богом, познать Его закон через исполнение заповедей. «Формула успешности» для верующего человека – это первый псалом Давида: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь*¹.

– **Блажен муж... Речь о блаженстве, при чем тут успешность?**

– А есть ведь такая строфа: *и будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет*². Господь ведь обетование дает, что

---

¹ Пс. 1, 1 – 2.

² Пс. 1, 3.

если по Его закону человек живет, то земное его поприще завершено будет добром. Успеет он сделать доброе, от Бога данное. Не нужно спешить, заботиться о земном – это приложится. Успех – не та ценность, к которой следует стремиться. Это просто Божие воздаяние человеку добром за верность Ему.

А русский человек, как видится, пока эту божественную «формулу успешности» не принял как основу для действия. Его воображение продолжают волновать облики земного величия.

К вопросу о суверенитете в глобальном мире. Патриотически ориентированная часть общества совершенно справедливо обеспокоена тем, чтобы создать в медийном пространстве позитивный образ Отечества, пытается найти точки опоры в нашем прошлом, на которых можно строить наш цивилизационный суверенитет. Назовем его так: цивилизационный, т.е. не только суверенитет государства, но и духовных перспектив жизни людей, культуuroобразующих ценностных ориентиров, которые этим государством поддерживаются и защищаются.

Какие же эпохи нашей истории берут за образец? Эпохи успешного государственного строительства. Вот советская эпоха, когда мы были сверхдержавой, вторым полюсом биполярной структуры, на которой держался мир. Вот имперская Россия. Екатерина Великая говорила: без нас ни одна пушка в Европе выстрелить не смела. Эпоха Московского царства. В учебниках ее величие до сих пор принижается, школьники не в состоянии оценить мощи ее государственности, глубины ее культуры. Но вот дневниковые записи одного из бойцов войска Стефана Батория, осаждавшего Псков: «Какой большой город! Он больше, чем Париж!» И это об одном из не самых больших городов Руси того времени. Какое же впечатление производила Москва? Вот оценка Макария, антиохийского Патриарха, посетившего Московское царство в XVII веке: он оценивает государство как «великое» и говорит, что это величие – награда за благочестие народа.

«Вернуться в Россию» – так называется замечательная книга Леонида Петровича Решетникова¹. Вернуться в Россию – это ориентир и

---

¹ Решетников Л. П. родился 6 февраля 1947 г. В 1970 г. окончил исторический факультет Харьковского государственного университета. С 1971 по 1974 г. обучался в аспирантуре Софийского университета (Болгария). В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1974 по 1976 г. работал в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР. С апреля 1976 г. по апрель 2009 г. – во внешней разведке. Последняя должность – начальник информационно-аналитического Управления Службы внешней разведки РФ, член коллегии СВР, генерал-лейтенант.

С 2009 г. по 2016 г. – директор Российского института стратегических исследований.

для нас, для работников культуры, образования. Решетников говорит в своей книге не о земном величии. Он в ней говорит о верности даже до смерти. О тех людях, которые оставались верны заповеди блаженства: не идти на совет нечестивых, не стоять на пути грешников, не восседать на седалищи губителей¹. Он пишет о скорбных страницах нашей истории, но скорбь эта обращается в радость, потому что они устояли, и память о них жива, и, ушедшие в прошлое, они встретят нас в нашем будущем, если мы, как и они, сохраним верность Богу.

Нам необходимо возвращаться не к какой-то определенной эпохе земного величия русской государственности, а в Священную историю. Русская история совершалась всегда как часть Священной истории. Московский современный исследователь Александр Николаевич Ужанков прекрасно показал в своих работах, что представляют собой русские летописи до XV века. Это книги, которые писались на Страшный суд. Их писали монахи. Писали о деяниях русских князей. История описывалась как деяния людей, каждый из которых предстанет перед Богом. Историческое сознание русского человека было укоренено в Священной истории.

В послепетровскую эпоху это сознание начали круто изменять. Историю повернули к земной успешности. Она стала историей строительства великого государства. А для верующего человека великое государство – это не его успех, это награда за верность, это плоды древа, насажденного у источника вод. Забота верующего человека должна заключаться в том, чтобы не уходить от источника, и тогда древо принесет плод во время свое. Такова библейская концепция власти. Так русский человек всегда жил. Всякий русский человек нес свой крест. Крестьянин – прилежно землю пахал, хлеб сеял и собирал, священник – службу Божию совершал непорочно, князь – землю оборонял, народ защищал, царь – и государство строил и оборонял, и о народе заботился. И каждый – правду Божию соблюдал. Надо вернуться не к какому-то конкретному историческому образцу: имперской ли России, царской России московской – надо вернуться в Священную историю. И тогда мы получим, как плоды воздаяния за верность Богу, все лучшее из возможного. Конечно, хотелось бы взять все лучшее из прошлых эпох, а все плохое оставить, но земной путь немислим без скорбей.

Святейший Патриарх Кирилл совершенно справедливо говорит, что пора перестать противопоставлять друг другу эпохи нашей истории. В каждой из них есть то золото, которое можно взять с собой в будущее.

---

¹ Пс. 1, 1.

Это исключительно верно, потому что перед нами – единая история нашего многонационального народа России, скрепляемая державным служением русского народа. Народа, который больше чем нация, потому что он живет не только в земной истории, но и в Священной истории Вселенной. Есть такие слова «наши мертвые с нами в едином строю». И это так и есть. Прошлые поколения всегда с нами, и поэтому мы – самый многочисленный народ в мире.

И нам сегодня важнее всего взлететь с горящего аэродрома чужебесия и повернуть свой самолет домой. Вернуться в Россию, в русскую жизнь.

– Конечно. Но вся проблема в том, кто может это повернуть.

– Верующий человек.

– Прежде всего те, кто его воспитать сможет, – священство. Вот почему каждая революция в первую очередь уничтожала духовенство, разрушала храмы. Священство, и в особенности монашество – это основная часть общества, которая и формировала человека, стремящегося к святости, и взгляд на историю, как на Священную историю. Восстановление этой части общества должно стать одним из стратегических направлений и в образовании, и в культуре. Потому что если не будет людей – носителей святорусских взглядов, этого духа Святой Руси, то и никто не сможет его передать.

Но надо сказать, что все общество делится на элиты и на народ. В народе тяга к духовности сохраняется сильнее. Возьмем старообрядцев¹: когда они были беспоповцами, они превратились в какие-то секты. И то же самое стало с народом, у которого отняли священство и Церковь. Народ, утратив духовное окормление, превратился в некое суеверное сообщество, почему как только стало возможным возвращение духовной жизни, в первую очередь расцвели всевозможные секты, оккультные течения, – что подтверждает внутреннюю потребность человека, его интерес к духовности, но в непросвещенной христианством части общества этот интерес сказался таким вот уродливым образом. Поэтому стратегически очень важно возвращать наше христианское мировоззрение, христианскую антропологию и стимулировать возвращение носителей этих ценностей, воспитывать их, давать такую возможность и в системе образования с помощью государственной поддержки. Слава Богу, сейчас у нас возможность появилась: и храмы строятся, и монастыри воздвигаются, и количество прихожан увеличивается, начинают расти духовные школы, предме-

---

¹ В зависимости от решения основного для раскола вопроса – об епископстве, священстве и проблеме преемства – старообрядцы разделились на беспоповцев, которые отрицали священство послениконийской Церкви, и поповцев, распавшихся в дальнейшем на общины и толки.

ты соответствующие появляются в светской школе. Потому что это не только личная потребность отдельного человека, это потребность восстановления святого образа Руси, святого образа человека.

– Да, удивительно, что духовное сословие не сгорело полностью в огне революции. Именно как сословие. А как его стремились и сейчас стремятся уничтожить! – Масштаб этой войны нам еще предстоит осознать. Репрессии – и не только репрессии, но и клевета, – методичная, повседневная, бесстыдная клевета, – которая сегодня, наверное, стала главным оружием. Важно сегодня разглядеть это сословие, понять и признать в нем обетованную *Христом власть быть чадами Божиими*¹. В моей жизни была и остается радость узнавания этой власти безграничного доверия к человеку. Веры в нетленность образа Божия в нас, веры в силу воскресения, подаваемую в Таинствах Церкви. И как педагог я вижу влияние этой власти на русскую педагогику. Если мы опираемся на христианские представления о человеке, то развивается такое весьма существенное качество образовательной системы, как доверие к ученику, доверие к учителю, доверие к директору, и в этом случае отпадает необходимость в тотальной, скрупулезной системе контроля. А система контроля возникает тогда, когда человек мыслится в качестве объекта, он как потребляющий, быстро превращается в потребляемого, и ему нет никакого доверия, его нужно точно также описать стандартом, как описываются стандартом предметы потребления. И тогда свобода и ученика, и учителя, и директора сковывается бесконечным количеством предписаний. Это сегодня стало тормозом для развития человека, для становления его в системе образования. А вот русская педагогика, которая основывалась на христианском представлении о человеке, она как раз стояла на глубинном доверии. Возьмем Ушинского, он, когда пишет свои методические разработки, описывает только какие-то ключевые идеи, затем следует указание открытым текстом, что дальше учитель должен выбирать средства, опираясь на свои личные наблюдения за природой учеников. И поэтому вместо нынешнего изматывающего тестирования, которым сегодня мучают школы, развивалась культура педагогического наблюдения, и мы имеем великолепную литературу: педагогическую мемуариистику, наблюдения за учениками, педагогические поэмы, которые появляются в начале XX века. Это плоды русской педагогики, хотя и появляются они в советский период.

К великому сожалению, сегодня это наследие не востребовано в школе. Вместо живого педагогического наблюдения начальником контроля за результатом образования становится мертвый текст.

---

¹ Ин. 1, 12.

И еще важно сегодня строить культуру так, чтобы и духовенство имело возможность образовываться, воспитываться на основе Священного Предания, не попадаясь в сети рационализированных форм церковной жизни, характерных для западной цивилизации. Вопросы образования духовного сословия – это важнейший вопрос системного развития образования в России.

– **Какие же выводы мы можем сделать по итогам нашего разговора? Текущая ситуация в российском образовании представляет собой кульминацию длительного цивилизационного процесса, оформившегося через преобразование мощной государственности и культуры римского мира на началах Благовестия Христа. Сложись две христианские цивилизации – западноевропейская и русская. Мы ведь в истории неразрывно связаны. Для русской цивилизации самая важная ее черта – она хранила Церковь, Священное Предание Церкви, неизменное в веках учение Христа, которое Он Сам передал людям, проповедали народам Его ученики и апостолы, сохранили в борьбе с рациональной философией и рациональной мыслью античного мира Святые отцы. Поэтому и Церковь мы называем – Христовой, апостольской, и Священное Предание Церкви – апостольским, святоотеческим.**

– Западная цивилизация рационализировала Божественное Откровение, вытеснила его в сферу интеллектуальной активности, заменила духовную жизнь умственной деятельностью и в конце концов ограничила круг интересов человека заботой о его земной жизни. Человек западной цивилизации стремится строить рай на земле в виде общества потребления, а христианское обетование вечной жизни ограничивает идеей индивидуального бессмертия (для апостасийного общества – земное бессмертие как венец потребительского благополучия). И западная цивилизация противопоставила свой рационализм Священному Преданию Церкви – так она ступила на путь апостасии, отречения от Бога и Его Откровения.

История для западной цивилизации – это уход от прошлого к новому обществу и новому человеку. Для западного человека длинная родословная важна прежде всего как капитал, дающий основание и возможность жить по своему усмотрению. Чем богаче и глубже история рода, тем основательнее капитал и серьезней возможности.

– **В русской цивилизации Божественное Откровение осталось той силой, которая удерживает единство трех составов человека – тела, души, духа – и открывает для человека перспективу Бого-**

усыновления (по св. Иоанну Кронштадтскому – жизнь во Христе), размыкая границы его земной жизни.

Человек русской цивилизации воспринимает жизнь как служение Богу, ближнему и Отечеству и принимает вечную жизнь как живую реальность, открывающуюся по мере исполнения им своего призвания (повеленного Богом).

История для русской цивилизации – это обетование и духовный завет, это встреча настоящего и прошедшего в жизни будущего века. В многоликости последовательности эпох непрерывно продолжается единая История народа. Всякая законченная во времени эпоха – это люди, исполнившие повеленное (Лк. 17, 10), достойно совершившие свое земное служение, это творцы исторической действительности, связь с ними мы переживаем как духовный завет, нам предстоит встреча с ними в нашем будущем за границами земной жизни.

Западная цивилизация стремится достичь пределов земного мира, стать глобальной, охватив собой всех, ныне живущих на планете (глобус).

Русская цивилизация воспринимает мир как Вселенную, где земное и небесное живет в неразрывной связи, где пространство повседневности пронизано токами времени, берущими начало в днях творения и впадающими в вечность. Русские непобедимы, потому что, живые и ушедшие, они остаются единым народом, сражаясь в одном строю, согласно отвечают на вызовы иных цивилизаций свидетельством, обоснованным полнотой исторического бытия человечества и его предвечным призванием.

– Таким образом, для человека русской цивилизации масштабом оказывается вечная жизнь народа Божия, а для человека западной цивилизации – индивидуальная жизнь в пределах земного существования.

– Исходя из данных стратегий, каждая цивилизация поддерживает носителей своего антропологического идеала, обеспечивая их влияние на все социальные группы. На Западе это интеллектуальные элиты, продуцирующие философию, ментальные парадигмы, социальные технологии, геополитические проекты. В русской цивилизации это люди всех званий и сословий, явившие образцы нравственной жизни в соответствии с заповедями Божиими, посвятившие свою жизнь Богу, ближнему и Отечеству, созидатели и защитники веры, земли и народа, наставники в духовной жизни.

Различие цивилизаций кардинально, соединить их невозможно. Слияние будет означать уничтожение одной из них.

– Между тем в советский период отечественное образование активно стремилось переориентировать человека русской цивилизации, полагающего основу своей жизни в Небесном Отечестве, на труды во

благо отечества земного, в постсоветский же период – на земное преуспевание вот этого, ограниченного рамками земной жизни, индивида. Достижения советского образования связаны во многом с тем, что обособление страны от глобальной цивилизации позволяло воссоздавать в образовательной системе хотя бы некоторые из ценностных ориентиров, выработанных на историческом пути русской православной цивилизации. И главная из этих ценностей – само Отечество, Россия, хранившая в себе и собой являвшая нетленную красоту сокровенного сердца человека.

Результаты развития образования в постсоветский период оказались катастрофичными, поскольку его реформирование открыто и бескомпромиссно совершается под знаком вхождения в глобальную цивилизацию. Состояние образования сегодня оценивают нелестными эпитетами – кризис, катастрофа, хаотизация, на краю пропасти, не на краю даже, а на дне.

Реформаторы покусались на самый образ Отечества – они полагают, что из сердца русского человека удастся стереть его небесные черты.

– И сегодня цель созидательных изменений в образовании очевидна. Эта цель – вернуться в Россию.

Вернуться в Россию – это значит вернуться к антропологическому идеалу русской цивилизации, помочь каждому найти путь к своему сокровенному сердцу человека.

Миссия образования – создание условий, в которых воспитывается человек – носитель антропологического идеала русской цивилизации, поддерживается и поощряется его влияние на все стороны жизни цивилизации: государственность, культуру, образование, информационное пространство, практику конфессий, повседневную жизнь. Стратегическая цель его реформирования состоит в том, чтобы настроить всю систему образования на достижение цивилизационного суверенитета России.

Вернуться в Россию – это значит всем народом вернуться в историческое бытие в пространстве Вселенной и времени Священной истории, где наши великие предки, созидатели и хранители Святой Руси, станут нам соратниками в созидании настоящего и встретят нас в Небесном Отечестве за пределами земной жизни и земной истории.

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

АРХИВ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

МОНАХ ВАССИАН

Когда привожу на память старца Савво-Звенигородского монастыря¹ о. Вассиана, так много утешительного испытывает душа, что, кажется, нет возможности описать образ жизни этого подвижника благочестия. Как много приходится передумать такому же по плоти человеку, чтобы усвоить дивный образ жизни о. Вассиана. И чем больше узнаешь о старце, тем грустней и грустней делается за себя. Но довольно размышлений, буду говорить то, что сам я видел и что так глубоко врезалось в мою память.

Откуда старец родом, мне так и не удалось выведать: он как-будто и не знал ничего, кроме монастыря... А когда я пытался спросить у него, сколько лет он живет в монастыре, старец отвечал: «Я не считаю лета. День прошел – и слава Богу!». А как прошел и в чем прошел – не обращал внимания, живя весь только для Бога... Вот как надо жить каждому из нас.

Внешний вид старца был очень приятный: небольшого роста, лицо детское, радостное. От болезни ног ходил совсем тихо, с палочкой, но очень стройно. Не помню случая, чтобы старец, хотя бы летом, посидел с кем-либо – он знал только келию и церковь. Келия его помещалась в крошечной башенке, не имеющей никаких удобств для живого, пусть и крайне неприхотливого, человека. А как он проводил там зимы – это вообще невероятно! Ничьими услугами никогда не пользовался, говоря: «Я сам в состоянии для себя все сделать, да мне ничего и не нужно!».

В келье о. Вассиана стояла скамейка, покрытая старым ватным подрашником, крошечный столик, одна табуретка, ведро с водой и кружка – вот и все, что было у старца. Вареную пищу старец брал очень редко, не больше двух раз в неделю, а в посты только по воскресеньям. Но

Публикуется впервые. Продолжение. Начало в «ДС» № 1 (81). Воспоминания подготовлены к печати кандидатом исторических наук А. П. Семеновой по материалам архива митрополита Мануила (Лемешевского), предоставленным А. С. Ивановой.

¹ Саввин-Сторожевский Звенигородский в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь, ставропигиальный. Основан в 1398 году в г. Звенигороде прп. Саввой Сторожевским, звенигородским чудотворцем, учеником прп. Сергия Радонежского. Монастырь, имеющий богатейшую историю, был варварски разграблен и закрыт в 1919 году, возрожден в 1995 году.

Саввин-Сторожевский Звенигородский монастырь

почему же в нем не видно было и следа немощей человеческих? Видно, живя здесь, среди нас, он уже облекся в нового человека. Кто бы из нас в его возрасте променял вкусные яства на сухой хлеб и воду? Кто бы согласился спать на голой скамье, забыв о мягкой постели? Кто бы смог проводить суровые наши зимы при трех-пяти градусах мороза в келье? Часто и вода в ведре замерзала... А старец все переносил терпеливо. А многие ли из нас помнят о хранении уст?

Вспоминая сейчас жизнь старца, которую мог видеть, я чувствую, что не в состоянии изложить свои впечатления на бумаге... Слишком слабо выглядят все мои наблюдения! Может быть, если бы я стал говорить о старце другому, более чистому от греховной грязи человеку, можно было бы написать много-много: сначала на бумаге, а потом на сердце, — для того, чтобы вспоминая его богоугодие и чистое житие, самому выполнять хоть некоторую часть из его подвигов и трудов... Но, к сожалению, слишком трудна для меня задача излагать письменно о высоком и чистом, чтобы дать ясную картину такого жития. Это может и должен сделать тот, кто сам чист и высоконравственен, как отец Вассиан!

Рукопись Антона Жукова.

Май 1931 года

Вознесенская Давидова пустынь

Монах Алипий

Светлую память в Вознесенской Давидовой пустыни¹ оставил о себе монах Алипий. Он нес послушание на кухне, на самой черной работе, и никто не слышал от него никогда ни слова ропота или возражения. Да и вообще не слышно его было в обители: такой необычайной тихости и кротости был о. Алипий. Словно начертаны были на нем слова пророческие о Христе: *Не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит...*², и подражанием этой кротости Начальника тишины была вся жизнь сего инока. В глубочайшем смирении он даже необходимую одежду себе не спрашивал. Дадут – поблагодарит, забудут – скажет: «Я и этого не стою». Духом он был неизменно бодр и радостен. Совершенно довольный обстоятельствами своей внешней жизни, он и в душе своей постоянно радовался, празднуя величайшую радость христианина, праздников праздник и торжество из торжеств, славное и победное Воскресение Христово из мертвых. С уст Алипия не сходили ликующие стихи, и в этой своей пасхальной радости он как будто забывал тяжелую работу, неисправную одежду, холод и зной... И Господь призвал его к Себе в этот, столь любимый им день – день Светлого Христова Воскресения. Более тридцати лет о. Алипий, этот смиренный инок, трудился на кухне и скончался в первый день Пасхи 1891 года. Ушел ко Господу, чтобы на небе прославлять Воскресшего, как долгие годы пел и славил Его на земле.

¹ Давидово-Вознесенская пустынь основана около 1515 г. преподобным Давидом Серпуховским, учеником прп. Пафнутия Боровского. Закрыта вскоре после 1917 года, возрождена в 1995 г. В 1997 г. обретены мощи прп. Давида.

² Ис. 42, 3; Мф. 12, 20.

МОНАХ ИОАНН САРОВСКИЙ

Отец Иоанн «ползунок» живет в Ардатове близ Дивеевского монастыря. Лет ему пятьдесят-шестьдесят. Лицо у него смуглое, сам черный. Он безногий – ползает на коленках.

Л. с подругами поехали в Саров на богомолье. Рано утром подъехали они к с. Ардатово [часа в два, как всходит солнышко. – *Митр. Мануил Лемешевский*]. Идет к ним навстречу одна женщина и говорит: «Зайдите к старцу Иоанну». Подошли они к домику, а он стоит на окошке, точно их дожидается. «Пойдите ко мне, я вас жду», – зовет старец. Вошли они к нему в комнату. «Ну, девы, зажигайте свои светильники, встречайте жениха», – говорит он им. Подозвал Варю по имени: «Варвара, карманы у тебя худые, пшеница сыпется, благодать Божия, береги ее...». Другую обнял и сказал: «Как я тебя люблю. Я тебя люблю и жалею. Ты возьми булавочку и приколи язык к небу, я тебя после этого еще больше буду любить». Шуру взял за голову и сказал: «Много ты не думай, а то с ума сойдешь и попадешь в безумный дом». И стал крестить ее голову. Л. сказал, упав ей в ноги: «О смирение, смирение! Великое смирение!». И стал крестить спину и голову, два раза поцеловал ее в голову, и они ушли от него.

*Елиз. Рем.
19 декабря 1931 года*

+ + +

Господи, прости и благослови!

Когда мы пришли в Ардатов, то пошли за благословением к о. Иоанну. Мои спутницы думали до Дивеева ехать на лошади, а мне захотелось идти пешком. Но и о. Иоанн не велел нанимать лошадь, а благословил идти пешком. Мои спутницы все разговаривали с ним, а я о немногом спросила, да и отошла в сторону, но старец ежеминутно ко мне обращался, называл по имени, иногда повторяя два раза имя, и так со мной разговаривал, как будто я была ему близка, несмотря на то, что я только что пришла к нему и видела его в первый раз. Он все показывал моим спутницам, а нас было пять человек, на меня и сестренку мою, говоря: «Смотрите, смотрите, какие ко мне девочки-то пришли!».

В мыслях у меня было держать обратный путь через Арзамас, вдруг он обращается ко мне и говорит: «Ты за меня у Преподобного-то искупайся, а на обратном пути зайди ко мне, зайди!». А я ему возражаю: «Батюшка! Я думала идти с сестрой через Арзамас, через Ардатов боюсь – опасно». А он говорит: «Нет, нет! Ты здесь иди и загляни ко мне!».

На обратном пути – а я уже боялась его послушаться – мы с сестрой пошли этим же путем, как он велел, зашли к нему за благословением на дорогу. Стучимся в каморочку, выходит его сестра, спрашивает: «Кто?». Я отвечаю просто, думая, что батюшка духом знает, кто к нему пришел. Назвала свое имя и сказала: «Из Москвы». Но ведь из Москвы к нему много народа заходило. Сестра все-таки удовлетворилась ответом и пошла спрашивать, можно ли впустить? Потом открывает каморочку, выходит и говорит, что сейчас батюшка выйдет к нам. Времени было уже семь часов вечера и до станции идти еще двадцать пять верст¹ лесом. Когда батюшка вышел, то первый вопрос его был: «Ну что, искупалась за меня у Преподобного?». Я удивилась, что он все еще помнит, так как с тех пор прошло два месяца.

Когда я стала о. Иоанна спрашивать, не остаться ли нам на ночь в деревне, он ответил: «Нет, нет! Сейчас поезжайте!». Тогда я спрашиваю благословения и тороплюсь идти, а он говорит: «Успеете еще, садитесь, поговорим», – и велит сестре ставить самовар. Но я отказываюсь и все спешу идти. Тогда он усаживает нас на лавочку, и мы много с ним говорим о Преподобном. Как мощи Преподобного хотят все взять, да он не допускает, а вот когда монахи перестанут жить по-монашески, то и Преподобный от них уйдет. Потом рассказал нам, какой был случай в Киве: пасли стадо два пастушка, вдруг находит облачко и спускается все ниже и ниже. Потом из облачка выходит Спаситель с большим Крестом в руке и говорит: «Пойдите, скажите народу, чтобы все покаялись. Я хотел прийти судить их в этом году, но Матерь Божия упросила Меня, и Я даю на покаяние еще четыре года», – и скрылся, оставив им Крест. И многое еще другое о. Иоанн рассказывал, только я уже забыла.

Потом старец велел сестре принести нам вареного картофеля, хлеба и огурцов. Я отказываюсь, говорю, что мы не хотим, прошу благословить на дорогу, потому что нам нужно спешить. А он уговаривает: «Нет, надо, ты должна от меня взять!». Потом спрашивает: «Каких тебе дать огурцов: соленых или свежих?». Говорю: «Каких вы благословите!» – «Слышишь, сестра, что она говорит? Ну, идите теперь с Богом, Преподобный будет с вами», – и стал нас благословлять много-много раз (раз пятнадцать), приговаривая: «Господи, сохрани овечек от многих волков!». Мы такую радость получили и побежали с сестренкой на станцию!

Бежим лесом, дороги не знаем, спешим, а уже темнеть начинает. Догоняет нас мужчина, идет рядом с нами и говорит: «Не бойтесь меня, я тоже на станцию иду». Подходим к одной полянке и видим, как перебе-

---

¹ Верста – русская мера длины, равная 1,06 км.

гают ее из стороны в сторону какие-то люди в странных костюмах. Тут не только сестренка моя испугалась, но и мужчина струсил. Но я, грешная, верю в силу Божьего благословения и иду спокойно. Мы приостановились, но и они не решались подойти. Я перекрестила то место, начала читать «Живый в помощи»¹, помолилась Царице Небесной, Преподобному, и мы пошли, а когда подошли – никого нет, и мы спокойно прошли. Потом с другой тропинки к нам присоединилось еще трое мужчин, и мы вместе с ними пошли до станции.

Подходим к одному страшному месту – там есть мост, под которым скрываются разбойники, нападают на прохожих и отнимают вещи. Когда совсем близко подошли к тому мосту, то все мужчины убавили шаг и оказались сзади нас. Я шла немного впереди сестры, крестя путь великим Крестом, которого вражья сила не выносит. Читаю молитвы и сестренке говорю: «Читай!».

В это время на мост въезжают четыре лошади, и таким образом на мосту нас образовалась целая партия: восемь мужчин и нас двое, и только мы подошли к концу моста, как те трое мужчин обогнали нас и бросились бежать лесом. Я сестре кричу: «Деточка, не отставай! Молись!». А уже стало темно, дороги в лесу мы не знаем и спросить не у кого. Мы не идем, а летим с ней как на крыльях. Слышим сзади крики. Трое мужчин, которые ушли вперед, еще быстрее побежали. Они в сапогах бегут, а мы босые по темному лесу. Я только боялась, как бы сестренка не порезала себе ножку да не остановилась от усталости. Прошу Матерь Божию подкрепить ее, а сама все твержу: «Молись, деточка, скоро добежим!». Слава Богу! Лес пролетели, болотом летели, ноги увязали, но мы бежали, не выпуская «спутников» из виду. Какая-то невидимая сила нас несла, хранила и подкрепляла. Потом бежали деревней, в избах мелькали огоньки, потом полем, еще немного – и станция!

Слава Богу! Пришли! Так и упали на лавочку, не отдышимся. Было 11 часов 30 минут, а в 12 часов подошел поезд. Двадцать пять верст пролететь без отдыха, не тихим шагом, а лётком лететь, – разве это не дивно?! Так блаженный о. Иоанн нас задерживал, а потом благословил, чтобы показать силу святых молитв, и так по его святым молитвам Господь послал нам попутчиков. Слава и благодарение Богу за все!

На другое лето, это был уже 1927 год, я ехала через Арзамас одна, и уже из Дивеева отправилась в Ардатов и зашла к о. Иоанну. Мне сказали, что он теперь не принимает, но я решила все-таки испробовать. Сказала, что я из Москвы.

---

¹ Пс. 90.

Кутузовский Богородичный монастырь

На этот раз меня провели к нему в келию. Он так обрадовался, так ликовал! Меня посадил рядом с собой, и стали мы беседовать. Потом спрашивает: «Ты с Кем ко мне пришла?». Я говорю: «Батюшка, одна». А он говорит: «Нет, не одна!». И повторил это. Тогда я поняла – с Кем. «С Господом ты ко мне пришла!». А я всегда, когда иду полем, читаю Иисусову молитву за себя и за родных. О! Если бы вы знали, как это хорошо! Никакого спутника не надо: не скучно и не страшно идти!

Наоборот – радостно, отрадно на душе! Весь мир ушел от тебя. Идешь по-зем одна, чистое голубое небо, птички щебечут, да ветерок тебя ласкает, а ты идешь и твердишь молитву: эту чистую, сладкую небесную пищу!

Дал он мне маленький крестик и говорит: «Люби Господа! Люби! Видишь, как Он за нас ручки распростер! Люби Его, и Он не оставит тебя!». Благословил меня этим крестиком и говорит: «Молись за меня и о. Симеона не забывай, а мы будем за тебя молиться». Долго мы с ним беседовали, только я теперь уже забыла, о чем. Он меня благословил идти в монастырь в Кутузовку¹: «Иди туда, там будет через два дня большой постриг, там много моих духовных чад, и я туда через два дня приеду».

Когда я пришла в Кутузовку, это двадцать верст от Ардатова, все лесом, там постригали тринадцать монахинь в мантию и трех в схиму, всего шестнадцать человек. Мне первый раз удалось видеть такой большой постриг. В Даниловском монастыре я видела, как одну или двух постригали, а здесь – сразу шестнадцать! О, какой это был дивный, благодатный постриг! Полон храм народу, постриженницы плакали, и народ вместе с ними. Целый месяц они готовились, постились, и когда стояли на постриге, так они были хороши и благодатны, как святые, которых изо-

---

¹ Кутузовский Богородичный общежительный монастырь учрежден в 1902 г. из женской общины, открытой в 1881 г. Начало иноческой жизни здесь положено было строительницами Дальне-Давидовской обители Н. Б. Захаровой и А. П. Васильевой. Первой предсказано было преподобным Серафимом, что «просветится через нее еще одно место в Ардатовском уезде». Таким местом и сделался Кутузовский монастырь. Здесь находятся местнотимая икона Божией Матери «Утоли моя печали» и большая икона прп. Серафима, при которой устроена витрина с вещами, принадлежавшими преподобному. При монастыре действовали иконописная и другие мастерские, богадельня и школа с классами рукоделия. Закрыт после 1917 года. Сейчас на территории монастыря расположен скит Серафимо-Дивеевского монастыря, действующий с 2006 г.

бражают на стенах храмов. После пострига о. Иоанн подполз к ним и все им кланялся, поздравлял их, говоря: «Ангелы-то, Ангелы летают над вами!». Некоторые из народа подходили к нему за благословением. Он кого благословит с улыбкой, с кем просто поговорит, а то так и отбежит от кого или скажет: «Уйди, уйди от меня!» – и не благословит. Сестры толпою за ним ходили. Я прожила там целую неделю, и меня Господь сподобил быть в храме две ночи, ночевать вместе с постриженными. Мне так хотелось быть с ними ночью в храме, и я попросила Матерь Божию, чтобы Она устроила меня.

Всех выгнали из храма, остались только постриженные и с ними главная монахиня, которая за ними смотрела. Я подошла к ней, попросила благословения остаться в храме, и она благословила. Какие это были чудные ночи! Сколько слез я пролила! Как они ждали двенадцати часов, а когда главная монахиня говорила, что уже двенадцать часов, то все подходили ко Христу Распятому и начинали петь: «Се жених грядет в полунощи». О! Не могу я передать того чувства, что переживала душа моя! Они все вместе стояли и пели, а я незаметно в уголке стояла и тоже пела Господу, и слезы лились из глаз моих.

Потом подходили к особо чтимой там иконе Божией Матери «Утоли моя печали» и пели Ей тропарь «Под Твою милость» и другие песнопения. Стояли они в своих темных одеяниях на коленях перед образом Богоматери и пели. Они были как в густом тумане, как в фимиаме от кадилья, который будто покрывал их и доходил до верха храма.

Когда я после обедни подошла к игумении под благословение, она благословила меня и сказала: «Ты знаешь, Кто тебя сюда привел?». Я смотрела на нее и молчала, недоумевая. «Тебя Матерь Божия сюда привела, благодари, благодари Ее! Смотри, на какой ты постриг пришла, поди – благодари Ее!». Я, конечно, плакала и благодарила Матерь Божию и Господа за все те радости и благодать, которые я получила там.

28 июня 1932 года

*Икона Божией Матери «Утоли моя печали».
Кутузовский скит Серафимо-Дивеевского
монастыря*

ИОАНН БЕЗНОГИЙ АРДАТОВСКИЙ

Приблизительно в 1926 – 1927 годах, направляясь в Саров через Ардатов, от попутчиков я услышала, что в этом городе живет подвижник по имени Иоанн Безногий, известный как прозорливец, монах, проживающий на покое на частной квартире. Отстояв обедню, мы с сестрой отправились искать его, в надежде услышать от него ответы на наши духовные вопросы, сильно терзавшие нас в то время острой своей неразрешимостью.

Пройдя небольшой провинциальный городок с края до края, мы вскоре оказались на самой окраине перед домом подвижника. Войдя в крытый двор, мы остановились перед лестницей, заканчивающейся наверху небольшой площадкой. Перед этой лестницей его ожидало пять-шесть женщин. Судя по одежде, одни из них были монахини, другие – крестьянки из ближайших губерний.

Прислушавшись к разговору, мы поняли, что о. Иоанн только что вернулся из церкви после Причастия Святых Тайн Христовых. Он недолго заставил себя ждать: закрипела дверь, послышался стук деревянных шагов, и на площадке появился подвижник. Перед нами стоял старец лет шестидесяти с небольшим, стоял он как бы на коленях, на деревянных подставках, опираясь на палку.

Был он довольно высок, широкоплеч, с головой, покрытой густыми, с сильной проседью волосами, расчесанными на прямой пробор. Брови тоже густые, с проседью, как бы нависали над глазами, что делало лицо несколько угрюмым, неприветливым. Из-под бровей его изредка взглядывали на нас умные небольшие серые глаза. Большой же частью глаза его были полузакрытыми. Широкая, окладистая борода покрывала его грудь. Одет он был в новую белую ситцевую рубаху, подпоясанную синим пояском со словами молитвы. Речь его, речь человека, умеющего ценить слово и время: краткая, но ясная и сильная. От всего его существа веяло какой-то силой, крепостью, строгостью.

Отец Иоанн спросил наши имена, затем поинтересовался, с какими нуждами мы к нему пришли. Нужды были большей частью по вопросу остро осложнившихся семейных отношений. Ответы о. Иоанна носили характер чуткого, трезвого, беспристрастного понимания обеих враждующих сторон. Что касается меня, то я была крайне смущена его требованием задавать вопросы при всех и вслух, так как моя нужда не носила рядовой обыденный характер и была чисто интимного, духовного свойства. Ее можно было поведать только наедине

Паломники на пути к святым местам. Саров, 1903 г.

или на исповеди. Поэтому я приготовилась высказываться туманно, слабым, еле уловимым намеком.

Отец Иоанн всех опросил, всем дал ответ, только я одна стояла, как бы совершенно им забытая, и уже вот-вот собиралась уйти. Стояла я, низко опустив голову, погружившись в свои безутешные мысли. Вдруг слышу что-то знакомое, как бы свое имя, но что-то мешает мне признать его за собой. Я как бы просыпаюсь от своих безутешных мыслей, поднимаю голову и, показывая на себя, спрашиваю: «Это он мне говорит?». Отец Иоанн утвердительно кивает и говорит: «Иисус Христос и Божия Матерь спасут тебя», – и затем всех нас отпускает.

Когда мы возвращались с сестрой домой, она вдруг сказала мне нечто невообразимое: «Ведь вот отец Иоанн тебя назвал “монахиня Людмила”!»! «Когда?! Я ничего не слышала», – возразила я. «Как же ты не слышала? Ведь три раза он повторил это». Эти его немногие слова были удивительно метким, полным утешения ответом на мой мучительный вопрос, так туманно, так отдаленно мной высказанный. Ответ меткий и все исчерпывающий, но никогда мной по своей великости и недоступности не принятый и не понятый в его прямом и буквальном смысле.

Вернувшись домой в Москву, спустя три-четыре года после моей встречи с о. Иоанном, я случайно узнала, что о. Иоанн – монах-подвижник, проживший девять лет в Саровских лесах и слывший по всей округе прозорливцем.

*Авторство не указано.
1931 год*

МОНАХ ПЕТР САРОВСКИЙ

Монах Петр жил в Саровской обители. Всегда он ходил с улыбкой. Смирение его было поразительное. Монастырские братья часто били его и даже выбрасывали в мешке из окна, – он все терпел благодушно. Несмотря на свое смирение и безответность, он обладал находчивостью в речи, знал много старцев, любил рассказывать о блаженном Алеше. Послушание его было в монастыре кормить братию и приходящих, так он, бывало, до тысячи человек в день кормил. Кончина его постигла мученическая: о. Петра зарезали в Саровском лесу, когда он исполнял послушание. Случилось это за два дня до Преображения. Незадолго до его смерти м. Анна видела сон, будто сидит отец Петр с блаженной Пашей Саровской¹ рядом за алтарем, а м. Анна и говорит Паше: «Как это вы рядом сидите?». Та отвечает: «Он будет мученик...». Так оно и вышло.

*Со слов м. Анны.
22 сентября 1931 года*

МОНАХ НИКОЛАЙ

Прошло двадцать шесть лет со дня блаженной кончины старца о. Николая, а в моей памяти как внешний вид старца и образ жизни, так и кончина его предстают перед глазами так живо, так ярко, будто бы это было несколько дней тому назад.

Несколько раз принимался я писать об этом дивном старце, но всякий раз благодаря разным случайностям записи затеривались. Начинаю снова писать, но чувствую, что не в силах передать на бумаге те чувства, которыми наполняется душа при воспоминании о нем. Да и не может это передать простой смертный человек.

Да укрепит Господь Сам и поможет мне передать все, что я слышал и видел. Я обязан теперь, в наше время неверия и отступничества от Хри-

---

¹ Блаженная Пелагея Дивеевская (1809 – 1884). В 1828 году Пелагея Ивановна Серебренникова посетила Саровскую пустынь, где прп. Серафим благословил ее на подвиг юродства: «Многие тобою спасутся, и будешь ты свет миру». Сорок шесть лет провела она в обители, неся бремя подвига юродства. Блаженная старица была прославлена в лике святых в октябре 2004 года Архиерейским Собором. Святые мощи ее покоятся в Казанской церкви Серафимо-Дивеевского монастыря, по молитвам к святой совершаются чудеса и исцеления.

ста, подкрепить слабого падающего брата словом любви и участия... Как счастлив я, что Господь столько открыл мне через рабов своих! Сколько раз охватывала душу мою холодная волна неверия, и я начинал доходить почти до безумия. Казалось, что ничего нет, – ни души, ни Христа...

Но вот встает в памяти дивная жизнь подвижника, старца наших дней, свидетелем которой я был сам, слышал и видел все своими глазами! Как стыдно, как грустно делается за себя! Что было бы со мною, если бы Господь не укрепил меня через рабов Своих! И хочется крикнуть всем: «Гоните прочь от себя мысли о неверии – бессмертна душа! Свят! Свят! Свят Господь Саваоф!». Мы должны, братия, слушать гла-са Божия!

Вспомнишь старца и невольно скажешь: «Старец, ты весь в Боге и Бог в тебе!». Помню, как приступал он к Причастию. Один вид его перед принятием Святых Даров приводил душу в умиление. И кто же заставлял его переживать так все это? На вид обыкновенный монах: в мантии, с непокрытой головой... Все что-то шепчет про себя, все время взгляд его устремлен далеко, далеко...

Старец Николай происходил из крестьян Московской губернии Звенигородского уезда, деревни Спасково. Грамоте учился он немного, так как родители его хоть и были набожны, но на обучение почти не обращали внимания. При святом Крещении назвали его Никифором. В самом раннем детстве часто бывал он с родителями в монастыре преподобного Саввы, и с тех пор крепко полюбилось ему монашество. Но Господь не сразу призвал к Себе раба Своего. Еще много пришлось пережить и перетерпеть ему в миру.

Часто со слезами просился Никифор сходить в монастырь, просил оставить его там, дать ему возможность скрыться от суетной мирской толпы и служить одному-единственному, одному, любимому им, Богу... Но рано еще было осуществиться его мечте – отдали его родители учиться ремеслу: делать церковную утварь. Полюбилось Никифору его ремесло, возблагодарил он Бога... Всегда думалось ему за работой: «Я ведь сам, своими руками изготавливаю нужное для храмов Божиих!». Однажды сделал он лампаду и отнес ее в пещеру к образу преподобного Саввы. Долго молился там, долго плакал и просил принять его в число братии.

Но не суждено ему было в молодости принять монашество. Пришлось ему исполнить волю родителей – жениться, потом пятнадцать лет прослужил он на военной службе, вернулся в родные места и стал снова работать на фабрике церковной утвари, не оставляя и домашнего хозяйства. По смерти отца с матерью в доме осталась хозяйкой жена Никифора. По каким причинам, неизвестно, – по слабости человеческой или

враг посмеялся, только стала она попивать и так ослабела, так запустила хозяйство, что пришлось Никифору оставить фабрику и жить дома. Много горя перетерпел он из-за этого! Однажды ушла жена куда-то из дома да и запропала... Долго ждал ее Никифор и, почувствовав что-то недоброе, отправился разыскивать. Нашел жену почти без признаков жизни, сильно пьяную, поднял ее и с великим трудом принес домой. На спасение было мало надежды, однако не растерялся Никифор, позвал соседа, и они с помощью Божией привели ее в чувство. После этого перестала его жена пить, но стала часто болеть. Оплакивая свою прошлую слабость, она готовилась к смерти.

Со слезами глубокого раскаяния говорила она: «Как только Бога благодарить, что дал мне время на покаяние!». Никифор очень заботился о спасении своей жены, часто приглашал священника приобщать больную, и когда она умерла, велика была радость Никифора видеть ее христианскую кончину! Боялся он за нее, как бы не умерла в пьяном виде. Похоронив жену и оставшись один, ничем уже не связанный с этим миром, он часто стал ходить в любимую обитель преподобного Саввы, исповедуясь и причащаясь Святых Даров в скиту у своего духовника, старца о. Антония.

Советуясь с ним, Никифор все больше и больше открывался старцу, как тяготит его мирская жизнь, как хочет он вступить в число братии монастыря. Одно смущало его – возраст. Но очень скоро все сомнения разрешились: он принял в скиту преподобного Саввы монашеский постриг с именем Николай. Проходя послушание при монастырской кухне, о. Николай все больше трудился, неся сложные и трудные послушания не по годам своим, на что многие обращали внимание. Целый день с утра до вечера старец был занят работой, только по болезни пропуская службу: он каждый месяц страдал лихорадкою по два дня. Эти дни он лежал на печке, пищи не вкушал, от жажды пил квас.

В два часа ночи в монастыре начиналась полунощница. За полунощницей – сразу утренняя. Придя из церкви в полпятого утра, о. Николай час отдыхал, а с шести часов утра и до часа дня неутомимо пребывал на послушании. В три часа к нему приходил иеромонах о. Антоний – его единственный друг. Если же о. Антоний в три часа по какой-либо причине не приходил, то заходил в шесть часов, после вечерни. Мне одному только разрешалось входить к ним, и то очень редко. Все мне завидовали и говорили: «Как счастлив ты, что так близок к этим старцам!».

Однажды, когда в сентябре 1903 года в монастыре рубили капусту на зиму, я был с о. Николаем в погребе, и он стал мне объяснять, как надо зимою следить и что и как делать, чтобы не испортить заготовку. Из его

слов ясно становилось, что вскоре сложит он с себя этот непосильный труд, и я сказал: «Батюшка! Отец Николай! Может быть, не я буду здесь работать, а кто будет на этом деле, тому тогда Вы и растолкуете?». Старец тихо сказал: «Ты слушай, что я говорю... Я скоро умру... Рождество Христово вместе встречать будем и Новый год». И замолчал.

Спустя некоторое время работали мы с ним в квасной. У старца был какой-то особенно веселый и радостный вид... Он что-то шептал, как всегда, про себя, часто устремлялся взор его далеко ввысь. И вдруг о. Николай говорит мне: «Знаешь, какое я видел сегодня видение?». Помолчал немного и передумал: «Нет, не скажу тебе, боюсь!». Я до сих пор жалею, что не упросил старца рассказать об этом видении. В этот день старец опять говорил, что скоро умрет: «А ты мне послужи, когда я слягу. Ты будешь видеть мою кончину. Я умру в Новый год после всенощной».

Наступило 31 декабря 1903 года. Старец заболел, но как всегда, исполнив послушание, помолился Богу, простился со всеми на кухне и пошел в келью. Мне же наказал быть возле него. Первого января (14 н. ст.) старец встал, принял своего духовника о. Антония и долго беседовал с ним. Наступил вечер. Начался звон ко всенощной под праздник преподобного Серафима Саровского. Отец Николай сказал мне: «А ты у меня побудешь во время всенощной». Потом заставил меня поискать на окнах деньги и отнести их в церковь. Я нашел пять копеек, снес их в церковь и пришел назад. Он опять говорит: «Где-то еще есть деньги, поищи». Я нашел еще две копейки. Вторично послал он меня отнести их в церковь. Возвращаюсь назад, а он спрашивает: «Какая часть службы идет?». Потом сказал: «Пойди, приготовь трапезу и помоги убрать, а как уберетесь, приходи и послужи мне Бога ради при моей кончине».

Я пошел, все исполнил, как приказал старец, и опять вернулся к нему. Отец Николай попросил оправить лампадку и положить на стол крест деревянный и свечку. Крест и свечка хранились у него со дня пострига в монашество. «За мною скоро придут», – тихо сказал он и как бы забылся. Я задремал, сидя на подоконнике. Вдруг слышу, отец Николай говорит мне: «Антоний, ты уснул?». – «Да, батюшка, задремал». – «Ты не слышишь, как они плачут, какой страшный визг... А Ангелы-то как радуются... Ты не спи...», – и опять забылся.

А я – по немощи человеческой, а больше по легкомыслию, – опять заснул сидя. Второй раз окликнул меня старец: «Антоний, зажги свечку и дай мне в руки крест! За мной пришли». Лицо его сияло радостью... В келье стало необыкновенно светло. Я не отрываясь смотрел в лицо умирающего старца. Он весело смотрел и как будто с кем-то говорил, а может быть, молился... Через несколько минут, – точно ска-

зять не могу, потому что время летело, и я не замечал его, глядя в лицо старца, – может быть, прошел целый час, судя по догоравшей свечке. Старец громко сказал: «Слава Богу, как все хорошо!» – и закрыл глаза. Я не заметил последнего вздоха старца, только видел, как ослабела рука, державшая свечку. Я поднял немного его руку и убедился, что старец предал дух свой Богу... Взял я свечку, погасил ее, взглянул на часы, да едва разобрал: двенадцатый час ночи. С точностью исполнились слова старца о том, что он умрет в первый день Нового года.

Сделав несколько поклонов об упокоении души новопреставленного старца, я пошел сказать старцу, монаху Иосифу, что о. Николай скончался и спросил о том, когда будем одевать его. Отец Иосиф сказал, что утром, так как у о. Николая не было даже пары белья. В маленьком сундучке лежали только туфли и пара чулок, еще маленькие часы, да и те казенные. Я до утра пробыл в келье около усопшего старца. Утром одели его как подобает. Погребение старца было обыкновенное, монастырское. На выносе присутствовали одни монахи, так как в скит не допускались мирские. Как сейчас вижу это шествие. Умилительны и торжественны иноческие похороны... Невозможно передать это духовное состояние! Погребали о. Николая на скитском кладбище в ограде. После смерти старца обязанности его стал выполнять другой монах, о. М. Был он на этом послушании три года. В монастырь пришел уже в возрасте шестидесяти лет.

Все очень скоро забыли о монахе, старце о. Николае. Подвижническая жизнь в кругу скитских старцев не редкость и даже, если хотите знать, дело обыкновенное. Только в церкви услышишь имя новопреставленного о. Николая до сорока дней – вот и все. Однако Господу угодно прославлять угодивших Ему... Однажды, исполняя свое послушание, о. М., придя от утрени в три часа ночи, пошел в погреб за рыбой, так как было это девятого февраля, день отдания праздника Сретения Господа, и трапеза братии в связи с этим заметно улучшалась. Вышел он на крылечко и только стал спускаться по открытой лестнице вниз, вдруг видит необыкновенный свет со стороны востока... Испугался, подумав, что где-то пожар. Всмотревшись, понял: что-то не то, и как человек твердый духом, остался на месте и стал наблюдать за светом, который становился все ближе и ближе. Через несколько минут обрисовались в нем три фигуры монахов, которые как бы шли в воздухе и, подойдя совсем близко, остановились.

В среднем прищельце о. М. узнал о. Николая в мантии без клобука, а по сторонам от него находились два незнакомых иеромонаха в ман-

тиях, эпитрахилиях и поручах золотовидной парчи, так же с открытыми головами. Вдруг появляется световидный юноша. Ноги его закрывает облако. Обращается он к о. М. и спрашивает: «Узнаешь ли ты кого из пришедших?». Отец М. не смутился и сказал: «Да, узнаю среднего. Это наш о. Николай». Юноша, показывая на стоящего по правую сторону от о. Николая, сказал: «Это преподобный Сергей Радонежский», – а указав на другого, добавил: «А это ваш покровитель, преподобный Савва» – и, сказав это, исчез в ослепительном свете. Как только он исчез, о. Николай стал говорить о. М., что и он здесь скончает свое земное существование, на этом же послушании... «Вот я в сороковой день и пришел навестить тебя. Трудись, спасайся, а я за тебя буду молиться, и тебя Господь не оставит!». И низко поклонился о. М. Преподобные отцы благословили его и так же низко ему поклонились, затем повернулись и пошли, удаляясь все выше и выше.

В этот момент о. М. вбежал ко мне, позвал скорее выйти и, показывая на удаляющийся свет, сказал: «Гляди, что это?». Я сказал, что, возможно, это пожар. А он говорит: «Нет, будем глядеть дальше!». Я увидел, как он взволнован, и спросил, в чем дело, а сам вижу, что это свет не от пожара. И только когда уже стало совершенно темно, как должно быть в ночное время, он обратился ко мне: «Теперь пойдем к тебе, и я расскажу все, что видел». Вот он-то все видение и передал мне, я же точно записал с его слов.

Но этого мало. Для большей убедительности, что это действительно приходили небожители, могут служить рассказы окрестных жителей, которые видели свет и пришли утром из Звенигорода, чтобы узнать, не было ли в скиту пожара. Приходили из Саввинской слободы и деревни Дютково, где так же предполагали, что в монастыре пожар. Мы говорили им: «Как видите, пожара не было, а это наши небесные покровители посетили места подвигов здешних святых отцов». Я был свидетелем этого и во славу Божию все записал!

Вечная тебе память, достоблаженный о. Николай! Ты истинно уверился в ожидающем тебя будущем... Понял, что такое вечность, уразумел, как неисчислимы и сладостны блага неба, полюбил горний Иерусалим! Только для одного неба жил ты на земле, день и ночь трудясь в подвигах и угождая Богу! И теперь, предстоя с горним воинством у престола Всещедрого Бога, поминай нас грешных... Несомненный наследник блаженства, молись, чтобы и нам получить хоть некоторую часть от оногo!

*Рукопись Антона Жукова.
Апрель 1931 года*

Златоустовский монастырь. Москва

ОТЕЦ ДОМЕТИЙ

Звонарь Дометий был из Златоустовского монастыря¹ в Москве. Именины его 7 августа². Лет ему было около пятидесяти. Худой, плохенький с виду. Лицо его напоминало лик св. Иоанна Крестителя. Кушал он очень мало, но мясо употреблял. Никогда он не божился и не ругался. Всегдашнее его присловье было: «Ах, разбидовалась, ах, разбидовался...». Обладал он даром прозорливости, но не всем открывал его. Многие из тех, кто его знал, обращались к нему за советом, а так народ к нему не ходил. Бывали

ему видения. Однажды явился к нему в келию Спаситель наяву и, отвернув кран, наполнил всю комнату дивным благоуханием. Дометий в трепете упал к Его ногам... Предсказал он заранее, как будет закрыт и разрушен Златоустовский монастырь.

Когда С. А., которая ходила к нему три года, послала однажды в голодный год сына своего отнести ему лепешки, он сам вышел его встречать к трамваю, так как юноша не знал точно, где его келия. И такие случаи с С. А. повторялись не раз. Она идет к нему, а он ей навстречу. У одной женщины муж был в плену семь лет. Пришла она к о. Дометию: «Батюшка, скажи мне, как его поминать?» – «Подожди!» – сказал он ей и побежал звонить на колокольню. Спускается вскоре оттуда и говорит: «Жив твой муж и скоро к вам вернется». Так и вышло: муж ее скоро вернулся домой.

Умер о. Дометий от водянки на Пасху 3 апреля 1920 года. Заболел на Рождество. Когда он почувствовал себя больным, сказал: «Я теперь наелся до Пасхи».

¹ Златоустов мужской монастырь основан в XIV в. в Москве, в Златоустенском переулке. Соборный храм монастыря во имя св. Иоанна Златоуста построен был великим князем Иоанном III в 1482 г. Здесь же находилась чудотворная икона «Знамение» Пресвятой Богородицы, прославившаяся в 1848 г. во время холеры. Закрыт монастырь в 1918 г., разрушен в 1933 г.

² Седьмого августа по ст. стилю Церковь празднует память святого преподобномученика Дометия Персянина, который был забит камнями с двумя своими учениками по приказу Юлиана Отступника в 363 году.

И верно, болезнь его была настолько мучительна, что он почти не мог больше ничего вкушать. Положили его в Градскую больницу, там он и умер.

После его смерти С. А. видела его во сне как схимника. Когда пришла она помолиться об о. Дометии в церковь Девяти мучеников¹ и сообщила о его смерти батюшке, он с глубоким уважением сказал: «Это был истинный раб Божий – Дометий».

*Записано со слов Власовой.
5 декабря 1931 года*

Церковь Девяти мчч. Кизических. Москва

ПРОТОПРЕСВИТЕР О. АЛЕКСАНДР ДЕРНОВ

Протопресвитер Александр Александрович Дернов (1857 – 1923) был старшим сыном в многодетной семье сельского священника. Отец его овдовел, когда родился одиннадцатый ребенок. Саша с малолетства познал нужду, рано покинул отчий дом, поступив в Вятское духовное училище, затем окончил семинарию и, по праву сильнейшего в учебе, в августе 1878 года поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1882 г. был удостоен звания кандидата богословия с правом получения стипендии магистра богословия. В том же году вступил в брак и был рукоположен во священника. С 1884 по 1899 гг. преподавал Закон Божий детям Велико-го князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны. В 1888 г. переведен на место священника Петропавловского Придворного Собора.

После манифеста 17 октября 1905 г. в газетах стали печатать статьи, целью которых было опорочить, очернить Царя и всероссийского батюшку – о. Иоанна Кронштадтского – в глазах народа. Нападки становились столь бесстыдны, что почитатели великого старца учредили Общество защиты о. Иоанна Кронштадтско-

¹ Храм Девяти мчч. Кизических на патриаршей слободе, «что на Кочерыжках», известен с 1698 г. В 1929 г. храм был закрыт, возвращен Церкви в 1992 г. (м. «Краснопресненская»; авт. 64, ост. «Дом Шаляпина»).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Протопресвитер Александр Дернов

го. Депутация от общества во главе с прот. Александром Дерновым отправилась к отцу Иоанну испросить благословения. Старец был настолько растроган этим, что прослезился.

С 17 февраля 1915 г. о. Александр Дернов, возведенный в сан протопресвитера, был назначен заведующим придворным духовенством Зимнего дворца и Московского Благовещенского собора.

С конца 1910-х до середины 1920-х годов Санкт-Петербургская епархия была накрыта волной обновленчества. К 1923 г. в обновленческом расколе не были только пять храмов из 123-х, в Петрограде не осталось ни одного архиерея Патриаршей Церкви. Борцы с обновленчеством считали самым достойным кандидатом в епископы иеромонаха Мануила (Лемешевского). В июле 1923 г., после освобождения Патриарха Тихона из-под стражи, протопресвитер о. Александр Дернов поехал в Москву к Первосвятителю просить о назначении правящим архиереем в Петроград о. Мануила (Лемешевского), и 23 сентября о. Мануил был хиротонисан во епископа Лужского с правом управления всей епархией. Обновленческий раскол пошел на спад. Протопресвитер Александр Дернов скончался 13 октября 1923 года в Петрограде. Отпевание его в Троицкой церкви на Стремянной улице возглавил владыка Мануил. Ему сослужили 144 архимандрита, протоиерея, иерея и 47 диаконов.

Троицкий храм на Стремянной улице. Санкт-Петербург

Отец Александр родился в священнической семье в селе близ г. Вятки. Родители его, Александр и Ольга, нарекли младенца в честь прп. Александра, начальника обители «Неусыпающих». Учился в Духовном училище, местной семинарии, а затем в Петербургской Духовной академии. Заветным желанием его было посвятить свою жизнь ученым трудам, но несмотря на все его усилия в этом направлении, жизнь его была заполнена деятельностью иного рода: платной педагогической работой для содержания семьи и бесплатной общественной. Он был законоучителем целого ряда лучших петербургских гимназий, педагогических курсов и духовником своих учениц, из которых многие впоследствии приводили к нему на исповедь своих детей. Особенно тщательно и любовно о. Александр исповедывал маленьких детей, да и вообще к исповеди каждого человека он относился очень серьезно. Своим духовным детям он сам определял пост и постные дни. Сам он постился со всею строгостью Устава: первую и Страстную неделю проводил несколько дней без пищи и питья, о чем знала только его семья.

Не было такого благотворительного, религиозного, просветительного общества, в котором ему не приходилось бы принимать участия. Большой почитатель митрополита Московского Филарета (Дроздова), имел он много его портретов, намеревался составить о

Иоанновский монастырь на Карповке. Санкт-Петербург

нем большое исследование, собрал для этой работы значительный материал, но за недостатком времени не выполнил и этого своего заветного желания.

Был о. Александр почитателем и другом св. прав. отца Иоанна Кронштадтского. Отец Иоанн бывал у него в доме запросто. По молитвам о. Иоанна был чудесно исцелен сын о. Александра. Мальчик заболел дифтеритом и, по мнению врачей, был безнадежен. Отец Александр рано утром поехал в Стремянную церковь и попросил батюшку Иоанна после ранней обедни приехать помолиться о больном ребенке. Отец Иоанн поехал как-то неохотно и даже сказал: «Зачем ты меня просишь? Ведь ты сам священник и знаешь, что каждый из нас может дерзновенно просить Господа о чуде». Приехав, о. Иоанн вошел к больному ребенку, лежавшему без памяти, опустился на колени около кровати и в присутствии отца и матери стал громко и дерзновенно молиться приблизительно такими словами: «Господи, Ты дал им это дитя, не отнимай его!». Потом встал утомленный, но спокойный, увел родителей в другую комнату, где были остальные дети, усадил всех за стол и попросил дать чаю. Приласкал детей, поговорил с ними, а потом повел всех к больному ребенку. «Больной» сидел в кровати и играл с нянею. Этот мальчик всю жизнь относился к отцу с особой нежной преданностью. Бывая

в храме на службе, он всегда сопровождал отца, носил за ним митру и облачение, прислуживал ему. Но о. Александр рано потерял его, и только тогда вспомнил, что о. Иоанн как-то неохотно согласился молиться об его исцелении.

При жизни о. Иоанн Кронштадтский подарил о. Александру свой подризник, а после смерти он получил еще его серебряное парчовое облачение и митру. Отец Александр очень дорожил этими памятными вещами и в них он впоследствии был положен в гроб.

Незадолго до смерти он одолжил для служения одному священнику свою митру и очень был огорчен, узнав, что его матушка по ошибке дала ту, любимую им митру, которая была от о. Иоанна. Отправляясь на служение в Гатчину, он скорбел, что не везет с собой митру о. Иоанна. Дорогою ему стало плохо. Его отправили в больницу, где, по существующим правилам, по его кончине митра, бывшая при нем, была конфискована, а митра о. Иоанна таким образом уцелела, и в ней-то о. Александр и был похоронен († 30 сентября по ст. ст.).

Близко соприкасавшиеся с о. Александром люди знали и глубокую детскую ясность его сердца, и чистоту его души, и стойкость в том, что душа его считала правым. Дурное не прикасалось к нему.<...>

С трогательным постоянством о. Александр заботился о вверенном ему духовенстве. Пользовался любым случаем, чтобы вручить деньги нуждающимся. Больше всего страдал в последние годы своей жизни, что не имеет возможности помогать. С каким удовольствием он привозил свечи, ценные книги. Отец Александр был отзывчив во всех отношениях: обращался ли кто за справкой или за советом, он не жалел своих сил. Утомленный преклонными годами, невзгодами последнего времени, ранним утром, когда еще темно, скользко и холодно, он спешил на Карповку¹ к ранней, на место упокоения дорогого, близкого, горячо чтимого о. Иоанна Кронштадтского.

ПРОТОИЕРЕИ НИКОДИМ

Протоиерей Никодим живет в г. Киеве и служит в церкви Святого равноапостольного царя Константина. Лет ему около сорока пяти. Хоть его и не считают прозорливцем, но совершает он богослужения настолько благоговейно и хорошо, что невольно влечет к себе любовь и уважение простых сердец.

Из рассказов блаженного Николая Лашевича.

Август, 1931 год

---

¹ Свято-Иоанновский (в честь небесного покровителя прав. Иоанна Кронштадтского – св. Иоанна Рыльского) монастырь на набережной реки Карповки. Был закрыт в 1924 г., возрожден в 1991 г. Главная святыня монастыря – мощи св. прав. Иоанна Кронштадтского.

*Храм Воскресения Христова в Сокольниках.
Москва*

Протоиерей Иоанн Кедров

ПРОТОИЕРЕИ ИОАНН КЕДРОВ

Протоиерей Иоанн родился в 1870 году, был он сыном дьячка. Отца его также звали Иоанн. Отец Иоанн сначала был тюремным священником в Сокольниках. Батюшка был высокого роста, волосы русые, глаза черные, пронизательные, и как взглянет на человека, так кажется, что все видит, что творится в его душе. Одевался он очень просто, богатых облачений не имел. В комнате его тоже было все просто: письменный стол, кровать, шкаф с книгами, иконы в углу, аналой – и все. Очень любил он детей, часто с ними встречался и вел беседы. Детские беседы устраивал каждое воскресенье и говорил прихожанам, чтобы они были как дети. Учил детей Закону Божию в школе и организовывал детские кружки в своей церкви.

Церковь о. Иоанн построил в Сокольниках¹. Деньги на храм собирал с помощью прихожан: кто сколько сможет. Всегда надеялся на Господа, и Господь всегда помогал ему. Сам носил кирпичи и помогал строить храм. Внутри храма было все просто и очень красиво, никакого золота даже на иконах. Храм во имя Воскресения Христова до сих

---

¹ Храм Воскресения Христова в Сокольниках построен в 1910 – 1913 годах (арх. П. А. Толстых). Протоиерей Иоанн Кедров был председателем строительного комитета. Храм не закрывался, в 1945 г. в храме проводилось заседание Поместного Собора Русской Православной Церкви.

Икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость»

Служба в храме Воскресения Христова в Сокольниках

пор называют «кедровской церковью». У батюшки была горячая молитва ко Господу. Молился он по ночам и многим помогал своими молитвами. Однажды был такой случай: одна женщина пришла к нему за советом и просила его молить о ней, так как ее муж сильно ругал ее за то, что она ходит в церковь. Батюшка ее утешил и велел прийти к нему через неделю. Она пришла к батюшке через неделю радостная: муж стал ходить в церковь, во время вечерни всегда выходит на середину храма и читает шестопсалмие.

Каждые воскресенье и четверг отец Иоанн говорил проповедь народу. В церкви всегда устанавливал порядок: к иконам требовал подходить благоговейно, во время службы не разрешалось ходить и разговаривать. Это был батюшкин завет прихожанам. Батюшка проводил общие исповеди, так как из-за многих желающих не успевал всех исповедовать. За исповеди денег никогда не брал. Батюшкин завет был такой: ни за что денег не брать, и после его смерти завет этот берегли. Нищим никогда денег не давал, а собирал их к себе на квартиру обедать и сам кормил их. Батюшка ел очень мало. Прислугу никогда не просил убирать за ним со стола, а убирал все сам. Всегда помогал прислуге убираться в квартире.

Протоиерей Иоанн Кедров с прихожанами

Правительство не любило его за проповеди, за правду. В газетах его часто осуждали, но он никого не боялся. Некоторые не любили о. Иоанна за его праведную жизнь. Около Красных ворот¹ его хотели убить. Убить не убили, а голову прошибли, и батюшка два месяца лежал дома. Это был столп веры христианской, он ничего не боялся и жизнью своей не дорожил. Кто к нему ни придет, он всем помогал, никому ни в чем не отказывал. Любил он особенно образ Матери Божией «Всех скорбящих Радость». Всегда батюшка молился за усопших и всем говорил, чтобы не плакали о них, а молились. Бедным людям на Рождество и на Пасху по 25 рублей давал, бедным невестам помогал на приданое, венчал задаром. В 1914 году в Германскую войну отправлял вагоны хлеба солдатам. Дома у него был для раненых солдат лазарет. Дочери его были сестрами милосердия и ухаживали за ранеными солдатами.

¹ История столичной площади Красные ворота начинается в XVIII веке, когда по приказу Петра I была построена Триумфальная арка, через которую входили русские войска, одержавшие победу в Северной войне. Эти ворота сгорели при пожаре в 1732 г. В 1753 г. архитектором Ухтомским были возведены каменные ворота высотой 26 м. На стенах ворот висели гербы губерний и рисунки, прославлявшие Российскую империю. В 1927 г. Красные ворота были снесены в связи с расширением Садового кольца. Память о Красных воротах сохранилась в интерьерах вестибюля метро «Красные ворота».

В 1917 году, когда свергли царя, хотели уничтожить икону свт. Николая Чудотворца в храме, где служил батюшка. Батюшка сказал, что враги войдут в храм только через его труп. Тогда же его хотели арестовать, но народ не дал. Арестовали его на другой день ночью, чтобы никто не видел. С тех пор он сидел в тюрьме до 1925 года. После освобождения батюшка служил в храме еще лет пять. Когда ходил по домам к своим духовным чадам, то говорил, что скоро заболит. Так и случилось. В тюрьме он заболел горловой чахоткой, эта болезнь и уложила его в кровать. Лежал он три года до Михайлова дня 1932 года [8/21 ноября – Собор Архангела Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных].

К своей смерти подготовил не только своих дочерей и сыновей, но и всех духовных чад. Говорил, что будет с ними всегда, чтобы они не плакали, а молились за него. Цветов на гроб не велел покупать, а просил эти деньги лучше подать нищим. Говорил, что если он достоин, то пусть цветы пойдут на тот свет. Облачение велел надеть самое простое, сыновьям своим наказывал нести гроб до могилы.

Умер о. Иоанн очень спокойно 8 ноября 1932 года. Отпевали батюшку митрополит Сергей¹ и другие священники. Прощались с батюшкой три часа, народу было очень много. В церкви чувствовалось благоухание, особенно тогда, когда подняли гроб и пошли крестным ходом вокруг храма. Похоронили батюшку на Пятницком кладбище. На двадцатый день по его смерти умерла его дочь. Отец Иоанн явился ей во сне, благословил ее и велел подойти к нему, как будто взял ее под свою охрану. Одной своей духовной дочери он тоже явился во сне: как будто идет служба в храме, и батюшка стоит перед алтарем и держит в руках большую лампаду, которая сначала горела, а затем погасла.

---

¹ Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) в 1932 г. был митрополитом Московским и Коломенским.

НАСТАВЛЕНИЯ В СЛОВЕСНОМ СВЯЩЕННОДЕЙСТВИИ

Вниманию боголюбивого читателя предлагается перевод книги митрополита Петрийского и Херсонисского Нектария (Пападакиса), преставившегося ко Господу 15 октября 2015 года. Годом ранее, в Неаполи на о. Крит были изданы его «Наставления в словесном священнодействии». Возможно, книга является последней работой митрополита Нектария и его духовным завещанием своей пастве, к которой он обращается с наставлениями, советами и наблюдениями о том, как должен человек относиться к Богу, окружающему миру и жизненным событиям, чтобы получать духовную пользу, а в конечном итоге – наследовать жизнь вечную.

С одной стороны, эти размышления имеют своим фундаментом Священное Писание, а также поучения современных отцов Церкви: преподобных Паусия Святогорца и Порфирия Кавсокаливита, святителя Николая Сербского, афонские патерики – осведомленный читатель здесь легко найдет следы этих богодухновенных рассуждений. Но приводя слова своих святых старших современников, Владыка развивает их, открывая в них новые смыслы Божественного Откровения.

Эта небольшая книга является удивительно цельным, продуманным, гармоничным произведением, где каждый новый раздел, разъясняя мысль, вынесенную в заголовок, является продолжением предыдущего раздела и прологом следующего. Мы, предложив ее деление на две части, руководствовались тем, что в большинстве разделов ее начала рассматривается тема отношения человека к приключаящимся испытаниям, особенно болезням. Вторая половина книги посвящена добродетелям, которые являются залогом правильного отношения к Богу, здоровой духовной жизни и, прежде всего, веры.

В одной из своих последних бесед с прихожанами и клириками митрополии, проходившей в кабинете при храме в честь преподобного Антония критского города Агиос Николаос июльским вечером прошлого года, Владыка сказал: «Какая же это глубина – богословие боли!». – Так начал свою речь тяжело больной митрополит Нектарий, еще не ведая, а может быть, и скрывая от своих собеседников, что уже через три месяца его собственная боль прекратится навсегда, превратившись в небесную радость.

Иеромонах Антоний (Подоровский)

ХРИСТОС – НАШ БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ СПАСИТЕЛЬ

*Для меня священство – это проповедь.
Ею я совершаю свою жертву. Одна у меня цель:
чтобы повсюду утверждалась Церковь.*

Большинство глав, содержащихся в этой книге – это богоносные слова и поучения преподобных старцев. Мы их почерпнули из соответствующих книг.

Их наставления и поучения, наш опыт и переживания, переработав все это, – мы распределили по возможности на небольшие разделы, которые стали затем тематическими вечерними проповедями, произнесенными в святых храмах для пользы подвигающихся и подвергающихся испытаниям христиан.

Мы считаем, что слова и поучения преподобных старцев выражают истину нашей веры именно так, как ее нужно излагать для научения, слушать, преподносить внутри Церкви. Они также являются ответом на пустословие нашего времени, где непомерно расплодилось безразличная к догматам веры моральность и не учитывающая богословие социальность.

В этих поучениях выражается то, что вобрало в себя и чем завершается наше Богослужение, то есть слова отпуста: «Христос истинный Бог наш, молитвами Пречистыя и Пренепорочныя Святыя Своея Матере, святых... помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец».

Эту книгу мы предлагаем безвозмездно церковной полноте с молитвой и просьбой любить нашу Церковь, вслушиваться в ее слова и следовать, насколько это возможно, по стопам богоносных отцов, шедших следом за Христом.

Мы благодарим составителей Синаксарей, поучений и слов преподобных старцев. Благодарим и вас – тех, кто будет читать эту книгу. Не сомневаемся, что вы получите пользу, узнаете много нового, но прежде всего возрастет ваша вера, любовь и надежда на Бога, Который есть творяй чудеса един¹.

И если мы никого не убедим – Богу слава. Если же убедим – то и за это Богу слава. В любом случае мы не должны измерять благочестие мно-

---

¹ Пс. 71, 18.

жеством мирского народу, но должны молиться, чтобы народ Божий был очищенный словом¹.

Пусть Он Сам, милостивый Бог, управляет и руководит нашей жизнью в эти времена кризиса ценностей, чтобы мы совершали свой путь в сиянии вечности.

В последние годы среди множества трудностей, с которыми сталкиваются люди, мы получили и множество благословений. В двадцатом веке – веке многочисленных кризисов, жили богоносные личности. Некоторые из нас были знакомы с теми, которые имели ум Христов и полностью предали себя Его благодати. Они не знали пространственно-временных преград, и Бог открывал им прошлое и будущее так же, как настоящее. Все они угодили Богу и теперь являются источником надежды и утешения нашему народу. Мир не ждет от этих святых старцев неких премудростей – он жаждет от них слова истины.

Потому что в наши дни совершаются трагедии такого рода, когда некоторые, возгордившись, сами себя провозглашают старцами и начинают требовать беспрекословного подчинения, удушая свободу своих духовных чад, – что совершенно недопустимо в духовной жизни. От таких духовников с их пагубной наигранностью и жалким фарсом нужно бежать, как от самого демона. Воистину, какими внимательными мы должны быть к своей душе, чтобы наше воодушевление к Церкви не превратилось в фанатизм!

Те же старцы, о которых мы будем упоминать, жили внутри свободы во Христе, являющейся самым подходящим климатом, чтобы человек стал благоискусен перед Богом.

Вселенский Патриархат недавно прославил одного из них в преподобническом чине – это старец Порфирий Кавсокаливит². У меня нет сомнений, что в скором времени будут прославлены и другие старцы, жившие на нашей Родине.

Некоторые утверждают, будто Патриарх и Великая Церковь поторопились с канонизацией преподобного Порфирия. Однако Церковь руководствуется не мирскими критериями, а духовными и каноническими. Именно их принял во внимание Святой и Священный Синод Вселен-

---

¹ Ср. Ин. 5, 3.

² Преподобный Порфирий Кавсокаливит (в миру Евангел Байрактарис, 1906 – 1991), современный великий греческий святой, принявший монашеский постриг в Кавсокаливитском скиту на Афоне, был отослан в Афины по болезни, где и служил приходским священником. Прославлен в лике святых Священным Синодом Константинопольской Православной Церкви в ноябре 2013 г.

Митрополит Нектарий на богослужении

ской Патриархии. А для нас прославление старца Порфирия стало величайшим благословением Божиим в том кризисе, в котором мы пребываем. Благословением, которое показывает, что и в наши времена можно достигнуть святости.

Преподобный Порфирий большую часть своей жизни прожил на Омонии¹. И... Омония явила святых. Где множится грех, там преизобилует благодать². С другой стороны, этот святой никогда духовно не покидал своего монастыря. И это правда, что один год в хорошем монастыре равен пятидесяти годам учебы на богословском факультете.

Первое, что нам заповедуют наши старцы – чтобы мы возлюбили Христа. Христос – это наш Богочеловеческий Спаситель. Он – Начальник и Совершитель нашей веры, Он – Жизнодавец. Он нас призывает дать Ему не то, чем мы обладаем, а наше сердце. *Дай Ми, Сыне, твое сердце*³. И когда Христос приходит в наше сердце, Он преображает все внутри нас. Через наше крещение мы вошли в жизнь Христа, и поэтому

¹ Омония, или Площадь национального согласия – площадь в центре Афин, одно из самых оживленных мест этого мегаполиса.

² Ср. Рим. 5, 20.

³ Притч. 23, 26. Цитаты из Священного Писания приводятся и на русском, и, если они хорошо известны, на церковно-славянском языке.

мы говорим, когда крестим ребенка: *елицы... во Христа креститесь, во Христа облекостесь*¹.

Когда Христос приходит в наше сердце, мы приобретаем все. Он приносит мир, радость, смирение, любовь. Без Христа невозможно нам исправить самих себя, и мы никогда не сможем освободиться от наших страстей. Сами по себе мы не можем стать хорошими. Как ни усердствуй, нас будет ждать неудача. Даже если мы пятьдесят лет будем питаться кореньями, без Христа нет спасения. Что Он нам сказал? «Без Меня не можете делать ничего»². Мы должны сделать только одно – обратиться к Нему, полюбить Его всей душой. И такая наша любовь ко Христу есть лучшее врачевание наших страстей и немощей.

Все мы, конечно, верим во Христа. Но вера наша прохладна, как говорит Откровение, это вера, которая часто уживается с низменными мотивами и выгодами. Это не вера бескорыстная, славословящая, православная, церковная. Это вера разбавленная, смешанная со множеством заблуждений и мнений. И мы должны быть внимательными, поскольку, если мы не веруем правильно, то мы не можем привлечь благодать Божию. Ничего мы не достигнем, живя добродетельно, когда наша вера ложная. И наоборот. Этому учат отцы Церкви: *ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам*³.

МНОГИЕ СЕГОДНЯ ЗАНЯТЫ АНТИХРИСТОМ

Будем внимательны к тому, чтобы самим не быть уловленными, когда преследуем зло. Мы не станем святыми, охотясь за злом. Оставим зло и будем смотреть на Христа. Только Он спасет нас. И мы подчеркиваем это, поскольку сегодня многие заняты антихристом, а не Христом, запугивая людей.

Итак, вместо того, чтобы стоять у дверей и прогонять зло, будем презирать его. Будем молиться в тот час, когда нас оскорбляет враг: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». И Тот знает, как нас помиловать и каким образом. Тогда мы наполняемся Христом, и зло исчезает из нашей жизни.

Молитва изгоняет демонов, и пусть мы зачастую не понимаем слов молитв в Церкви, – но их понимает демон. Демон не выносит презрения, поэтому не будем воевать с дьяволом лицом к лицу, потому что он уйдет и вернется с другими семью еще более лукавыми духами, как говорит Евангелие, и захватит нас, поскольку он знает немощи каждого из нас.

---

¹ Гал. 3, 27. Большая часть ссылок на Священное Писание сделана автором.

² Ин. 15, 5.

³ Мф. 6, 33.

То есть он знает те вещи, которыми нас можно прельстить или устрашить, чем можно повлиять на нас.

Итак, не будем бороться с искушением напрямую. Не будем просить Бога, чтобы искушение ушло, потому что тогда мы придаем ему значение, и оно начинает нас душить. Вся наша сила должна обратиться к Божественной любви, к служению Христу, к тому, чтобы прилепиться к Нему. Тогда избавление от зла и немощей совершается таинственно, без труда, так что мы не замечаем этого.

Пусть не овладевают нами боязливость и разочарование. Безнадежность происходит от дьявола. Там, где беспокойство и отчаяние, присутствует демоническое воздействие. Там, где начинается беспокойство, уменьшается вера. Самое сильное оружие дьявола – это всеянное в нас чувство безнадежности. Безнадежность – это дверь в ад. Самоубийство – это не уменьшение мучений, а увеличение их. Это прямое преступление против жизни и презрение жизни. У человека Божиего тишина в душе, радость неизреченная, которую никто не может у него отнять. Если мы любим Бога просто, смиренно, без требований, Он нас освободит от беспокойства, страхов и сомнений.

Будем пытаться избавиться от наших немощей, но с простотой и мягкостью, без надрыва. Все происходит мягко, без насилия над собой и свободно.

Когда мы приходим в церковь, будем наполнять наше сердце Божественной любовью. Внутри церкви нам нужно чувствовать покой, какой ощущает младенец в материнской утробе, чувствовать радость, ликовать и веселиться. Что говорит пророк Давид? *Возвеселился о рекших мне: в дом Господень пойдем. Стоящая бяху ноги наша...*¹

Сейчас, как только мы приходим в церковь, то ищем сиденья. В России не сидят в Церкви. У них волдыри на ногах от того, что стоят. Телесный труд помогает молитве, он подает благоговение. Мы должны испытывать печаль, когда служба кончается быстро, а не смотреть все время на часы в ожидании, когда она закончится и можно будет уйти. Мы желаем, чтобы служба совершалась быстро, потому что у нас нет стремления ко Христу, зато есть земные привязанности и низменные постыдные устремления. Внутри Церкви мы встречаем Самого Христа, переживаем весь Его искупительный подвиг.

Освятиться можно везде. Какой бы мы работой ни занимались, мы можем стать святыми. Не будем жаловаться на нашу занятость, на нашу работу. Она нам не препятствует прийти ко Христу. С помощью всего

---

¹ Пс. 121, 1 – 2.

лишь швейной иглы многие женщины стали святыми. Святая Евфимия¹ – покровительница швей, и в Константинополе в день ее памяти, одиннадцатого июля, женщинам раздают швейные иголки как благословение – каждой по одной. В Синаксаре мы читаем о некой святой: «Иголку, которую я держала всю мою жизнь, я покажу Христу. Ею я достигла рая». С помощью нашей кротости, терпения и любви мы получаем возможность войти в сферу Божественного присутствия.

ПОТРЯСЕНИЯ ПРИНОСЯТ ЗЛО В НАШУ ЖИЗНЬ

Когда мы действуем резко, когда раздражаемся и протестуем, – а мы обычно так и поступаем, – вызванные нами потрясения приносят зло в нашу жизнь. Будем считать все в жизни, даже и то, что неприятно, возможностью для спасения и освящения. Будем работать с бодростью, просто и мягко, с добрым расположением, и тогда божественная благодать войдет в нас.

Часто бывает так, что мы чувствуем слишком сильное огорчение из-за того состояния, в котором находится мир. И мы беспокоимся, что будет еще хуже. Это такое чувство, словно ты находишься внутри вавилонской печи. И обычно дьявол раздувает масштаб проблем и повсеместных беспорядков.

По-человечески мы испытываем телесную и душевную боль из-за того, что происходит. Эта чувствительность является одним из божественных даров. Чувствительные души имеют возможность весьма преуспеть в жизни во Христе, потому что они любят Бога и не хотят Его огорчать.

Однако если у такого человека нет доверия ко Христу, то дьявол может привести его к отчаянию, к печали, к болезненному состоянию, из которого нелегко выбраться. Мы можем с Божией помощью свою чувствительность видоизменить, преобразить, и тогда она станет любовью, радостью и богопочтением. И нам нужно знать, что подобно тому, как бесчувствие является грехом, так и сверхчувствительность с ее стремлением к безукоризненности становится причиной чрезмерно сильного огорчения и греха.

Если мы в любой печали будем познавать Христа и Его любовь, то Он нам поможет и Своей силой обратит печаль в радость, а боль – в любовь к людям. Все неприятности, которые живут в нашей душе, приносят беспокойство. У нас есть возможность избавиться от их мучительства, достаточно только иметь доверие к Божественному Промыслу.

---

¹ Святая великомученица Евфимия Всехвальная Халкидонская, память 11 июля и 16 сентября по старому стилю.

Огорчения, имеющие над нами власть, показывают, что мы не вверили нашу жизнь Христу. Как говорил Апостол Павел: мы отовсюду притесняемы, но не огорчаемся¹.

Бог нас слышит всегда. Почитаем, что написано в Псалтири. Какая же это замечательная книга – Псалтирь! Она нам говорит, что молящийся живет в помощи Вышнего, *в крове Бога небесного водворится*². Бог его защитит, где бы он ни оказался, и ото льва, и от дракона, и от беса полуденного, и даже долготу дней ему даст и явит ему спасение Свое.

ТЕРПЕНИЕ РАДИ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ

Будем ко всему относиться с любовью, с добротой, с кротостью, с терпением и смирением. Пусть все, что обрушивается на нас, отхлынет, как волна, а мы остаемся непоколебимыми. Пусть, вместо того, чтобы отрицательно влиять на нас, испытания укрепляют нас в терпении и в вере. Это великое дело – терпение ради Божественной любви.

Христос сказал: если мы хотим приобрести наши души, то должны иметь терпение. *Претерпевший... до конца спасется*³. Терпение – это любовь. Терпение – это также и вера, потому что тот, у кого нет терпения – неверующий.

Когда мы хотим жить духовно, мы испытываем боль, потому что должны отсечь все, что связывает нас с материей. Однако печаль по Богу приносит внутрь нас радость. Нас не оставляет подавленность, которая вредит душе. Когда есть смирение, то нет подавленности. Эгоист сильно огорчается по любому поводу, смиренный же свободен от всех и от всего. И эта свобода достигается только через наше единение со Христом. Когда мы соединяемся со Христом, все наши чувства действуют в согласии с законом Господа, и живя в Христовой любви, мы являемся истинно свободными.

Христос желает, чтобы мы соединились с Ним, и продолжает искать нас и ожидать у двери нашей души. Он стоит и дожидается нас⁴. Как же по-отечески нежно Он нас любит! Он просит нас, Он почитает нашу свободу. Христос привлекает нас Своей любовью. Он нас влечет подобно магниту необычайной силы. Он не говорит нам ложь, не обманывает нас. Он не демагог – в противоположность тому, как обычно ведут себя люди и отец лжи, дьявол.

---

¹ Ср. 2 Кор. 4, 8. *Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся.*

² Пс. 90, 1 и далее.

³ Мф. 24, 13.

⁴ См. Апок. 3, 20: *Се, стою при дверех и толку.*

От нас самих зависит, получим ли мы Божественную благодать. Не будем доверяться случайным обещаниям и предложениям, которые раздаются и провозглашаются некоторыми, не будем слушать рецепты исправлений. Это пустые слова. Только Божественная благодать может нас изменить. Мы сами по себе не можем ничего. Она, Божественная благодать, нам даст все. Нам только нужно отвечать Богу «да» и «пусть будет воля Твоя» и стараться уменьшить свой эгоизм и самолюбие. И тогда, благодаря Христу и благодати, подаваемой в Святых Его Таинствах, все проходит – противодействия телесные и душевные, наши нестроения и страсти. И нам нужно знать, что божественная доброта видит далеко. Наша гордость уменьшает наши знания и сужает кругозор.

Благодаря Божественной благодати мученики Христовы не чувствовали боли от мучений. С Божественной благодатью все совершается безболезненно. Поэтому, вместо того, чтобы сражаться с врагом, стараясь его изгнать, вместо того, чтобы проклинать тьму, распахнем наши руки навстречу Христу во всю ширь, чтобы Христос принял нас в Свои объятия. То есть нужно не со злом воевать, а любить Христа, и тогда зло само уйдет, потому что не может сосуществовать вместе со Христом. Те, кто вели борьбу со злом без рассуждения, потеряли Божественную благодать, а некоторые даже впали в постыдные страсти.

МЫ ГРЕШНЫЕ, НО НЕ ОТЧАИВАЕМСЯ

Совершенное предание себя в руки Божии называется святым смирением. На Божественной Литургии мы говорим: «Сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». То есть, Тебе, Господи, Который и есть крайнее Смирение, мы оставляем все – нашу жизнь, наших детей, нашу работу и наше спасение. Мы доверяем Тебе, Твоему Божественному Промыслу. Мы осознаем, в каком состоянии находимся. Мы грешные, но мы не отчаиваемся. Только Ты можешь нам помочь. «Тебе Единому согрешаем, Господи, но Тебе Единому и поклоняемся». Мы не простерли наших рук к идолам. Какая это прекрасная молитва!

Когда человек живет без Бога, у него нет в душе тишины, нет доверия ни к кому, даже к своим родным – он всех подозревает. Имей такой все блага мира, он несчастен в своих опасениях, и его неизбежно посещают недуги, телесные и душевные. Шизофрения, нервозность, психастения и многие другие болезни являются состояниями, возникающими от отсутствия чувства безопасности, от нашего трагического внутреннего разделения, от отсутствия доверия к Божественной любви.

То, что мы делаем ради Христа, будем делать с сердечной любовью, а не с вынужденной небрежностью. Пусть это дело будет в радость,

ведь когда ты любишь какого-то человека и находишься рядом с ним, ты радуешься, а не зеваешь. То есть даже зевать в церкви – это проявление неблагоговения.

Что мы читаем? Когда святой Иоанн Предтеча увидел Господа, он был потрясен. Когда мы чувствуем Христа рядом с нами, мы должны испытывать великий трепет. Когда святые смотрели на иконы Христа и Богородицы, из их глаз, не останавливаясь, текли слезы. Старец Ефрем Катунакский даже держал за пазухой платок, которым вытирал слезы со своего лица, – и он был всегда мокрым.

Будем благодарить Бога за все, что Он нам дает в нашей жизни. Большинство проблем, усложняющих нашу жизнь, ничего не стоят. Любовь Христова не имеет пределов. То, как мы живем, – одно сплошное чудо. Будем молиться среди наших страданий, неся наш крест с терпением. Будем воспринимать болезнь как посещение Христа, которым будут прощены наши грехи. Мы грешные, и Бог пытается нас освятить. И каково же Его лекарство от всех наших болезней? Тело и Кровь Христовы, «врачевство безсмертия, во оставление грехов и в жизнь вечную».

Когда страдает наше тело, будем взывать с еще большей любовью ко Христу. Пусть наша душа скучает по Нему. Не следует просить у Бога болезней или испытаний, – так мы пытаемся принуждать Его. *Не искушай Господа Бога Твоего*¹. Бог знает, что Ему нужно делать. Болезнь – это великое испытание, вынести которое в большинстве случаев у человека не хватает выдержки. Однако когда ты любишь Бога, ты находишься на Голгофе, распинаешься вместе с Ним.

Страдания во время болезней ради любви Христовой не являются страданиями. Нас должна устрашать только одна вещь, – не окажемся ли мы недостойными нашей боли. Болезни ради любви Христовой являются благоволением Божиим, позволяющим нам войти в Таинство Его любви. Когда болеем, не об облегчении страданий будем просить Бога, но чтобы освободил нас от грехов. Бог знает, что мы страдаем. Будем молиться, чтобы Он простил наши падения. Через окно страдания мы яснее видим. Предоставим Богу Самому устроить все в нашей жизни. Нужно знать только одно: мы живем потому, что этого желает Бог. Нас держит Божественная благодать. Поэтому будем стараться предать себя Христу, соединиться со Христом. Никогда не нужно терять нашего дерзновения. Пусть нас не беспокоит, сколько мы проживем и будем ли вообще жить. Это нужно возложить на божествен-

---

¹ Втор. 6, 16; Мф. 4, 7; Лк. 4, 12.

ную любовь. Почему же Бог нам даровал не только верить в Него, но и страдать ради любви Его?¹

«Братья, – говорил один святой, – не бойтесь испытаний Господа. Бог не наказывает нас как преступников, но ласкает, как Своих чад». Даже смерть не наказание для нас. Она вошла, «чтобы зло не стало бессмертным». Поэтому, *живем ли, или умираем – мы всегда Господни*². Мы знаем, что смерть – это мост, который соединяет нас со Христом. Как только мы закроем наши глаза здесь, мы их откроем в вечности.

КОГДА ЛЮБИШЬ ХРИСТА, НИЧЕГО НЕ БОИШЬСЯ

Будем беспредельно предавать себя Божественной любви. Прилепим наше сердце ко Христу и будем ждать, чтобы подействовала Его благодать. Не будем бояться смерти. Мы пойдем ко Христу. Смерть – это дверь, через которую мы проходим в вечную жизнь. Когда ты любишь Христа, то не боишься ничего. *Совершенная любовь изгоняет страх*³.

Святые отцы учат, что человеку, который хочет жить духовной жизнью, бесполезно иметь хорошее здоровье. Ведь испытания как ничто другое соединяют с Богом. Вера нас делает христианами, жизнь показывает, какие мы есть, испытания нас делают совершенными. Поэтому почти все святые были испытаны страшными болезнями. Упомянем, как пример, апостола Павла, святителя Иоанна Златоуста, Василия Великого, святителя Нектария, преподобного Порфирия, старца Паисия, старца Иакова, новейшего критского святого – Никифора Прокаженного, одного из святых наших дней.

Великую пользу мы получаем от болезней, достаточно лишь, чтобы мы их переносили без ропота и прославляли Бога, испрашивая Его милости. Болезни нас воздвигают к добру, когда мы их переносим без ропота, прося Бога простить наши грехи и прославляя Его имя.

Когда нам приключится заболеть, нужно помнить, что дело вовсе не в том, чтобы нам не принимать лекарств. Будем ходить к врачам и принимать лекарства, которые нам дают. Бог дал и врачей, и науку, и из земли создал лекарства.

Когда мы бываем больны, знаете, что мы в первую очередь должны сделать? Попросить Бога, чтобы он простил наши грехи, ведь, как мы читаем в каноне-параклисе: «от многих моих грехов немощствует

---

¹ Рим. 14, 8.

² 1 Ин. 4, 18.

³ Ср.: Фил. 1, 29: *Вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него.*

тело, немощствует и душа моя»¹. Прежде всего нам нужно исповедаться, причаститься Пречистых Тайн и потом обращаться к врачам. Сначала нам нужно уврачевать и освятить душу. И Бог, поскольку мы Его просим, испытывая боль, смиряясь, каюсь, – простит нам грехи, исцелив и душу, и тело.

БУДЕМ ЗАБЫВАТЬ НАШУ ТЕЛЕСНУЮ БОЛЕЗНЬ НА ВРЕМЯ МОЛИТВЫ

Когда мы болеем, не будем молиться с тайным намерением, прилепляя наш ум к телесной болезни, потому что такая молитва останется безрезультатной. Когда мы молимся, будем забывать нашу телесную болезнь. Будем относиться к ней как к покаянному правилу, епитимии, данной для оставления наших грехов. Об остальном не нужно беспокоиться. Возложим все на Бога, а Бог знает, что Ему делать. Если мы это примем, то все остальное придет само собой – все, что мы просим у Бога.

Хорошо, когда мы больны, думать не о нашей болезни, а о Христе – с нежностью, бескорыстно, – и Бог совершит чудо к пользе нашей души.

Не будем просить, не будем принуждать Бога и святых, чтобы они нас исцелили. Не будем метаться в разные стороны. Не нужно прибегать к заклинаниям и снятию порчи. Мы видим таких людей, – и их жалко, ведь они, несчастные, своими действиями продлевают болезнь. Они привязаны к этому миру и боятся его потерять. У них нет ощущения Неба. Не будем отдавать своего сердца этому миру. Он нас предаст, потому что он неверен.

Насколько мы настаиваем и принуждаем святых и Бога исцелить нас, настолько мы живем нашей болезнью. Насколько мы заинтересованы избавиться от нее, настолько мы живем ею. По этой причине такое поведение ни к чему не приведет. Чудо так не совершится. Если наша вера действительна, она будет действовать.

Бог и сейчас совершает чудеса и действует посредством врачей. Когда мы заболеем, будем следовать божественной воле и иметь доверие к Его любви. Бог нас любит безмерно и желает, чтобы мы стали Ему своими, а потому и попускает болезни, ожидая, что мы с доверием предадим себя Ему. Возлюбим Христа – и все изменится в нашей жизни. И даже если мы не исцелимся от нашей болезни, и она продолжит свое течение, наша душа получит пользу, и мы по Божественной благодати станем другими людьми. Однако обычно мы ради временной жизни теряем вечность.

---

¹ Вторая стихира после молебного канона Божией Матери (творение Феостирикта монаха).

НЕ БУДЕМ МОЛИТЬСЯ С ЦЕЛЬЮ НА ЧЕМ-ТО НАСТОЯТЬ

Святые хотят, чтобы мы любили Бога нежно, из благодарности, ни о чем другом не думая, кроме как о божественной любви. Не будем молиться с умыслом, не будем указывать Богу, что Он должен делать. Он знает, в чем наше благо, и будет действовать по безграничной Своей любви, которую питает к каждому человеку.

Разве Бог не знает, что мы страдаем? Разве не ведает, что мы страдаем? Однако существуют другие задачи, которые не терпят отлагательства. Цель болезни – помочь нам возлюбить Его, чтобы наша душа радовалась Ему, показать нам путь святости, – как должна открыться наша душа и говорить с Ним. Очень многие тайны непостижимо открываются в одной болезни. Когда-нибудь мы о них узнаем и будем благодарить Бога за Его многочисленные благодеяния, явные и неявные.

Одному святому, когда он был болен, врачи хотели установить специальный аппарат на сердце. Он взмолился к ним: «Моя душа хочет отойти ко Господу, и какой-то электрический прибор ее будет насильно удерживать в моем теле. Дайте ей уйти в свое время!»

Тем, которые спрашивают Бога: «Боже мой, когда же я поправлюсь?» – небесный ответ может последовать не сразу, а может быть и вовсе неожиданным. Просить Бога о таких вещах неправильно. Когда мы настойчиво просим Бога забрать у нас болезнь, она нас обнимает и душит еще больше. Нужно много молиться, но молиться о том, чтобы Бог простил наши грехи и дал нам силы Его возлюбить. Чем больше мы просим, чтобы болезнь ушла, тем больше она прилепляется к нам и обнимает, не отходит от нас ни на шаг. Лишь когда мы находимся в трагическом состоянии и чувствуем крайнюю немощь, – тогда только можно просить Бога отнять у нас болезнь, и то лишь смиренно упрасывая Его.

Что Христос показал нам во время молитвы в Гефсиманском саду? Он просил Бога Отца: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия.* Но тотчас добавил: *Впрочем не как Я хочу, но как Ты*¹. Будем внимательны к этому вопросу и с полным доверием предадим себя Божественной любви. И тогда наш духовный организм придет в мирное состояние, и наши телесные органы будут работать нормально, потому что они всецело зависят от нашего духовного состояния.

И даже будь у нас совершенно неизлечимое заболевание, если мы дадим Богу утишить нашу душу, Божественная благодать через эту тишину может подействовать, и тогда будет уврачевана и сама болезнь. И как Бог Отец послал Ангела с неба, чтобы поддержать Христа в Его Стра-

---

¹ Мф. 26, 39.

стях, то Он то же самое сделает и для нас. Ангелы нас будут сопровождать и укреплять. Об этом мы читаем в патериках. У подвижников, которые жили одни в Карулях на Святой Горе, были Ангелы, которые служили им во время их испытаний.

НЕИЗЛЕЧИМЫЕ БОЛЕЗНИ НАПОЛНИЛИ РАЙ НЕБОЖИТЕЛЯМИ

Нужно знать, какую пользу приносят душе болезни. «Неизлечимые болезни наполнили рай небожителями». Пойдемте в онкоцентры, и мы увидим: где сильнейшая боль – там и сильнейшая молитва. Этими молитвами спасаются многие семьи, которые были далеки от Бога. Чтобы войти в сладкий рай, нужно принять много горечи здесь, – то есть иметь на руках паспорт о прохождении испытаний

Крест, который мы несем, не такой уж и тяжелый. Не будем жаловаться и не будем его бросать. О чем мы думаем? Что у нас великий крест? Крест, который мы несем, – как нательный крестик, который нас хранит. Только Христов Крест был очень тяжелым, потому что Христос пострадал ради любви к нам, людям. Он не захотел использовать для Самого Себя Свою божественную силу.

Бог наш – это Отец, и Он подбирает каждому человеку крест сообразно его силам. Подбирает не для того, чтобы человек мучился, а чтобы он использовал этот крест как лестницу восхождения на небо. Если бы мы понимали, какая благодать дается нам ради боли от испытаний, то не роптали бы, а прославляли Бога. Однако когда мы просим Его избавить нас от испытания, тогда Он в других местах дает Свою благодать и Свои дарования. Кресты различных испытаний драгоценнее талантов, то есть дарований, которые нам дает Бог. Поэтому во время каждого испытания будем говорить: «Благодарю Тебя, Боже мой, именно это было нужно для моего спасения». Испытания являются началом прощения, и без них подлинное прощение существовать не может.

Если мы по-мирски будем рассматривать наши испытания, нам покажется, что мы несчастны. Но если посмотрим на них духовно, то увидим их как благословение Божие. Не существует людей злосчастных, и никогда не будем никого так называть. Ведь не существует ни участи, ни предопределения, ни судьбы. Это – заблуждения и суеверия. И очень непросто переубедить кого-либо, впавшего в заблуждения или суеверия. Это мы видим на примере людей, приходящих в церковь. Если они приходят с такими предубеждениями, то все толкуют по-своему.

Кто познает судьбы Божии? Через боль Бог нас посещает чаще всего, быть может, потому, что мы не воспринимаем других проявлений Его присутствия рядом с нами. И чтобы мы не ослабевали в несении своих

испытаний, Церковь нам показывает Распятие, как бы говоря этим, что Христос и ныне пригвожден ко Кресту за нас и страждет за нас. А разве Божия Матерь не страдала? А все святые не страдали?

НИКТО НЕ ВЗОШЕЛ НА НЕБО, ДОСТИГНУВ СВЯТОСТИ С КОМФОРТОМ

Никто не взошел на Небо, достигнув святости с комфортом. Общему пути должны следовать и мы. Когда страдание приходит к человеку, тогда его посещает Христос. И напротив, если человек не сталкивается ни с какими испытаниями, то это своего рода богооставленность. На Святой Горе, когда нет искушений, так и говорят: «Нас оставил Бог». Некоторые рассуждают: «Я здоров, у меня все благополучно, я счастлив», – а «Слава Тебе, Боже» ни разу и не подумают сказать. Им нужно хотя бы признать все эти божественные благословения и признаться: «Ничего из этого мною не заслужено, но так как я человек слабый, Бог и даровал мне все», – а за эти дары также надо бы Его благодарить тысячекратно.

Мы читаем в житии святого Амвросия, как он со своими спутниками был принят в доме одного богача. Святой Амвросий, видя его сказочное богатство, спросил хозяина, испытывал ли он хоть однажды какую-нибудь скорбь, а тот ответил: «Нет, никогда. Мои богатства умножаются, и мое имущество все растет. Никаких тягот у меня нет, я никогда не болел». Тогда святой Амвросий заплакал и сказал своим спутникам: «Пойдемте скорее отсюда, потому что этого человека не посетил Бог». И как только они вышли на улицу, пришла беда. Благополучие богача было богооставленностью.

Но разве и наше благополучие последних лет не было богооставленностью? Сейчас мы это видим, но кто имеет ум Христов¹, чтобы это понять? Какие же мы несчастные! Мы должны знать, что величайший враг человека – это деньги. То зло, которое причиняют они человеку, ему не может сделать никто другой. В конце концов все забирает демон, и большая их часть расходуется на врачей. Того, у кого ничего нет, покрывает Бог.

Демон материального благополучия требует больших затрат и приводит к различным извращениям. Унижаются заслуги, ответственность становится добродетелью редчайшей, раздаются направо и налево чины и звания людям, лишенным необходимых качеств и исполненным своекорыстия и безответственности. Вот что такое кризис наших дней, кризис власти, кризис ценностей. Власть должна смирать человека, а не обогащать его. Ранее чиновники уходили в отстав-

---

¹ См. 1 Кор. 2, 16: *Кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов.*

ку в почтенной бедности, что являлось признаком чести. Сегодня это встречается редко.

Мир терзается вопросом: зачем же он должен так сильно мучиться? Ответ один. Мы страдаем по причине наших грехов и по божественной любви, которая хочет нас спасти. Нынешняя жизнь – ложная и краткая. Ее годы невелики, и это хорошо, что невелики, – быстро пройдут огорчения, которые уврачуют наши души, подобно горьким лекарствам.

БЛАГОЙ БОГ ВОСПИТЫВАЕТ НАС ПО БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОСТИ

Благой Бог воспитывает нас по божественной благодати, а не по злобе или по мирскому правосудию. Есть разница между Божественным и мирским правосудием. Бог прощает, восстанавливает человека, тогда как мирское правосудие его уязвляет, заключает в тюрьму и наказывает. Как же мы должны любить Бога за это Божественное правосудие, а не требовать удовлетворения нашей правоты, потому что она приведет нас в ад.

Люди очень скоры на вынесение приговоров ближнему из-за их собственной злобы. Если ты осуждаешь, то нигде и ни с кем не сможешь жить в единомыслии. Что же до мирской правды, то дети судят о ней на уровне событий, взрослые – на уровне законов, а человек святой – на уровне истины.

Сегодня все сражаются до крови за права и равенство. Святитель Николай Сербский¹ говорит: «Бог не есть Бог равенства, но Бог любви. Равенство упразднило бы всю правду и всю любовь, упразднило бы всю нравственность. Неужели муж любит свою жену по причине равенства? Из-за равенства ли мать любит свое дитя? <...> Неравенство – это основа справедливости и внутренний стимул любви. Пока есть любовь, никто не вспоминает о равенстве. Пока царит справедливость, никто не говорит о равенстве. Когда утрачивается любовь, люди говорят о справедливости и подразумевают равенство. Когда вместе с любовью уходит и справедливость, люди говорят о равенстве и думают о безнравственности. То есть, когда исчезает нравственность, ее заменяет порочность». И весьма безнравственно – обижать другого, несправедливо наказывая его. Не будем никогда мириться с решениями, которые принимаются пристрастно.

---

¹ Святитель Николай (Велимирович), епископ Жичский (1881 – 1956), известный также как святитель Николай Сербский – выдающийся сербский святой XX века. Получил образование в лучших учебных заведениях России и Европы. Претерпел гонения со стороны фашистов, был вынужден эмигрировать. Автор множества сочинений, один из инициаторов церковного прославления святых Царственных Страстотерпцев. Цитата взята из его книги «Мысли о добре и зле», переведенной, в том числе, и на русский язык.

Бог желает, чтобы мы были рядом с Ним, чтобы наследовали Его Царствие, потому что мы, как Его чада, являемся наследниками. Мы не рабы и не наемники Его. Он попускает искушения, чтобы мы, люди, боролись, сражались, сдавали экзамены терпению боли для того, чтобы дьявол не мог сказать Богу: «Почему Ты его награждаешь или почему Ты его спасаешь, когда он не потрудился?» Бог придает перво-степенное значение не этой жизни, которая временна, а другой. Прежде всего Он заботится о нас в перспективе вечной жизни, а уж потом этой, преходящей.

Кто-нибудь, пожалуй, спросил бы: «Почему Бог попускает одним людям много испытаний, тогда как другие испытываются лишь слегка?» Что нам говорит Священное Писание? *Господь кого любит, того наказывает*¹. У одного отца восемь детей. Пятеро живут дома с отцом, а трое удалились и о нем не думают. Тех, кто живет вместе с отцом, если они нашалят, он треплет за уши, а если поступают благоразумно, гладит их, дает сладости. Те же, кто ушел далече, не знают ни отеческой любви, ни наказания.

То же самое делает и Бог. Людей, которые рядом с Ним, когда у них благая расположенность, если они немного ошибутся, вразумляет Он Своей любовью, чтобы они больше радовались Его присутствию. Тем же, кто находится далеко, Он дает годы на покаяние. Поэтому мы видим мирских людей, которые совершили тяжелые грехи и, несмотря на это, они имеют материальные блага в изобилии, живут долгие годы и не подвергаются каким-либо испытаниям. Так происходит по Божественному снисхождению для их покаяния. Если они не покаются, то останутся без оправдания в другой жизни.

БОГ СТРАДАЕТ ИЗ-ЗА ИСПЫТАНИЙ ЛЮДЕЙ

Бог страдает из-за испытаний людей. Бог наш – это не Ваал², но Бог любви. Он – Отец, Который видит мучения Своих чад от различных искушений и испытаний, которые они проходят, и наградит нас, – достаточно лишь, чтобы мы проявили терпение в этом маленьком мучении испытания или, скорее, благословения.

Вы думаете, Богу нравится видеть Своих чад страдающими? Все наши мучения и слезы Богу ведомы, и только Он может утешить каждого по-настоящему. Человек, который не верит в Бога – сама безнадеж-

---

¹ Евр. 12, 6.

² Ваал – главное божество ханаанских народов (потомков сына Хамова – Ханаана); почитался как божество плодородия, которому для его умилостивления нужно было приносить кровавые, в том числе человеческие жертвы (Иерем. 19, 5; 32, 35).

ность, и всегда пребывает беспомощным, безутешным, мучающимся и в этой жизни, и осуждающим свою душу на вечные муки.

Только поняв тайны духовной жизни и образ божественного действия, человек прекращает печалиться по поводу того, что с ним случается, и с радостью принимает горькие лекарства испытаний и скорбей. Когда люди по-мирски относятся к испытаниям, то они мучаются, они несчастны. Бог всех нас видит. Он за всеми следит. Он все знает о нас. Его ангел, который денно и ночью нас хранит, сам напоминает Богу о нас.

Все, что с нами случается, – простое и сложное, малое и великое, все тайны нынешнего и будущего века – все находит свое разрешение лишь в необъяснимом, непостижимо все превосходящем и твердом смиренномудрии. Сколько известных печальных событий происходит, когда люди начинают вести себя безумно, опасно лицемерят и стремятся к исследованию духовного мира, возносясь и не имея необходимого и благо-разумного руководства и смиренномудрия.

Старец Паисий¹ говорил: «Когда я пою тропарь “Не ввери мя человеческому предстательству, Пресвятая Владычице”, я заканчиваю на словах “но прими моление раба Твоего”². Если у меня нет печали, как я скажу: “скорбь бо обдержит мя, терпети не могу...”? Что же, мне неправду говорить? В духовном восприятии моей жизни нет скорби, потому что когда человек прикасается горечью боли своей жизни к Сладчайшему Иисусу, то горечь ее лекарств превращается в мед».

БОГ НЕ ИСКУШАЕТ, ИСКУШАЕТ ДЬЯВОЛ

Не будем путать Божественную волю и дьявольское искушение. Бог не искушает, искушает дьявол. Бог строго следит, каковы мы, и не попускает дьяволу повредить нашей душе. Бог оставляет дьявола действовать свободно до определенного момента. Это мы видим на примере праведного Иова. Если бы дьявол знал, какое зло он потерпит в случае Иова, он не дерзнул бы его искусить. Демон, если когда-нибудь и делает небольшое добро, поступает так для того, чтобы потом принести тем большее зло. Легче замерзнуть огню или зажариться снегу, чем исцелиться дьяволу.

Бог оставляет человека свободным творить добро или зло. Бог не виноват в том зле, которое совершает человек. Бог не виновник зла. Даже

---

¹ Преподобный Паисий Святогорец (в миру Арсений Эзнепидис, 1924 – 1994) – выдающийся современный святой, большая часть подвижнической жизни которого протекала в монастырях Святой Горы. Его прославление в лике святых состоялось в 2015 г., поэтому здесь владыка Нектарий еще называет его «старец Паисий».

² Стихиря по шестой песни канона-параклиса Пресвятой Богородице.

самую смерть не создавал Бог. Она вошла в нашу жизнь по зависти дьявола и является нашим последним врагом, которого победил Христос Своими Страстями и Воскресением.

Однако испытания не всем людям приносят пользу, потому что имеет значение, как человек к ним относится. Те, у кого нет доброй расположенности, хулят Бога, отдаляются от Него. Они не говорят: «Я согрешил», не смиряются, не благодарят Бога. Мы видим гробницы молодых людей, на которых нет креста по причине ненависти родителей этих ребят к Богу: они поверили, будто жизнь их детей забрал Бог. Повторяем: Бог не виновен ни в каком зле. Не будем слушать дьявола, который нашептывает нам, что несчастья происходят от Бога.

Испытание имеет множество сторон. Это таинство, оно приходит в большинстве случаев, чтобы приблизить нас к Богу. По этой же причине наступил и нынешний кризис. Сколько людей, пережив одно испытание, познали Бога, начали воцерковляться, каяться, причащаться Пречистых Таин.

И всегда следует сравнивать свое испытание с гораздо большими испытаниями, постигающими других людей. Раньше говорили: «не было бы хуже», потому что, действительно, может стать еще хуже. Это мы наблюдаем ежедневно. Сегодня, однако, у нас так не говорят. Теперь мы говорим: «ну и ладно».

Скорби, которые нам причиняют люди, нужно терпеть ради Христа. Если мы их будем воспринимать таким образом, они нас не сломят, не лишат нашей надежды, мы становимся блаженными. *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить*¹. Христос не говорит, что мы блаженны, когда нас хвалят, но когда мы подвергаемся испытаниям.

БОЙТЕСЬ ПОХВАЛ И ЛЕСТИ

Бойтесь похвал и лести. Они нас разрушают, и те, кто стремится к ним, – безумны и несчастны. К тому же какая нам польза, если нас хвалят люди, которые не любят Христа и Церковь? «Похвалы людей опаснее, чем гонения», – говорил блаженный Августин. Ах, если бы возможно было нам знать, что говорят те же люди за нашей спиной, тогда бы мы более трезво воспринимали суждения других!

Если мы будем заниматься обвинениями, которые нам предъявляют, то не останется времени ни на что другое. Лично мы, во всяком случае, считаем, что в большинстве своем наши друзья действу-

---

¹ Мф. 5, 11.

ют нам во вред, а наши враги – к нашей пользе. Критерием в нашей жизни должна стать любовь к Богу. Тот, кто не любит Бога, тот по-настоящему не любит никого в мире, за исключением своего болезненного «я».

Не будем обвинять никого, в том числе и само общество. Праведный Лот жил в Содоме и не осуждал никого, и ни разу не обвинил это место за его распущенность. Поэтому он и был оправдан и спасен от огня, как говорит преподобный Андрей Критский.

Если кто возлюбит Бога, признает Его великую жертву и Его благодеяния и с рассуждением последует путем, которым прошли святые, то незаметно, неявно, он освящается, спасается, его милует Бог, он начинает смиряться, чувствовать свою низость, свою великую неблагодарность к Богу. Насколько человек восстает против Божией воли, настолько он опустошается. Сделаем же Бога руководителем нашей жизни.

Иуда был учеником Христа. Не было воли Божией на то, чтобы он стал предателем, как весьма нечестиво говорят некоторые. Иуда позволил дьяволу войти в него по своей неудержимой страсти сребролюбия. И после предательства своего Учителя он пришел не к покаянию – но к раскаянию. Это две разные вещи, покаяние и раскаяние. Покаяние означает смирение и исправление. Раскаяние равнозначно чувству виновности и несчастью. Потому Иуда и наложил на себя руки, что он раскаялся. Если бы он покаялся, он бы спасся, Бог бы простил его. И ведь Бог его ждал, чтоб спасти так же, как Он спас разбойника на Кресте и сотника.

Если бы люди знали, какое же это благословение Божие в нашей жизни – покаяние, в мире бы не было несчастных. Все грехи, в том числе и самые страшные, омывают слезы покаяния, исповедь, разрешение, которое подает Бог. Некоторые уверяют себя, что не совершили великих грехов. Однако вред малых грехов в том и состоит, что они недолго остаются малыми. Любовь к маленькому греху – это величайший грех.

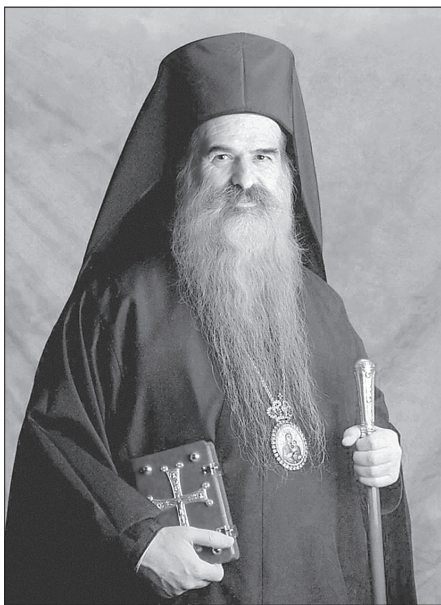
Потому никогда не будем судить внешним судом. Мы знаем, что человек явно согрешил, – а вдруг он тайно покаялся, и того, кого весь мир осудил как порочного, Бог посчитал чистым за его покаяние.

Неаполи, 2014 г.

Перевод с греческого иеромонаха Антония (Подоровского)

«...ОТ ТРИ ДО БЕЛА ТЕМНУЮ СТОРОНУ ЖИЗНИ СВОИМ ЮНОШЕСКИМ РВЕНИЕМ»

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДЫКЕ НЕКТАРИИ (ПАПАДАКИСЕ),
МИТРОПОЛИТЕ ПЕТРЫ И ХЕРСОНИССА

Митрополит Нектарий (Пападакис)

Два года назад, в июне 2014 года, наш город посетил необычный гость. Это был архиерей с греческого острова Крит, митрополит Петры и Херсонисса владыка Нектарий. Его в Самаре ждали давно, приглашение от нашего архипастыря, митрополита Сергия, он получил еще во время знакомства с ним на Крите в 2007 году. Да и сам он, знакомясь с православной Россией, все более проникался любовью к ней и ее жителям.

Митрополия владыки Нектария – одна из самых маленьких среди девяти епархий острова. Из городского монастыря, где жил Владыка, через морской за-

---

Иеромонах Антоний (Подоровский) родился в 1984 г. в г. Ташкенте в семье служащих. В 1993 г. семья переехала в Самару. В 2000 г. поступил в Самарскую духовную семинарию, по окончании которой продолжил духовное образование на богословском отделении Московской духовной академии, которую закончил экстерном в 2010 г. С 2005 г. по 2009 г. учился в Высшей церковной школе Крита (Греция), где изучал греческий язык. Там же познакомился с митрополитом Нектарием, автором настоящей работы. В 2006 г. был пострижен в Заволжском мужском монастыре в честь Честного и Животворящего Креста Господня в мантию с именем Антоний, в мае 2007 года рукоположен в сан иеродиакона, в августе в сан иеромонаха. Является насельником этого монастыря, а с 2010 г. – его благочинным.

В 2012 г. закончил аспирантуру философского факультета Самарской государственной академии Наяновой. В настоящее время является преподавателем этой академии (религиоведение, история религий, древнегреческий язык) и Самарской православной духовной семинарии (Новый Завет, древнегреческий и новогреческий языки).

лив открывается вид на села соседней епархии. Даже ее наименование является историческим: Петра давно разрушена, а Херсонисс известен как курортный поселок. Главными центрами епархии являются Неаполи, с его Свято-Успенским кафедральным собором, и живописный приморский город Агиос Николаос, центр округа восточного Крита.

Остров Крит сумел избежать европеизации, которая выпала на долю материковой Греции. Жители острова бережно хранили духовные традиции православной Византии, одна из них – благоговейное отношение к родителям и к своему духовному наставнику – является залогом духовного преуспевания любого человека. Эта черта освятила весь жизненный путь владыки Нектария. «Там, где есть добродетельный человек, отчетливо видно присутствие освященного духовника», – скажет он позднее.

Владыка родился 17 мая 1951 года в небольшой критской деревне. Родители дали ему имя Константин. Основное среднее образование он получил в районной гимназии, затем поступил в церковную школу имени братьев Ризари, которую еще недавно возглавлял великий святой, возродивший монашество в Греции, – святитель Нектарий Эгинский. В честь него и нарекли юношу Константина, когда он принял монашеский постриг. Его духовным наставником стал архиепископ города Ираклион Евгений – выдающийся подвижник, человек огромной любви к Богу и людям, совершивший множество жертвенных поступков во время немецкой оккупации острова в годы Второй мировой войны.

Сам Владыка о своем постриге рассказывал так: «Тогда я учился в Ризарийской школе в Афинах и не очень много знал о монашестве. Я встретил своего архиерея, который был святым человеком. Архиепископ Евгений стал моим старцем. Когда он меня увидел, то предрек мое будущее, сказав мне: “Ты станешь монахом”. И я сразу ему поклонился: “Буду вас слушаться, как вы благословите”. И так и стало. Я не подвергался принятому перед постригом испытанию, был пострижен в монашество, через несколько месяцев Владыка меня рукоположил во диакона».

Первым местом монашеского подвига владыки Нектария стал Свято-Георгиевский монастырь Эпаносифи, самый большой мужской монастырь острова. Будучи монахом и приняв священный сан, отец Нектарий продолжал учебу в Афинском университете. По его окончании он занимал различные церковные должности и наконец стал епархиальным секретарем. О главном принципе своего слу-

*Будущий митрополит Нектарий (слева)
с архиепископом Крита Евгением
в монастыре Святого Георгия*

жения владыка Нектарий позже вспоминал так: «Всегда я хотел слушаться своего епископа, поскольку знал, что послушание спасает монаха. Когда я не слушаюсь его, то уподобляюсь змею, который обманывал Еву в раю».

После окончания университета перед молодым клириком встал непростой выбор: либо продолжить ученую карьеру и ехать учиться за границу, либо остаться со своим старцем-архиепископом. Он, не колеблясь, выбрал второе, и, вспоминая потом об этом, никогда не жалел о своем решении. Вскоре владыка Евгений тяжело заболел, и отец Нектарий удостоился получить последнее благосло-

вение своего старца и похоронить его. В 1991 году он был возведен в сан епископа и стал управляющим древней Петрийской епархии.

Какие качества проявлял владыка Нектарий, более двадцати лет управляя своей митрополией? Его отличало большое внимание к окружающим. Проезжая мимо сел своей епархии, Владыка мог рассказать, какой священник где служит, какая у него семья, как зовут его детей, где они учатся, с какими сложностями сталкиваются, кто преподаватели в местных школах. Однажды Владыку спросили, как бороться с эгоизмом? Он в тот момент в переполненном корабле возвращался с острова, где служил вечернюю службу. Вместо ответа владыка Нектарий стал беседовать с незнакомыми детьми, сидевшими около него, спрашивал, как их зовут, сколько им лет, слушаются ли они родителей. После вечерних праздничных богослужений он подолгу разговаривал с пришедшими на праздник священниками и мирянами. Помощники Владыки говорили, что он знал всех жителей епархии, которые регулярно ходили в храмы. Он видел, кто из окружающих в чем нуждается, и помогал, причем очень деликатно. Владыка Нектарий мог выручить человека в сложной ситуации, взяв вину на себя.

Другой чертой служения Владыки было его ревностное подвижничество. День владыки Нектария обычно проходил так: рано утром он выходил из своих монастырских покоев, помощник отвозил его на утреннее богослужение либо на какой-нибудь приход, либо в кафедральный собор. Затем он прибывал в епархиальное управление, где занимался епархиальными делами до часа дня. После обеда он возвращался в монастырь, а через несколько часов опять уезжал в один из храмов на вечернюю службу или на официальное мероприятие, куда его приглашали, откуда приезжал поздно вечером. После каждой службы Владыка говорил проповедь. Как он проводил время в покоях, неизвестно: все его окна были плотно завешены жалюзи – это была мера предосторожности против воров. Так, проживая в центре туристического города с бурной ночной жизнью, около набережной, он жил, как пещерник. Свой постнический подвиг Владыка скрывал за разборчивостью в пище.

Владыка был прекрасным проповедником. Его ясная, образная, правильная речь лилась от сердца, глубоко пережившего и опытно познавшего правду произносимых слов. Бог в проповедях митрополита Нектария – не далекий неведомый начальник, а Кто-то очень близкий и родной, как отец или верный друг. Складывалось впечатление, что он знает характер Бога. Божия Матерь для него была как родная мать, которая всегда поможет и утешит. Владыка говорил афористично. Его немногословные речи, приправленные примерами из жизни, легко запечатлевались в памяти. Вот некоторые из них: «Бог не помогает лентяям. Знайте, что Бог помогает только в тех вещах, которые невозможно сделать человеческими усилиями. То есть там, где недостает сил человека, помогает Бог. Что можно сделать самому, должно делать, а что невозможно, нужно возложить на Бога. Бог нам помогает только тогда, когда видит наше старание.

Что мы читаем в Священном Писании? Ной сто двадцать лет получал указания, как строить ковчег. Неужели Бог не мог что-нибудь придумать, чтобы ковчег был построен быстро? Ной утомился. Кто только над ним не смеялся, видя, как он мучается. Он имел веру в Бога и делал то, что Тот ему сказал. И Бог подробно объяснил, как нужно делать ковчег, а также дал ему силы. Поэтому будем делать и мы то, что можем, чтобы Бог делал то, что мы сделать не в силах».

А вот как владыка Нектарий объяснял, зачем нужно обращаться к Богу в своих нуждах: «Возможно, возникнет недоумение: “А разве Бог не знает, в чем мы имеем нужду? Неужели так необходимо просить Его, чтобы Он нам что-то дал?”. Бог со всей готовностью распо-

ложен помогать людям. Однако Он ждет и нашего обращения, и особенно тогда, когда мы просим с болью, Он преклоняется и вмешивается. *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцуйте, и отверзется вам* (Мф. 7,7)».

У владыки Нектария был дар учиться доброму у тех людей, с которыми встречался. Нередко он приводил в пример слова и поступки представителей старшего поколения, среди которых в его сердце особенно запечатлелся образ его старца – архиепископа Евгения. Вот одно из его воспоминаний: «Как-то один молодой человек, расстроенный, пришел к владыке Евгению на прием. Он выслушал его с огромной любовью и, видя его затруднения, дал такой совет: “Если ты, дитя мое, затрудняешься найти светлую сторону своей жизни, ототри добела ее темную сторону своим юношеским рвением”».

Связь поколений всегда привлекала владыку Нектария. Свои размышления о последующих поколениях он высказал в одной из бесед в Самаре: «Часто мы встречаем молодежь, которая враждебно настроена к Церкви, к вере. Однако даже таких молодых людей со временем привлекает любовь ко Христу. Я за молодежь не боюсь. Молодые лучше нас: мы – лицемеры, а они какие есть – такие и есть, не притворяются. Мы должны благословлять их, даже если они бьют нас по рукам. Мы должны победить нашей любовью. Мы должны молиться за них».

На Владыку Самара произвела большое впечатление, причем основное его внимание привлекали сами жители города. Он наблюдал за ними повсюду: в храмах, монастырях, в духовной семинарии, на улицах во время прогулок по городу, даже на рынке.

Зная, что владыка Нектарий очень любит монастыри, программу для его недельного визита митрополит Сергей составил таким образом, чтобы он смог осмотреть как можно больше святых обителей самарской земли: монастырь в Винновке, подгорские обители, Иверский женский монастырь, Воскресенский мужской монастырь в Тольятти. Посещение митрополитом Нектарием Свято-Богородично-Казанского монастыря в заволжском селе Винновка было приурочено к празднику Пресвятой Троицы и торжеству освящения нового монастырского храма в честь Пресвятой Троицы. Два митрополита совершили величественную праздничную службу, открыли выставку, размещенную в специально подготовленном перед праздником зале монастырского музея, слушали праздничный концерт лучших молодежных самарских хоров, а после обеда теплоход отвез участников мероприятия из Винновки в Самару. Митрополит Нектарий был

очень воодушевлен этой праздничной службой. А позже он, сам возродивший к жизни не одну обитель, размышлял, сколько же трудов и скорбей стоило владыке Сергию построить такой величественный монастырь и продолжать заботиться о нем.

Очень теплые впечатления остались у митрополита Нектария от богослужения в духовной семинарии. По его словам, именно такие духовные школы, где постоянно совершается храмовая молитва, с распорядком, близким к монастырскому укладу, больше всего нужны сегодня в православном мире.

Владыка был очень тронут гостеприимством, оказанным ему в нашем городе митрополитом Сергием. Никто тогда не знал, что эта предпоследняя его поездка в Россию. Самара стала благодатным местом Русской земли, наряду с Троице-Сергиевой и Киево-Печерской Лаврами, Валаамом и Оптиной пустыней, где довелось побывать этому добродетельному человеку.

Владыка нес тяжелый крест болезни давно, но мало кто об этом догадывался. Он не жаловался, умел держать себя. Весной 2015 года случился приступ, и он срочно был госпитализирован в Афинах. Летом, когда наступало облегчение, он возвращался на Крит, чтобы не запустить жизнь епархии. Во время одной из последних бесед Владыка говорил: «Лучше в болезни сказать один раз “Слава Тебе, Боже”, чем тысячу раз здоровым – “Господи, помилуй”. Какая же это непостижимая глубина – богословие боли!» В октябре 2015 года после продолжительной тяжелой болезни Владыка неожиданно для многих отошел ко Господу.

Так бывает: общаешься с человеком, радуешься, и кажется, что эта радость – твоя собственная, а этот человек просто один из окружающих. А потом Господь призывает его к Себе, и тогда обнаруживается вся глубина утраты: раскрывается величие его личности и святость его жизненного подвига. Казалось, митрополит Нектарий был одним из многих. А оказалось, что он – один из тех, чья жизнь окрыляет, обнадеживает и приносит радость. Этого желал он сам. Любовь таких людей не прекращается после их отхода в вечность.

«АНДРЕЙ РУБЛЕВ»

Жизнь и судьба киношедевра

Кинолента длиною в 50 лет

Внашей стране 2016 год был объявлен Годом кино. Есть и еще один повод для данной публикации – исполнилось ровно 50 лет со дня выхода фильма «Андрей Рублев» на экраны.

Путь этого фильма к зрителю был длинным и сложным, порой драматичным, иногда даже с авантюрной окраской. И все из-за того, что картина много раз возвращалась на переделки, сокращения и исправления по разным причинам, о которых будет сказано ниже. Но все же есть акт приемки фильма Комитетом по кинематографии СССР, хотя и выданный с оговорками 25 августа 1966 года. Эту дату и принято считать датой выпуска фильма. Но фактически на экраны страны фильм вышел через пять лет – в декабре 1971 года. Эта дата тоже обозначена в справочной литературе. А до «ограниченного проката», как тогда определялись нормы показа фильмов в кинотеатрах, картину можно было увидеть на так называемых «закрытых просмотрах», или подпольно – в обход существующего порядка, нарушение которого влекло за собой уголовное наказание. Обо всем этом приходится говорить, чтобы современный читатель понял, какие барьеры преодолел, какие мучения пережил кинорежиссер, ведь именно он являлся главным ответчиком и создателем фильма.

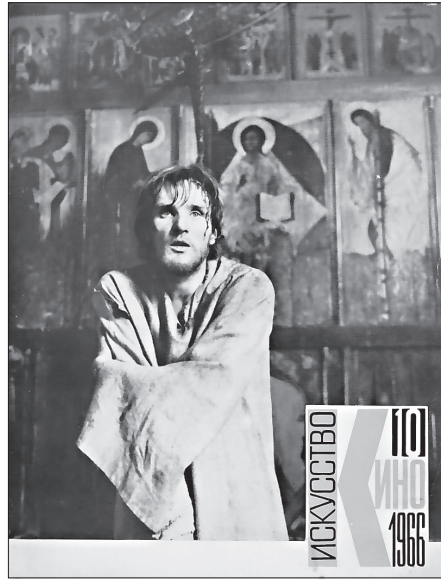

Солоницын Алексей Алексеевич, писатель, кинодраматург, режиссер-документалист. Родился 22 марта 1938 года в г. Богородске Горьковской области. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1960. Много ездил по стране, работал в газетах, на телевидении. Последние сорок лет живет в Самаре. С 1972 г. – член Союза писателей России, с 1984 – член Союза кинематографистов России. За более чем полвека творческой деятельности в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах страны и зарубежья издано, включая переиздания, тридцать книг писателя. По его сценариям снято около сорока документальных фильмов. С 1994 года по благословению митрополита Самарского и Сызранского Сергия возглавил созданную в Самаре общественную организацию «Самара Православная» и руководил ею до 2005 г. На одной из независимых телерадиокомпаний России СКАТ готовил к эфиру и вел одну из первых в России православных телепрограмм «Путь». Продолжает православную просветительскую работу. Дипломант Патриаршей литературной премии свв. Кирилла и Мефодия 2012 года, лауреат первых Всероссийских литературных премий им. Александра Невского (Санкт-Петербург), Ивана Ильина (Екатеринбург), Серафима Саровского (Нижний Новгород), Международного кинофестиваля «Золотой витязь» (Москва). Имеет правительственные, Патриаршие и другие награды.

Статья представляет собой журнальный вариант одноименной книги Алексея Солоницына и подготовлена автором специально для публикации в «ДС».

Итак, 2016 год – юбилейный для фильма «Андрей Рублев», и есть повод сказать о главном, чему служит искусство, о его значимости в духовной жизни страны, способности отражать душу народа, – о том, что более всего волновало и увлекало меня, когда я решил писать эти строки. У меня уже был опыт работы над «Повестью о старшем брате», посвященной актеру Анатолию Солоницыну, воплотившему на экране образ преподобного Андрея Рублева, иконописца, канонизированного в 1988 году Русской Православной Церковью в лике святых. Но в той книге, выдержавшей несколько изданий, говорилось о личном, о творчестве актера, на долю которого выпала роль, определившая всю его дальнейшую творческую судьбу. Мне же все эти годы после ухода брата, а затем его друзей и товарищей по актерскому цеху, хотелось рассказать обо всем фильме – о том, почему именно он стал одним из флагманов нашего русского национального искусства. Почему картина «Андрей Рублев» не стареет, не «изнашивается», как другие фильмы и их копии, а наоборот, с течением времени все яснее и отчетливее проявляется ее духовная сила. Ведь по опросам кинокритиков стран Европы и Америки кинолента «Андрей Рублев» входит в число лучших фильмов.

Мне не давала покоя мысль: как это двум молодым людям Андрею Тарковскому и Андрею Кончаловскому (Михалкову-Кончаловскому) оказалось под силу написать такой замечательный по своим художественным качествам и содержанию сценарий, по сути дела, роман? И как им, далеким от Церкви, удалось во многом постичь духовную и бытовую жизнь монашества? И что было упущено ими из-за того, что время понимания духовных высот Православия и монашеской жизни людьми художественной среды еще не пришло? И как потом уже одному Андрею Тарковскому удалось подняться на такую высоту, где ему открылись горизонты Небесного, Божественного, горизонты Православия?

Обложка журнала, в котором сообщалось, что фильм «Андрей Рублев» снят на киностудии «Мосфильм»

Ибо картина, хотел режиссер того или не хотел – явила миру Троицу, Единую и Нераздельную, Самого Господа Вседержителя.

Об Андрее Тарковском написано множество книг и у нас в России, и за рубежом. В них говорится об изобразительной манере режиссера, звуке, цвете и других особенностях его киноязыка. Немало монографий посвящено его фильмам. Но вся эта масса книг, порой хороших в научном плане, предназначена для узкопрофессиональной аудитории и написана на языке, свойственном трудам такого рода. В них редко говорится о духовной сути фильмов Тарковского. А если и говорится, то в русле тех философских концепций, которые выстраивают авторы. Порой эти концепции искусственно притягиваются к фильму, хотя, по сути дела, никакого отношения к проблематике «Андрея Рублева» не имеют. Существуют устойчивые заблуждения в трактовке основных идей фильма, а то и фактические неточности.

Чтобы избежать этих ошибок, по моему глубокому убеждению, следует показать тот духовный путь, который прошел Андрей Тарковский ко времени создания фильма и в ходе работы над ним. Ведь это и есть тот фундамент, на котором зиждется творчество любого художника – будь то композитор, писатель, живописец или кинорежиссер.

Есть и еще одно обстоятельство, о котором надо сказать, когда речь идет о таком художнике, как Андрей Тарковский, а сегодня его по праву называют великим кинорежиссером. Это обстоятельство неземное, надмирное, которое не может объяснить наука, но объясняет религия. Вот, к примеру, в фильме «Сталкер» камера показывает предметы, залитые водой: медицинский шприц, часть триптиха из Гентского собора с образом святого Иоанна Крестителя, потом мы видим отрывной календарь, на котором дата – 28 декабря. А в ночь с 28 на 29 декабря Андрей Тарковский скончался. «Совпадение!» – скажут атеисты.

Но вот в другом фильме, «Жертвоприношение», Тарковский долго не может найти место, где снять людскую панику после атомной атаки, и выбирает, к удивлению группы, обыкновенный уличный подземный переход в Стокгольме. Именно напротив этого, самого обычного перехода у кинотеатра, некоторое время спустя был убит шведский премьер-министр Улоф Пальме. И убийца стоял на том самом месте, где была установлена кинокамера. Опять совпадение? Но такие «совпадения» есть и в «Андрее Рублеве». Так, может, это что-то другое? Промысл Божий, как говорят верующие люди?

Вот обо всем этом и хотелось написать книгу. Написать языком, понятным широкому читателю, так, чтобы он откликнулся на нее сердцем – вот какую задачу я как писатель поставил перед собой. Старался пока-

зять, как шли к этой духовной высоте режиссер и его сподвижники. Кто из них продолжил этот путь, а кто свернул с него, пошел по пути иному. Привел отрывки из воспоминаний, писем брата ко мне, которые проливают свет на многие обстоятельства жизни и творчества Андрея Тарковского и создания его фильма «Андрей Рублев».

Конечно, в книге выражен всего лишь личный взгляд автора. Но автора заинтересованного, который выстрадал обозначенные вопросы в сердце и в своих книгах, фильмах, публицистике постарался сказать то, что не успели сказать его старший брат, его старшие товарищи по литературе и кино. Эта книга посвящена и Андрею Тарковскому, и всем тем замечательным людям – талантливым, влюбленным в кино как дело всей своей жизни, которые беззаветно трудились над созданием киношедевра на все времена – фильма «Андрей Рублев».

Алексей Солоницын

История народа принадлежит поэту.

А. С. Пушкин

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.

А. Н. Майков

ТОМЛЕНИЕ ДУХА.

Весна – зима 1964 года. Весна 1965 года

Далеко от Москвы, на Урале, в городе, который назывался тогда Свердловск, в эти годы я вновь встретился с моим старшим братом Анатолием. Учебу мы закончили одновременно: он в театральной студии при Свердловском (ныне Екатеринбургском) драматическом театре, я на факультете журналистики Уральского университета. Кончились голодные зимы, пришла долгожданная работа. Шли шестидесятые годы, которые кинорежиссер Станислав Говорухин справедливо назвал в своем фильме «концом счастливой эпохи».

Анатолия как лучшего выпускника оставили работать в театре. Но роль, которая бы удовлетворяла его желание играть что-то стоящее, а не эпизоды и выходы в массовках, была лишь одна – писателя Вани в спектакле «Униженные и оскорбленные» по знаменитой повести Достоевского. Здесь наметилась главная тема всего творчества Анатолия – взыскание разбуженной совести, стремление души жить в согласии, а не в разладе с ней. Тогда, в шестидесятые, душа требовала не помпез-

ной романтики или спектаклей «о рабочем классе», который борется за коммунистический труд, а правды жизни, выраженной в новой художественной форме.

Мы жадно читали все, что прорвалось к нам в страну в эту пору «оттепели», – начальную пору, подчеркну. Не только Хемингуэй и Ремарк, которыми все поголовно были увлечены, но и книги классиков мировой литературы, наших и зарубежных современных писателей, проглатывались мгновенно, стоило только им появиться в журналах или выйти отдельными изданиями. Это касалось не только прозы, но и поэзии, ставшей тогда нашим духовным хлебом. И вот произошло событие, которое нас потрясло. Журнал «Искусство кино» в четвертом и пятом номерах 1964 года напечатал киносценарий «Андрей Рублев». Все было ново в нем: вдруг открылась перед нами Русь с ее удивительной судьбой, великими взлетами души посреди страданий, унижений, грязи. Написан сценарий был так, что мы восприняли его как замечательную литературу. Делились впечатлениями, восторгами. Имя Андрея Тарковского уже было известно, так как он стал обладателем высшей награды Венецианского кинофестиваля за свой первый полнометражный фильм «Иваново детство». А вот второго автора сценария, Андрея Кончаловского, мы тогда еще не знали.

Режиссер Свердловского телевидения Глеб Панфилов, поступивший учиться на Высшие режиссерские курсы, снял талантливый короткометражный фильм «Дело Курта Клаузевица», где Анатолий сыграл главную роль. Вот с той самой поры и потянулась «серебряная ниточка» связи Анатолия с кинематографом.

Как-то Анатолий мне признался, что сценарий «Андрей Рублев» не просто ему понравился, а что он постоянно думает о нем и спрашивал Панфилова, закончены ли кинопробы, и что Глеб Анатольевич узнавал – вроде еще продолжают. И вдруг Толя сказал, что хочет ехать на «Мосфильм». Будь что будет, но поехать надо. Попытаться хотя бы, чтобы не казнить себя потом за трусость. Хотя Панфилов и говорил, что на пробы половина Москвы приходила уже...

Я понял, что душа брата обожжена, и он не успокоится, пока не осуществит задуманное. Пусть его никто не ждет. Пусть посчитают его кем угодно, – даже наглецом, который ничего не знает о кино, а хочет играть главную роль. Пусть. Но сердце подсказывает ему, что эта роль – его. А слушаться своего сердца надо. Так он потом записал в своем дневнике, не понимая еще, что голос сердца – это и есть призвание. А призванные идут на глас Божий, как говорят опытные в духовной жизни люди.

Марина Арсеньевна Тарковская, сестра Андрея, автор книги «Осколки зеркала» о роде Тарковских, составитель нескольких книг воспоминаний о брате, на одном из вечеров, посвященных памяти Анатолия Солоницына, рассказала об их первой встрече.

«Однажды я приехала на “Мосфильм”. Мне надо было повидаться с моим мужем, режиссером Александром Гордоном. Кто постарше, помнит проходную “Мосфильма”, небольшое помещение, где обычно толпились люди, ожидающие получения пропусков. Я обратила внимание на одного человека в черном пальто, сосредоточенного, несколько облысевшего, с бледным, худым лицом. Это лицо как-то сразу запоминалось. Поговорив с мужем, я решила зайти и в комнату, где располагалась группа “Андрей Рублев”, чтобы повидаться с братом.

В этой комнате я опять увидела того человека в черном пальто, на которого обратила внимание на проходной студии. Он молча стоял в сторонке, видимо, что-то или кого-то ожидая. “Вот кому бы играть Рублева”, – подумала я.

Поговорив с братом, я ушла со студии и поехала к своей подруге, с которой в этот день у меня назначена была встреча. Каково же было мое удивление, когда в подъезде дома, где жила моя подруга, я опять увидела того же человека, которого я “назначила” на роль Андрея Рублева. В лифте мы оказались вместе. И вышли на одном этаже. И подошли к одной и той же двери. “Вам сюда?” – удивленно спросила я. Он кивнул. Стоял несколько поодаль, дожидаясь, когда откроется дверь квартиры моей подруги.

Вот дверь отворилась, подруга, улыбаясь, поздоровалась со мной, потом, столь же приветливо, с незнакомцем, приглашая его войти. Мы вошли. В гостиной сидело несколько человек, знакомых мне кинематографистов. Они радостно приветствовали меня, дружески приветствовали и незнакомца. Усадили нас, стали потчевать. Налили вина в бокалы. Незнакомец отрицательно покачал головой. “Ну глоточек, Толя. Не повредит”, – но тот показал ладонью, что пить он не будет. Он показал на чашку, которая стояла на маленьком столике, словно говоря, что от чая он бы не отказался.

“Почему он не говорит? – подумала я. – А, наверное, простужен”, – я обратила внимание, что у человека, которого назвали Толей, горло перемотано шарфом. Довольно плотно. По разговору я скоро поняла, что это и есть Анатолий Солоницын, провинциальный, никому не известный артист, которого Андрей решил снимать в главной роли. Хотя весь художественный совет – против. Михаил Ромм, безусловный авторитет, у которого Ан-

дрей учился на курсе во ВГИКе, прямо сказал Андрею, что этот артист завалит весь фильм. Но Андрей и с Роммом не согласился.

Чуть позже подруга мне объяснила, почему Анатолий не сказал ни слова в ту встречу. И попрощался молча, лишь кивнув, и тихо, как бы извиняясь, улыбнулся. Оказывается, он решил, как и его герой, дать обет молчания. Предстояло начать съемки с финальной сцены картины, где Андрей Рублев, поднимая с грязной земли и прижимая к себе рыдающего колокольных дел мастера Бориску, впервые нарушает обет молчания и успокаивает мальчишку, говоря ему слова утешения и веры.

И вот, чтобы голос на съемке стал надтреснутым, хрипловатым, Анатолий перетянул горло шарфом и решил не произносить ни одного слова. Как я потом узнала, именно по этой сцене, ключевой для всего фильма, должно было решиться, будет ли Солоницын и дальше сниматься или нет. Так режиссер и актер договорились.

Эпизод получился таким, как и задумывал его режиссер, и Андрей убедился, что не ошибся в выборе актера. Более того, с этого времени и началась между ними дружба, которая продолжалась двадцать лет, до безвременной кончины Анатолия Алексеевича.

Это произошло весной 1965 года, и мы несколько забежали вперед. Вернемся к тому времени, когда сценарий ходил по инстанциям. Надо объяснить, как это так случилось, что в стране воинствующего атеизма, во времена «оттепели», когда вновь усилились гонения на Церковь и глава государства объявил, что скоро он покажет по телевизору последнего попа, все же пробился к народу фильм, который не просто рассказал о великом иконописце, но стал вехой в духовно-нравственной жизни страны, сыграв особую роль в ее возвращении к своим корням как основе, фундаменту, на котором тысячу лет стояла Россия.

Все, кто читал сценарий «Начала и пути», не могли не понять, что это замечательная работа. Но как доказать это начальству? Главный редактор «Мосфильма» Леонид Николаевич Нехорошев был на стороне авторов. Но как им помочь? Ведь надо было пробиться через генерального директора студии, затем Госкино. А над этими начальниками стояло и высшее руководство – ЦК КПСС с его отделом культуры. Любой промах тут же карался – лишались кресел начальники, управляющие кинематографией.

Заместителем заведующего отделом культуры, непосредственно занимающимся вопросами кино, был Георгий Иванович Куницын. Он прочел текст и встал на сторону авторов, понимая, что перед ним от-

Анатолий Солоницын в роли Андрея Рублева

личный сценарий, который может стать основой выдающегося фильма, и стал думать, как же облегчить прохождение сценария, чтобы его можно было запустить в производство.

Пишу это для того, чтобы сегодняшние наши демократы и либералы поняли, что в высших инстанциях советского партийного руководства находились не только безнадежно отсталые чиновники «с высохшими мозгами». Среди них были и думающие, широко образованные интеллигенты, озабоченные не сохранением за собой кресла, а подлинным развитием литературы и искусства.

Г. И. Куницын был членом Союза писателей, членом Союза журналистов СССР, автором многих статей и научных работ. Некоторые кинокритики иронически, даже ернически пишут о нем, как о чиновнике, который поплатился за слишком усердное продвижение сценария и защиту уже готового фильма. Да, Георгий Иванович действительно был уволен с работы, когда руководство из ЦК и Комитета по делам кинематографии распорядилось положить уже готовый фильм на полку, то есть отправить его в архив как картину с идеологическими просчетами, противоречащими политике партии. Ведь многим тогда казалось, что все наши беды идут от того, что социализм неверно воплощается в жизнь по вине руководителей партии и правительства.

С помощью того же Г. И. Куницына сценарий «Андрей Рублев» был опубликован в журнале «Искусство кино» и, благодаря такому неожиданному и умному решению, стал достоянием широкой общественности. Руководство «Мосфильма» приняло сценарий к производству.

«В тумане утреннем, неверными шагами,
Я шел к таинственным и чудным берегам.»

Январь – декабрь 1965 года

Передо мной на столе лежит текст киносценария «Андрей Рублев»: 265 страниц, отпечатанных на пишущей машинке и переплетенных толстым синим картоном пятьдесят лет назад. Перед тем, как уйти из жизни, старший брат подарил мне этот «самиздат». Сказал: «Сохрани». Сохранил. Перечитывал за эти годы не один раз. И сейчас перечитал, прежде чем написать эти строки.

Многое теперь понимаешь иначе. Но впечатление все то же: написано ярко, смело, талантливо. С самого начала было понятно, что все эпизоды не войдут в фильм. Но чтобы сценарий «прошел», авторам пришлось слишком подробно описывать действие, «разжевывать» смысл написанного и даже лукавить, особенно в предисловии, – для того, чтобы руководство, которое сплошь было партийным, их не заподозрило в отступлении от идеологии марксизма-ленинизма:

«Прежде чем вы прочтете этот сценарий, мы считаем необходимым хотя бы кратко изложить вам, почему постановку этого фильма мы считаем современной и необходимой. В советском киноискусстве еще не было ни одного фильма, посвященного тому периоду истории нашей страны, когда фактически складывалась русская нация, формировалась русская национальная культура. Сейчас, когда борьба двух идеологий – буржуазной и коммунистической – достигла наивысшего напряжения, борьба за народность искусства становится вопросом исторического значения, мы хотим создать фильм об истоках народной прогрессивной сущности национальной культуры. В этом фильме мы хотим раскрыть суть истинного творчества и доказать, что художник становится по-настоящему великим только в том случае, если он выражает чаяния своего народа». <...>

Далее идут пункты, не менее высокие по своим идеологическим посылам. И чтобы окончательно убедить партийное начальство в том, что авторы не имеют никакого отношения к «поповщине», они пишут: «Андрей Рублев жил во времена, в которые искусство никакой другой живописи, кроме религиозной, не знало и не могло знать. И, несмотря на это,

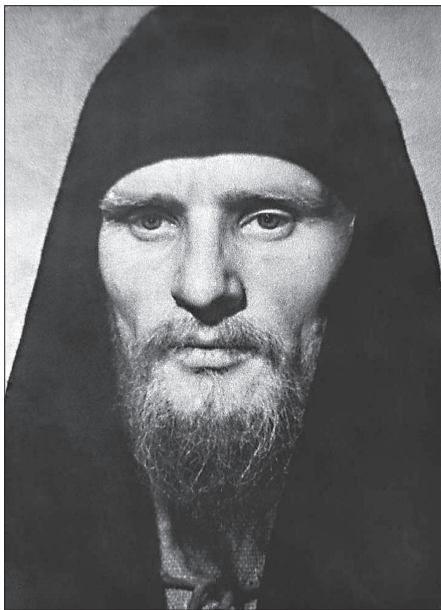
реалистическое искусство Рублева выражало самые сокровенные стремления народа к счастью, братству и единению. Сам процесс замысла и последующего создания иконы носит ярко выраженный материалистический характер, чуждый какой бы то ни было «божественности».

Вот так. С одной стороны – грандиозность замысла будущего фильма, его необходимость, народность. С другой – борьба против буржуазной идеологии и утверждение, что «процесс создания иконы» чужд «божественности». Это означает, что авторы стоят на твердых материалистических позициях, противоположных идеалистическим, церковным.

Неужели авторы сценария изложили свою позицию, и они действительно материалисты, взявшиеся писать сценарий, а потом снимать фильм о великом художнике, который выразил народный идеал, якобы чуждый религиозности? Да, так почти и обстояло дело. Сценаристы считали, что Андрей Рублев перешагнул «границы религиозности», достиг чего-то большего и потому стал великим. Такое мнение бытовало в художественных кругах. Но вот признать искреннюю веру авторов в то, что создание иконы действительно «чуждо всякой религиозности», невозможно. Перед тем, как сесть за пишущую машинку, они много и жадно читают – об этом пишет Кончаловский. Из самого текста сценария, где цитируются Ветхий и Новый Заветы, творения святых отцов, уже видно знание православной литературы. Конечно, это лишь начальная степень церковного образования, но она позволяет ориентироваться в пространстве жизни монаха-иконописца. Когда Андрей Тарковский еще юношей поступал во ВГИК, после собеседования Михаил Ильич Ромм сказал о нем: «Он все знает. Мне нечему его учить». Тем не менее, на свой курс он взял и Тарковского, «который все знал», и Василия Шукшина, который «ничего не знал» (имелось в виду искусство).

Вспомним и Наталью Петровну Кончаловскую, верующую, образованнейшую, мудрую женщину, мать известных кинорежиссеров – Андрея Кончаловского и Никиты Михалкова. Она была поэтом, переводчиком, искусствоведем, – и убежден, что Андрей Кончаловский не раз задавал матери вопросы касательно церковной, монашеской жизни. Да, она была православной, и с этим приходилось считаться партийному начальству, которое задавало неудобные вопросы не только ее сыновьям, но и мужу, Сергею Владимировичу Михалкову – поэту, драматургу, баснописцу, детскому писателю, а потом и Первому секретарю Союза писателей РСФСР. Конечно, были и другие консультанты – академик В. Пашуто, молодой, талантливый реставратор, знаток иконописи С. Ямщиков.

По мере написания сценария и в процессе создания фильма к авторам неизбежно приходит глубокое понимание иконописи и того, что так

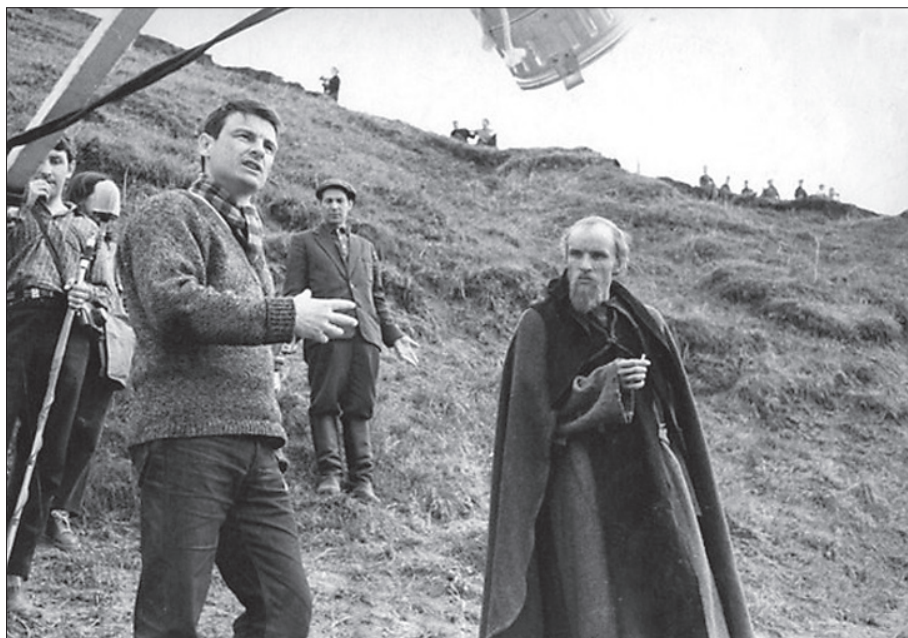
Фотопроба на роль Андрея Рублева, которая определила всю дальнейшую жизнь и творчество Анатолия Солоницына

волнует Андрея Тарковского – духовной жизни человека, который вопреки всем обстоятельствам идет к осуществлению своего идеала. Какая уж тут материалистическая трактовка! Результат оказался прямо противоположным тому, который был заявлен в предисловии к киносценарию, где говорилось о реализме «Андрея Рублева».

В шестидесятые годы в научной и культурной среде уже сформировалось убеждение, что русская икона есть высокое искусство, взлет народного духа. «Черные доски» Владимира Солоухина, книги Дмитрия Лихачева, Бориса Рыбакова, выдающегося историка, археолога, одного из самых значительных исследователей истории Древней Руси, и ряда других писателей

и ученых пробудили массовый интерес народа к своей истории, культуре. Вслед за Солоухиным ринулись в русскую глубинку собирать иконы, древние церковные книги специалисты по древнерусскому искусству, писатели, художники, да и просто любители старины. Поэтому весть о появлении сценария «Андрей Рублев» и предстоящих съемках фильма быстро разнеслась по стране. Возникло радостное и в то же время тревожное ожидание. С особой силой оно отозвалось в сердце моего старшего брата Анатолия, а после того, как он открыл мне, что собрался ехать на «Мосфильм» в киногруппу Андрея Тарковского, я проникся ожиданием каких-то очень важных событий и в судьбе брата, и в судьбе всего нашего кино. Время было такое. Свои судьбы мы связывали с судьбой страны.

Здесь надо сделать пояснение. Мысль о создании фильма об Андрее Рублеве впервые возникла у Василия Ливанова, именно он предложил Кончаловскому и Тарковскому написать сценарий, а его снимать в главной роли. Но впоследствии Ливанов уехал на съемки картины «Неотправленное письмо» к Г. Калатозову и вернулся, когда работа над фильмом «Андрей Рублев» уже началась. Затем Андрей Тарковский хотел взять на главную роль Иннокентия Смоктуновского. Но тот выбрал

Первые дни съемок. Андрей Тарковский и Анатолий Солоницын

роль «Гамлета» в фильме режиссера Г. Козинцева. Тарковский продолжил поиск, он колебался, в разное время отдавая предпочтение то Станиславу Любшину, то Виктору Сергачеву.

Как видим, претендентами на главную роль были талантливые, высокоодаренные актеры. И все-таки режиссер предпочел актера провинциального, никому в столице не известного. Почему? Думаю, он разглядел в Солоницыне способность к самопожертвованию, а ведь эта черта как раз монашеская. Может быть, почувствовал он это интуитивно, не знаю. Тарковского убеждали, что Анатолий играет слишком театрально, что у него нет никакого опыта в кино. Михаил Ромм искренне говорил об этом, советовал Тарковскому отказаться от Солоницына. Однако Андрей Тарковский был убежден в другом, в том, что театральность уйдет на первых же репетициях благодаря свойственным актеру послушанию и готовности к жертве.

Савелию Ямчикову, консультанту фильма, как и Тарковскому, понравилось лицо Анатолия. Когда Андрей выложил на стол актерские портреты после фотопроб и спросил Савелия: «Кто из них Рублев?», он указал на фото Солоницына. Сегодня этот судьбоносный снимок – на стене моего рабочего кабинета. Что, кроме любимых черт, отражено в этой фотографии, которую, Анатолий неизменно возил с собой на протяже-

нии всей своей недолгой жизни? Думаю, на фотопортрете в лице брата есть предощущение ранней смерти... Священники, частые гости в моем доме, спрашивают: «Кто этот монах?» Может быть, именно таким увидел Анатолия Андрей Тарковский, добившийся его утверждения на главную роль вопреки мнению худсовета.

В те дни Анатолий писал мне и моей жене:

«Маленькие мои! Вот я уже десять дней в Москве. Брожу по музеям, Кремлю, соборам, читаю интересную литературу, встречаюсь с любопытными, талантливыми людьми. Подготовка. Съемки начнутся 24 – 26 апреля во Владимире (сцена с Бориской – финал картины). Как все это будет, не знаю. Сейчас мне кажется, что я не умею ничего, ничего не смогу, – я в растерянности. Меня так долго ломали в театре, так долго гнули, – видимо, я уже треснул. Я отвык от настоящей работы, а в кино, ко всему, еще особая манера. Слишком много сразу навалилось на мои хилые плечи. Я не привык носить столько счастья, носил всегда кое-что другое. Ну, посмотрим!

Обнимаю. Толька. 20.4. 65 г. Москва».

Режиссера и актера объединяло общее понимание творчества как смысла жизни. И еще то, что они знали и любили поэзию. У философа и поэта Владимира Соловьева, которого высоко ценил Федор Достоевский, мы открыли для себя стихотворение, отражающее, как мне кажется, внутренний мир и поиск молодого Андрея Тарковского. Буду цитировать это стихотворение отдельными строфами.

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны – и, схваченная снами,
Душа молилася неведомым богам.

Да, именно так и было, и по каменистому пути предстояло идти еще долго.

Горный путь.

Весна – зима 1965 года

Продолжим читать стихотворение Владимира Соловьева «В тумане утреннем»:

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь и как еще далёко,
Далёко всё, что грезилось мне.

Тарковские. Отец и сын

Пусть читатель простит, что я ссылаюсь на стихи. Но ничто лучше не объяснит путь режиссера, возрастание его души и даже смысл фильма, чем поэзия. Обратите внимание на первую строку этой строфы. «Белый, белый день» – так первоначально назывался сценарий будущего знаменитого фильма Тарковского «Зеркало». Андрей Тарковский глубоко знал поэзию. И не только потому, что его отец, Арсений Тарковский, был поэтом, стихи которого сын очень любил. Душа Андрея была поэтической от рождения – чуткой, ранимой, отзывчивой на страдания и любовь. Тарковский создавал свои фильмы, используя поэтические приемы – притчевость, ассоциации, аллегории, сознательную недосказанность, дающую простор воображению зрителя, позволяющую самостоятельно дорисовать и осознать то, что не показано на экране. Тарковский следовал высшим образцам поэзии, перекладывая ее на язык кинематографических образов. Такая поэзия вещественна, точна в изображении предметов и событий, строга, иногда даже груба, а порой и жестока, когда речь идет о жизни и смерти, о преодолении страданий, выпадающих на долю тех, кто идет на них, чтобы подняться к небу, к Господу. Эта высшая цель все яснее обозначалась в душе кинорежиссера по ходу съемок. Сценарий сокращался, становился четче, законченней от одного снятого эпизода к другому.

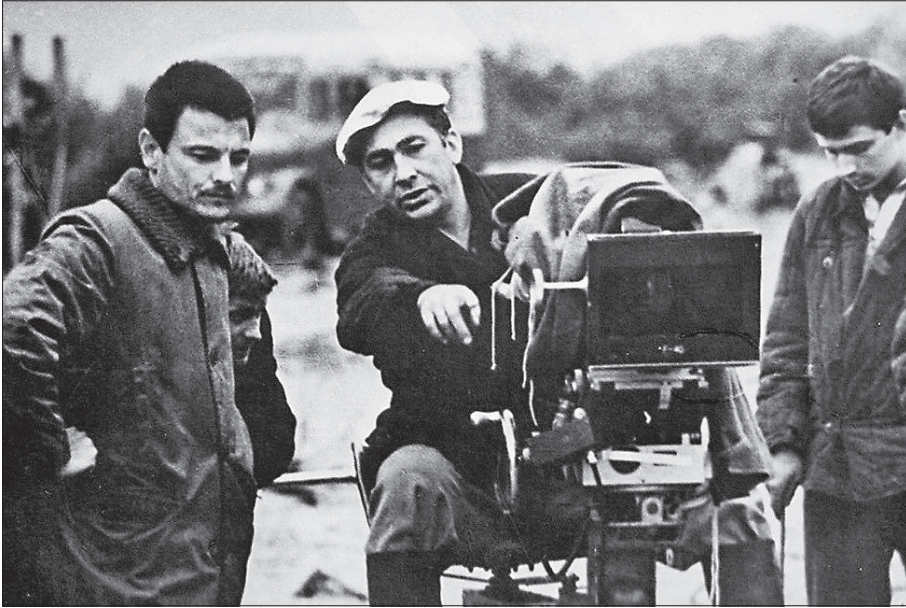
Да, труден горный путь. А отснятый материал надо показывать начальству, которое строго следит, что там делает строптивый режиссер, который «возмнил о себе неизвестно что». И как ведет себя на съемках! Все чаще поступают на студию письма с требованиями «остановить безобразия».

Работа над фильмом шла уверенно и слаженно до тех пор, пока не приступили к съемкам новеллы «Набег»: ряд эпизодов предстояло снять у стен собора Успения Богоматери во Владимире. Сама фактура фильма требовала предельной достоверности, даже «хроникальности», больше всего режиссер боялся «фанеры», то есть искусственности, когда в кадре видны декорации, постройки. Но какой же набег без жестокости, насилия, ужаса? К тому же набег грабительский, да еще и предательский: младший князь приводит татар во Владимир, когда старший в отъезде. С церковным начальством съемки были согласованы, но за «охрану исторических ценностей» вдруг вступилось партийное руководство области. В Госкино и на «Мосфильм» полетели письма, обвиняющие киностудию в том, что она чуть не сожгла собор, на съемках убивают коров, лошадей, с требованием немедленного вмешательства руководства, чтобы прекратить безобразия, – то есть остановить съемки. Действительно, по вине пиротехника загорелась опалубка на крыше собора, но пожар быстро потушили, и вода, которой заливали огонь из брандспойтов, не повредила стены собора.

Вот еще один из пронзительных эпизодов «Набега». Ключарь Патрикей не сказал, где лежат драгоценности собора (исторический факт), и ему в горло залили расплавленное олово, а затем привязали к хвосту лошади и выволокли из храма. Но грабители не хотят уходить без поживы и сдирают листовое золото с кровли собора. При этом присутствует младший князь, потрясенный своим же предательством. Съемки прошли с соблюдением всех норм безопасности, но в письме обкома КПСС делался упор «на варварское отношение к историческим ценностям».

Киностудия, собранная Андреем Тарковским, была на редкость дружная, талантливая, профессиональная. Каждый понимал, какой фильм снимается, старался работать по совести, сделать все как можно лучше и в срок. Мне посчастливилось убедиться в этом, когда я по приглашению брата приехал во Владимир, а потом в Суздаль. Но об этом чуть позже. С трудом, но режиссеру все же удалось отбиться от обвинений. Картина висела на волоске – ее вот-вот должны были закрыть. Впрочем, Тарковскому на всех этапах создания фильма пришлось держать удар. И он не упал от этих ударов, все выдержал.

На съемках «Андрея Рублева». Андрей Тарковский, за камерой оператор Вадим Юсов

«ЧЕМ НОЧЬ ТЕМНЕЙ, ТЕМ ЯРЧЕ ЗВЕЗДЫ».

1965 г.

Андрея Тарковского обвиняли, что Русь в картине показана варварской, грязной, объята ужасом междоусобной борьбы, что фильм антиисторичен. Но тогда почему Пушкин сказал, что «история... принадлежит поэту»? Да потому, что из истории поэт выбирает именно те сюжеты, которые дают ему возможность показать ту или иную волнующую его духовно-нравственную проблему. Нет бесспорных доказательств того, что Сальери отравил Моцарта. Но Пушкину надо было показать, что «гений и злодейство две вещи несовместные». Нет прямых доказательств, что царевича Димитрия убили по приказу Бориса Годунова. Но Пушкину надо было показать, что на невинной крови не построить своего счастья. Историю нельзя изучать по произведениям искусства. Для этих целей есть научно-образовательная литература.

«Необходимость» поправок и многочисленных замечаний касательно фильма, который снова и снова приходилось возвращать на переделки и сокращения, «объяснялась» тем, что в нем показана вовсе не та Русь, что существовала в XV веке; а также слишком много натуралистических сцен, жестокости, грязи.

Если бы чиновники от кино, привыкшие к дорогим креслам, посмотрели хоть один фильм хваленого ныне Тарантино, поняли бы тогда, что такое жестокость на экране! Да ведь видели же на закрытых просмотрах картины классиков мирового кино Акиры Куросавы¹, Ингмара Бергмана², итальянских мастеров экрана, где жестокие сцены, в отличие от многих фильмов Тарантино, оправданы художественными задачами. Хотя, конечно, есть грани, за которые нельзя переступить, даже когда речь идет, к примеру, о средневековье, о жизни трущоб или о преступности.

Так и у Тарковского в «Андрее Рублеве» не было кадров, где жестокость показывалась исключительно для того, чтобы шокировать зрителя, «произвести эффект». Он стремился к образной выразительности, выявляющей суть как общего замысла фильма, так и его отдельных новелл. Сокращения допускались лишь в том случае, когда он чутьем художника понимал, что без этих кадров можно обойтись не в ущерб фильму. Создавая не «фанерный», а живой образ Руси, он избегал «красивости», когда от него требовали показать Русь «привольную и раздольную», а также символов мнимой поэтичности, которые стали появляться чуть ли не в каждом втором фильме. На деле эти прямолинейные метафоры выглядят столь же беспомощно, как и бытовые подробности, которыми под видом правды жизни оснащают свои фильмы многие режиссеры.

В новеллах «Набег» и «Страшный суд» есть эпизоды, где показана жестокость. Но ведь если бы не было этих кадров, не произошло и того потрясающего душу чуда, когда черно-белое изображение на экране перешло в цветное, и нам открылось подлинное, живое творение иконописца Андрея Рублева. Его три Ангела, вззирающие на жертвенную чашу, – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

ЗАВЕТНЫЙ ХРАМ.

Весна – осень 1965 года

Вернемся немного назад, к началу съемок, впрочем, когда они идут, не поймешь, где будет начало, а где конец фильма. Надо сказать и о личных впечатлениях, которые сильно повлияли на мою жизнь. Если я повторяюсь в чем-то, заранее прошу прощения у читателя. Как только я приехал во Владимир, глазами стал искать Успенский собор, но увидел его не сразу. Брата нашел в гостинице. Съемок в этот день не было, и мы отправились на прогулку. Толя похудел, отрастил волосы, которые те-

---

¹ Акира Куросава (1910 – 1998) – японский кинорежиссер, сценарист и продюсер.

² Эрнст Ингмар Бергман (1918 – 2007) – шведский режиссер театра и кино.

Храм Покрова на Нерли

перь приходилось собирать на затылке и прятать под кепку. Он объяснил, что это нужно для роли: паричок надевался только на макушку, но это было незаметно, волосы выглядели как свои.

Вот и собор. Мы остановились чуть в сторонке, чтобы видеть его целиком, от входных дверей до крестов на куполах. Мимо проходила какая-то пожилая женщина. Увидев нас, она улыбнулась. В этой улыбке было и одобрение, и, в тоже время, снисходительное превосходство над нами. «Вот, – сказала она, указывая на собор, – вам такого никогда не построить!» Я согласно кивнул. Хотелось ответить, что зря она нас осуждает, мы восхищаемся этой красотой, мы свои, но я ничего не сказал. Молчал и Толя. Прошло полвека, но я не забыл ту женщину. Вспоминаю и думаю: да, нам действительно не построить такой собор, как Успенский. И фрески не написать такие, какие создал Андрей Рублев. Но чтобы строить новые храмы, создавать новые росписи, иконы, мы должны знать, какие у нашего народа были образцы, и понимать, что не выстроив храм души своей, никогда не создать ничего подобного и даже не приблизиться к этим великим творениям.

Помню, брат сказал мне, что в магазине, где он покупал хлеб к ужину, какие-то молодые люди приняли его за священника и перебрасывались между собой дружескими шутками. Но это не обидело Толю, а на-

оборот, помогло ему, укрепило в мысли, что он на правильном пути. Вот вам пример того, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда». То есть случайная встреча, услышанная фраза могут помочь в творчестве больше, чем научные лекции. Да я и сам замечал, когда о чем-то думаешь, занятый творческой работой, в душе что-то происходит, неожиданно приходят решения, о которых и не предполагал. И факты, нужные для работы, вдруг приходят сами, их будто специально подсказывает радио или книга, меткая фраза, брошенная прохожим, как это произошло с нами во Владимире. Конечно, в жизни каждого происходят события незабываемые, сильные, заставляющие душу встрепенуться и двигаться в ином направлении, чем прежде. Так произошло со мной на другой день, когда мы отправились в Боголюбово, что неподалеку от Владимира.

От автобусной остановки мы пошли не по дороге, а по тропе через луг. Было тихое утро ранней осени – нежаркое, свежее. На лугу желтели стога, а впереди на невысоком холме белела одноглавая церквушка. Даль была прозрачна, струи теплого воздуха текли в тихую вышину. «Что это?» – спросил я. – «Покров на Нерли», – ответил Толя. «Что?» – «Покров на Нерли, – повторил он. – Нерль – это речка. А Покров – это Покров Богородицы, праздник такой, знаешь?». «Нет», – признался я. Он кратко объяснил, в то же время сокрушаясь о том, что невежество заложено в нас еще со школьной скамьи и его надо преодолевать. Замечание насчет «невежества» на свой счет я не принял – ведь к тому времени уже работал в областной газете и собирался устроиться в китобойную флотилию, скоро у меня должна была выйти первая книга рассказов, – какое уж тут «невежество»! Пусть я и не пережил всеобщее увлечение Хемингуэем и Мелвиллом, но хорошо знал, чем живет современная мировая философия, литература, искусство.

Мы шли по тропе, мне легко дышалось, и я беспричинно улыбался солнцу, траве, – всему, что видел. Я не понимал, почему мы пошли пешком, но хорошо было идти так, не чувствуя усталости. Впереди шел брат – человек, которого я так любил, и который, казалось, наконец-то счастлив. Около церквушки росло несколько деревьев, но они не заслоняли ее, а лишь придавали ей нарядность. Скоро я увидел, что она как будто выросла, приподнялась, и теперь ее нельзя было назвать церквушкой. Чем ближе мы подходили, тем стройней и изящней становилось это строение, меняющееся на глазах.

«Да что это? – хотел спросить я. – Почему это?» А белый камень церкви становился все звонче и белее легких облаков, плывущих над ней. Это движение захватывало храм – казалось, что он тоже плыв-

вет, истончаясь в голубизне, сливаясь с ней, становясь ее частью. И уже невозможно было представить этот луг, небо, небольшую речку у подножья холма без самой церкви, которая как будто заново открывала нам красоту и гармонию мира. Анатолий остановился, оглянулся и, увидев мои слезы, радостно улыбнулся. «Красавица моя, лебедушка», – сказал он. Я глядел во все глаза. В архитектуре храма все до малейшей детали было подчинено одной цели – устремить строение ввысь, сделать его невесомым, словно парящим. Движение вверх от самого фундамента начинали пилястры, его подхватывали пучки стремительных вертикалей колончатого пояса. Узкие окна поднимали храм еще выше, к стройному барабану, где мягкие линии луковичной главы продолжали этот полет в синеве неба. Мы устроились в одном из стожков, где долго смотрели на храм, изредка переговариваясь, и лишь потом двинулись в обратный путь. Этот день во многом стал поворотным во всей моей жизни. И когда мне говорят, что к вере приходят после каких-то несчастий, горя, я возражаю, что может быть и иначе: от благодарного чувства радости, даже счастья, которые пережила твоя душа. Думаю, что и с братом произошло нечто подобное, радость пришла после пережитых испытаний, напряженной работы души.

А у Тарковского? Стихотворение Владимира Соловьева, которое цитировалось выше, заканчивается так:

И до полуночи неробкими шагами
 Все буду я идти к заветным берегам,
 Туда, где на горе, под новыми звездами,
 Весь пламенеющий победными огнями,
 Меня дождется мой заветный храм.

«...ЧЕМ ГЛУБЖЕ СКОРЬ, ТЕМ БЛИЖЕ БОГ».

Осень 1965 г. – август 1966 г.

Неоднократно мне приходилось слышать, что монаху-иконописцу несвойственны сомнения, рефлексия. Есть иконописные каноны, и от них нельзя отступать. Следовательно, эпизод, где Рублев мучительно ищет, как надо писать фреску «Страшный суд», выдумка авторов. Но давайте обратимся к реалиям. Как писалась «Троица» до Рублева?

Три путника в виде трех Ангелов пришли к ветхозаветному Аврааму. Он и его жена Сарра сразу поняли, что это необычные гости, и посадили их за обильно накрытый стол. На иконах изображались стол с яствами, Авраам, хлопотливая Сарра. На переднем плане – стадо овец, а на за-

днем – легендарный дуб Мамврийский, который, по преданию, засохнет к концу света. Андрей Рублев изобразил только трех Ангелов, сидящих у стола, который есть не что иное, как престол с жертвенной Чашей. За их спинами фон, где лишь обозначены дуб Мамврийский и дом. В образе трех Ангелов предстал зримый символ нашей веры, выраженный с таким совершенством, духовной силой и красотой, гармонией линий и цвета, каких не знала мировая иконопись. Как же после этого можно говорить, что иконописец не ищет, не сомневается прежде, чем начать творить? Да, иконописные каноны нельзя нарушать, но их можно творчески развивать. Иконописцу помогает Ангел. Недаром на одной из икон преподобный Андрей стоит на лесах, а позади него Ангел, который водит его рукой.

Все дело в силе таланта и в том, кому этот талант вручен. Философ, публицист князь Евгений Трубецкой в своих замечательных «Трех очерках о русской иконе» точно выразил мысль о гениальности Андрея Рублева и его «Троицы» и всей русской иконописи: «Безо всякого сомнения, мы имеем здесь две тесно между собой связанные стороны одной и той же религиозной идеи, – писал он, – ведь нет Пасхи без Страстной седмицы, и к радости всеобщего Воскресения нельзя пройти мимо животворящего Креста Господня. Поэтому в нашей иконописи мотивы радостные и скорбные...». Допускаю, что Андрей Тарковский не читал очерков Трубецкого. Но интуитивно он следовал именно по этому пути, и чем дальше, тем яснее он обозначался. В создании, а потом и в судьбе фильма отчетливо прослеживаются эти две стороны «одной религиозной идеи».

Да, о Тарковском той поры нельзя говорить как о христианине, живущем по христианским заповедям. Но в «Андрее Рублеве» православные идеи проявились так сильно, как ни в одном из последующих фильмов Тарковского. Удивительно, но сокращая метраж киноленты, он шел именно по этому пути, а не просто выполнял замечания чиновников: становясь короче, фильм приобретал художественную завершенность. Так что мнение, будто первый вариант картины «зарезан», совершенно неправильно. Долгий путь фильма к зрителю лишь улучшил его. Что же касается религиозности самого Тарковского, то он, конечно же, был подвержен влиянию времени. А кто в то время не говорил о «летающих тарелках», не увлекался спиритизмом? Епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов), окончивший сценарный факультет ВГИКа, признается, что даже он в студенческие годы чем только не увлекался. Важно, что всем увлечениям молодости приходит конец, и наступает время выбора пути. Андрей Тарковский определил

свой путь – как путь поиска Истины, а его соавтор выбрал иное – кино для массового зрителя.

Но вернемся к тому времени, когда были закончены съемки «Андрея Рублева» и завершен монтаж. А надо сказать, многие кинематографисты считают, что период монтажа не менее сложен, чем съемки, ибо все важно в искусстве кино – если это не ремесло, а подлинное искусство. И вот наступает пора сдачи фильма, а потом и первый показ кинематографистам.

Вот что пишет Ольга Суркова, киновед, близкий друг семьи Тарковских в течение долгих лет. Мне довелось ее знать и общаться с ней до и после ухода из жизни и брата, и Тарковского: «Я никогда не забуду, наверное, самый первый, открытый для профессионалов просмотр “Андрея Рублева” в большом зале “Мосфильма”, переполненном коллегами, друзьями, знакомыми и работниками студии. Свет погас, и напряженная тишина поначалу зависла в зале. Но по мере того, как начали возникать сцены, уже охарактеризованные во время съемок в какой-то газетенке как “жесткие и натуралистические”, над залом поплыл гул как будто бы “добропорядочного” возмущения, взрывающийся время от времени прямо-таки улюлюканьем. Еще до просмотра, на фоне всем известной тогда заметки о том, что Тарковский на съемках чуть ли не умышленно едва не спалил Успенский собор, поджигал коров и ломал ноги лошадям, ползли все более упорные слухи... о собаках, которым отрезали ноги, чтобы они ковыляли в таком виде по снегу ему на потеху! Так что общественное возмущение на самом деле непростого зрительного зала было короновано прозвучавшим на весь зал приговором одного из хозяйственников “Мосфильма” Милькиса: “Это не искусство – это садизм!” Приговор этот застрял в наших душах точно нож – не случайно я, никогда не знавшая почти ни одного имени разного рода руководящих деятелей, его имя до сих пор помню. Помню также очень хорошо самого Тарковского после просмотра: бледного, напряженного, одиноко притулившись где-то у выхода из зала. О его одиночестве в тот момент я говорю вовсе не в метафорическом, а в буквальном смысле. Трудно, наверное, поверить теперь его поклонникам в то, что Андрей стоял действительно совершенно один, а люди, выходявшие из зала, прятали глаза, умудряясь его обойти и устремляясь струйками, точно по заранее проложенному руслу. Тогда это был первый и, может быть, самый неожиданный для него “сюрприз”!

Мы с мамой, которую я приволокла на просмотр фильма, среди немногих подошли к Андрею, чтобы крепко пожать ему руку. Он поблагодарил, вежливо усмехнувшись. Мне кажется, что именно после этого

просмотра окончательно разладились отношения Тарковского с недавним другом и соавтором сценария Андронимом Кончаловским. Он тоже ушел, что называется, не кивнув головой, не скрывая своего полного разочарования картиной.

Вскоре в разговоре с Андреем он признался, что считает сценарий загубленным, чрезвычайно замедленным, затянутым до невозможности ритмом картины. Тарковский, конечно, не мог согласиться с точкой зрения Кончаловского, не поверил в его искренность, полагая, что тот предал его только из шкурных интересов. Их отношения никогда не наладились».

Молва о фильме шла по всей стране, но «привилегированные» зрители видели его полуподпольно, на закрытых просмотрах. В первую очередь, конечно, кинематографический мир. А за рубежом смотрели открыто.

Здесь начинается почти детективная история, на которой, хотя бы кратко, надо остановиться. Не для эффекта, как это делается во многих статьях и даже книгах, а для того, чтобы дать понять, как испытания, связанные с безденежьем, непониманием, ложью, продолжают терзать душу художника, все ближе приближая его к вере. Ведь после уверенности брата, что фильм прорвался, чтобы его посмотреть, понадобилось еще три года.

А что было до этого времени? Если судить по тому, что пишет сам режиссер в одном из писем главному чиновнику кино, председателю Комитета по кинематографии, сдача прошла нормально. Это, предполагаю, и было 25 августа 1966 года. Тогда многие ведущие наши кинематографисты фильм похвалили, хотя и сдержанно, были сделаны замечания, которые предстояло учесть.

Картину вернули на доработку, но акт приемки кинокартины подписал заместитель председателя Госкино. Потом власти предрержащие словно одумались: и со второй попытки фильм не был принят. И с третьей тоже. Замечания и поправки раз от раза становились все более многочисленными и жесткими.

В то же время «Совэкспортфильм», готовя пакет кинокартин к продаже за рубеж, включает в него и «Андрея Рублева». Вот как пишет о премьерке фильма в Каннах профессор ВГИКа Тейнишвили, участвовавший в продвижении фильма на Запад: «Подступы к Дворцу были забиты желающими попасть на просмотр. Люсьен Сория прохаживался между журналистами и кабинетом Фавра Лебре, улаживая возникающие конфликты. К утру в Канны съехались представители французской, итальянской, испанской, немецкой, швейцарской прессы, аккреди-

тованные журналисты США, Южной Америки, Англии, Скандинавских стран, Японии, а также стран “социалистического лагеря”.

Стоял многоязычный гул. Вместить всех желающих на два запланированных сеанса не представлялось никакой возможности. И тогда я попросил Алекса Московича, чтобы он договорился с Фавром Лебре о показе еще двух сеансов на второй день, в воскресенье. Перед первым сеансом дирекция фестиваля объявила по городскому радио и телевидению, что фильм “Андрей Рублев” будет дважды показан и на второй день. Это объявление сняло накал страстей. И все же в зале и гвоздю негде было упасть. Сидели в проходах, на лестницах, на сцене. Я наблюдал за залом в течение демонстрации фильма. Такого напряжения зрителя, и зрителя весьма специфического, избалованного всеми чудесами кинематографии, я ни до, ни после никогда не видел. Когда закончились кадры с иконостасом и гарцующими жеребцами на зеленом лугу, начался шквал оваций, слышались восклицания: “фантастике”, “жениаль”, “формидабль”, “белиссимо”, “грандиозо”...

Я ждал хорошего приема, но такого?! Дух перехватывало от радости, от восторга. Алекс Москович и Сержио Гамбаров, не стесняясь, плакали. Да, бывают в жизни людей минуты откровения и счастья. И такое с нами случилось благодаря рождению на белый свет фильма Андрея Тарковского. Вечером, на втором сеансе, все повторилось. В воскресенье число желающих попасть на фильм увеличилось. Съехались почти все отдыхающие Коддасюра. Вся вечерняя пресса вышла в субботу с короткими, но восторженными сообщениями о фильме. В воскресных французских, английских, итальянских, испанских, немецких газетах и в прессе других стран фильму “Андрей Рублев” были посвящены подвалы и полосы. И только пресса Советского Союза молчала, несмотря на вальяжное пребывание в Каннах корреспондентов “Правды”, “Известий”, “Литературной газеты”. А в наши дни, спустя долгие годы, все они весьма осмелели и стали писать о своем “героическом участии” в судьбе фильма “Андрей Рублев”.

В субботу вечером и в течение всего воскресенья меня, Алекса Московича и Сержио Гамбарова разрывали на части покупатели фильма. Здесь были представители кинобизнеса, наверное, всех частей света! В конце концов, мы договорились с Леопольдом Бренесом, владельцем крупной компании в Западной Европе, о продаже фильма “Андрей Рублев” – за космическую цену.

В конце фестиваля ФИПРЕССИ присудило – единогласно – фильму “Андрей Рублев” Главный приз киножурналистов мира. Самуэль Ляшиз, известный французский теоретик искусства, главный редактор от-

дела литературы и искусства газеты “Ле Летр франсез”¹, рассказывал мне, как проходило заседание жюри ФИПРЕССИ. Оно началось со слов “Андрей Рублев” и “Андрей Тарковский” и закончилось этими же словами. Другой кандидатуры не было и быть не могло.

Вернувшись с фестиваля в Париж, я тут же подвергся натиску телефонных звонков из Москвы. Теперь руководящие указания сыпались на предмет премьеры фильма в Париже. И, смешно, – руководителям Кинокомитета и в голову не приходила мысль об утере малейших прав на фильм после его продажи фирме “ДИС”. Пришлось посылать телеграмму о том, что мы не вправе запретить фирме выпуск фильма в Париже. И сможем получить такое право... лишь после уплаты миллионов в валюте за разрыв договора и за неустойку. Но эта телеграмма осталась непонятной для руководства Кинокомитета. Оно продолжало неистово посылать мне устрашающие указания по недопущению премьеры “Андрея Рублева” в Париже. И смешно, и горько! В своем стремлении выполнить указание ЦК КПСС руководители Кинокомитета теряли понимание реальности: к французской фирме ЦК КПСС и наш Кинокомитет не имели никакого отношения.

В конце лета состоялась премьера фильма “Андрей Рублев” в парижских кинотеатрах “Кюжас”, “Елисей-Линкольн”, “Бонапарт” и “Студио Распай”. Фильм демонстрировался в этих кинотеатрах на 300 – 450 посадочных мест с аншлагом в течение всего года. Успех у зрителя и прессы описывать нет смысла...».

Знал ли Тарковский об этом ошеломляющем успехе его фильма? Знал, хотя и отрывочно, из переводов французских статей, которые попадали ему в руки. Тем мучительней для него было переносить унижения и сознательные проволочки с выпуском картины на экраны, да еще с его характером – авторитарным, жестким, независимым. Но в глубине души он был ранимым, и защищался лишь внешним видом спокойного восприятия тяжелых ударов власти. Тем не менее, Тарковский не был ни врагом советской власти, ни диссидентом, каким пытаются его представить некоторые авторы, но старался быть выше политики и в жизни, и в творчестве, сторонясь тех, кто писал поэзию и «романы с направлением», по выражению Достоевского. Его интересовали проблемы жизни и смерти, места человека в жизни, – то есть вопросы сущностные, религиозные.

---

¹ «Les Lettres Françaises» – французский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельник, издающийся с 1942 г. в Париже.

Власти понимали это скорее интуитивно, чувствуя в нем не «своего человека», а чужака, который старательно прячет свою «идеалистическую философию». Да, талантлив, да, умен, но слишком самоуверен, рано зазнался, надо его «обломать», заставить снимать правильные, идеологически выдержанные фильмы. Чтобы прояснить свою позицию, Андрей Тарковский решает написать письмо Брежневу.

У Ольги Сурковой сохранился черновик этого письма, который, по просьбе режиссера, она помогала ему писать. Текст черновика Суркова приводит в своей книге «Тарковский и я. Дневник пионерки»:

Уважаемый Леонид Ильич! Надеюсь на Вашу искреннюю заботу о судьбах советского кино, я решил обратиться к Вам с просьбой помочь нам разобраться в той трудной, даже мучительной ситуации, которая сложилась вокруг нашего фильма «Андрей Рублев». Вот уже три с половиной года эта картина не получает разрешения на выход на наши экраны. Причем за это время съемочная группа переделывала некоторые части фильма – трижды Комитет по кинематографии подписывал Акты о том, что фильм принят, и трижды его аннулировал. За это время вне какого-то ни было моего влияния фильм «Андрей Рублев» был продан за границу. И, как свидетельствует пресса, прилагаемая к этому письму (примеры эти можно было бы множить), фильм наш вызвал целый поток самых доброжелательных, уважительных и восхищенных отзывов не только в свой адрес, но, главным образом, в адрес советского искусства вообще. И хотя «Андрей Рублев» не выпущен в нашей стране, что мне непереносимо тяжело сознавать, он не был и не мог быть использован в целях какой бы то ни было антисоветской пропаганды. И это еще раз убеждает меня, что в целом (хотя, вероятно, не во всем одинаково удачно) наш замысел реализован. Я не могу понять, почему же наша картина не видит экрана. Немыслимо согласиться с тем, что все наши устремления были тщетны. Может быть, в чем-то мы отошли от точности выражения нашего замысла, но ведь обо всем этом можно было поговорить, если бы картину увидела публика. Те немногие просмотры, которые все-таки состоялись, убеждают нас в том, что картина вызывает живейший интерес. Кроме того, ни у кого не вызывает сомнений мое право на творческую работу. Однако, вот уже три с половиной года я не имею возможности никакой реализации своих творческих замыслов. Мне объяснили, что этот вопрос находится в тесной связи с судьбой «Андрея Ру-

блева» и с решением о выходе его на экраны. Но как же и когда это решится? Между тем, не имея работы, я не имею средств к существованию, хотя у меня жена и ребенок. Мне особенно неловко говорить об этом, но положение мое столь долго не меняется, что я не могу больше молчать. Я очень прошу объяснить мне, когда же наш фильм увидит свет и когда же я смогу приступить к дальнейшей работе. Еще раз очень надеюсь, что Вы прочтете это письмо и сможете как-то прояснить мое сегодняшнее положение. С уважением, А. Тарковский.

Подобные испытания, связанные с судьбой его фильмов, на долю Андрея Тарковского за всю жизнь больше не выпадали никогда, и в то же время он не раз вспоминал, что с таким подъемом, так дружно и вдохновенно его киногруппа никогда не работала.

Но и с разрешением на ограниченный показ «Андрея Рублева», то есть на демонстрацию картины только в кинотеатрах, расположенных на окраинах городов, с оплатой киногруппе по самой низкой категории, испытания не закончились. Фильм не приняли не только те, кто должен был блюсти чистоту «партийной линии». Резко отрицательно высказался о фильме Илья Глазунов, а позднее столь же жесткой критике фильм подверг другой авторитет, к мнению которого прислушивалась почти вся читающая и ждущая преобразований Россия – Александр Солженицын.

Илья Глазунов, который черпал сюжеты для своих картин из истории Древней Руси и имел авторитет в этой области, написал, что ничего общего фильм с подлинной историей нашей страны не имеет. Дескать, Русь переживала духовный подъем после Куликовской битвы, шла к своему процветанию, кончились княжеские междоусобицы, а в фильме показано обратное. Александр Солженицын воспринял картину как неудачную попытку показать современные проблемы взаимоотношений художника и власти за ширмой Древней Руси. И жизнь народа, как ему виделось, показана здесь ложно – в ней нет «сердечности», а есть только распря и вражда.

К мнению Глазунова Тарковский отнесся довольно спокойно, потому что живопись художника тех лет не принимал всерьез – видел в ней плакатность, погоню за внешними эффектами. Аргументы Глазунова, «внесистемного» художника, полностью совпадали с позицией партийного руководства, исключавшей творческий подход к исторической тематике и возможность преобразования выбранного для повествования материала в плоскости тех идей, которые воплощает художник в своем произведении.

Почему Пушкин сказал, что «история... принадлежит поэту»? Да, поэт должен следовать реалиям времени, которое изображает, но с какой целью? Что есть правда жизни? Та, что выражает суть духовной жизни народа или только внешние ее приметы?

Между прочим, во времена Рублева Русь еще окончательно не объединилась, князья продолжали враждовать и татар брали себе на подмогу для набегов, как это показано в фильме. Тому есть исторические подтверждения. Но главное в другом. Неистребимость народного духа, который творит вопреки всему – вот что важно было показать Тарковскому на экране. В том и состоит подлинный религиозный смысл картины, что *дух дышит где хочет*¹, как свидетельствует Евангелие. И эта идея с огромной художественной силой выражена в новелле «Колокол». Никакого секрета «колокольной меди» подросток Бориска, роль которого исполнил Николай Бурляев, не знал. Просто видел, как работал отец. Все колокольных дел мастера повымерли, поэтому гонцы Великого князя вынуждены были взять подростка и поверить ему. Бориска собирает артель, и мастеровые литейщики должны его слушаться, но сам-то Бориска не знает, звонит ли его колокол. А если нет – казнь.

Между жизнью и смертью Бориска совершает заветное дело. Оно ему дороже жизни. Между жизнью и смертью творит Андрей Рублев, и создает свою бессмертную Троицу. Между жизнью и смертью был народ русский, перенесший все – и татарское иго, и междоусобицы князей, голод, мор и предательство ближних, но как многострадальный библейский Иов, он не отвернулся от Бога, остался верен Ему в самых тяжелых испытаниях. И потому колокол звонит! Александр Солженицын искал политический подтекст в фильме и написал, что он плохо выражен. Но Тарковский всегда был выше политики. Поэтому оставался равнодушен к поэтам вроде Евтушенко, которые в своем творчестве вдохновлялись модными политическими идеями.

Истинно великое искусство всегда идет «поверх барьеров», как точно сказано Борисом Пастернаком, потому что стоит на краеугольном камне, который есть вера, данная народу Господом. Это поняла не только Европа, где фильм шел с невиданным успехом, но и Родина Андрея Тарковского – Россия. Чем больше скрывали фильм, прятали его от народа, тем больше народ к нему стремился. И выходил из захудалых окраинных кинотеатров потрясенный увиденным. И неважно, до конца ли он понимал, почему это с ним произошло, важно, что душа его очистилась, омылась слезами.

¹ Ин. 3, 8.

ПРАЗДНИК.

Весна 1964 – осень 1965 года

В прологе к фильму есть незабываемые кадры полета русского мужика. Вот он убегает от преследующих его людей, поднимается на колокольню и прыгает в небо. «Летю! – робко, но радостно говорит он. – Летю!» Стены собора накренились, и мы видим храм с высоты. Это Покров на Нерли, храм снят не открыточно, в необычном ракурсе. Вот и стены отодвинулись от нас, на секунду мы увидели каменные рельефы львов, они сторожат трон царя Давида, и русского Икара в зипунишке и нелепой шапчонке. Не на крыльях он взлетел – на шаре, сшитом из кусков кожи. Но шар летит! И радость не покидает мужика. Кто он? Его лицо мы все-таки успели рассмотреть. Глаза то ли испуганные, то ли плутоватые, но в них – решимость человека не от мира сего. – «Успеть бы!» – сказал он, когда убегал от своих преследователей. И успел!

На эту роль Тарковский пригласил поэта Николая Глазкова, человека действительно не от мира сего. Никто его не хотел печатать – слишком уж он выделялся из привычного ряда советских стихотворцев. Писал свои стихи в духе скоморошских прибауток, незатейливых, простых стихотворных рассказов, несущих глубокий смысл. Он и внешним своим видом, и творчеством походил на Иванушку-дурачка, который, в конечном счете, оказывался самым умным и удачливым. Был немного блаженным, и когда собственной рукой на обложке одной своих самодельных книжечек, которые раздавал друзьям, написал: «Стихи гениального поэта Николая Глазкова», его друзья приняли эту надпись и в шутку, и всерьез. На роль «летающего мужика» Николай подходил как нельзя лучше.

Удивительно, как точно выбраны режиссером все актеры – вплоть до тех, которые хотя бы на миг появляются в кадре. Что же говорить о главных героях этой величественной фрески, которую представляет собой фильм. Все они – яркие характеры, живые люди, увидев которых один раз, не забудешь никогда. Какие выразительные крупные планы лиц в фильме и как замечательно они сняты Вадимом Юсовым! Вот Скоморох – Роллан Быков. Вот Кирилл – Иван Лапиков. Именно эти актеры меньше всего нравились режиссеру. Потому что, по его мнению, слишком «играли». Но ведь у них были такие роли, где для выявления характеров как раз и надо играть. Скоморох должен дурачиться, прыгать, даже показывать разрисованный зад. Быков сам написал и стихи для пляски Скомороха, и во многом срежиссировал эпизод. Тарковский, устав с ним спорить, в конце концов согласился с артистом. Тему на-

ставника, отца – мудрого и спокойного – начиная с «Иванова детства», нес Николай Гринько. Анатолий называл его батька Гринько и относился к нему как к старшему другу. Михаил Кононов предстает в фильме в роли Фомы с душою чистой, открытой, по-мальчишески озорной, каким он и был в жизни. Многие актеры, снимавшиеся в «Андрее Рублеве», стали друзьями.

Давая интервью еженедельнику «Совершенно секретно», киновед Ольга Суркова рассказала, почему Анатолий Солоницын был для Андрея Тарковского одним из любимых актеров: «Но кем был Анатолий Солоницын для Тарковского, почему именно его он приглашал в свои фильмы в первую очередь, а “Ностальгию” даже писал специально под Солоницына?

– Нет, Тарковский никогда не писал сценарии “под актеров”, как это случается с режиссерами иного толка. Однако действительно полагал, что главную роль в “Ностальгии” будет играть его любимый актер Солоницын. И я считаю, если бы в “Ностальгии” играл не Янковский, а Солоницын, который был в то время уже смертельно болен, картина сильно выиграла бы. В Янковском нет той тайны, которая была свойственна Толе Солоницыну; он человек вполне земной. Солоницын как нельзя более соответствовал представлениям Тарковского о “хорошем”, “правильном” киноактере, способном доверяться режиссеру с детской непосредственностью. Тарковский очень высоко ценил в Солоницыне некую невысказываемую тайну. Он даже считал его, начиная с “Рублева”, своим талисманом»...

А вот эпизодическая роль ключаря собора Патрикея, сыгранная Юрием Никулиным. Стоило ему появиться в кадре, как тут же раздался смех: еще бы, зрители увидели любимого комедийного актера, клоуна. Но вот Патрикея пытаются татары и младший князь, добываясь, чтобы он выдал хранящиеся в соборе драгоценности, а ключарь совершает подвиг – не отдает врагам церковные ценности. И зрителям уже не до смеха – они видят, что простой русский человек идет на смерть, но не становится предателем, как Малый князь. К слову, роль Великого и Малого князя, сыгранная Юрием Назаровым, до сих пор является одной из лучших его ролей в кино.

Наши актеры не любят прикрываться внешними эффектами – особенностью походки, например, или заиканием, называя применяющих такие приемы «штукарями». Однако «переживание» накладывает отпечаток на жизнь актера, режиссера, художника в широком смысле этого слова. Большинство главных создателей «Андрея Рублева» прожили недолгую жизнь. «Я умираю от той же болезни, что и Толя Солони-

цын», – записал Андрей Тарковский в своем дневнике, уходя из жизни на чужбине, в Париже.

Анатолий Солоницын прожил 46 лет. Андрей Тарковский – 54 года. Сколько они могли бы еще сделать! Но ранняя кончина унесла их от нас. «...Не читки требует с актера, а полной гибели всерьез», – как сказано Борисом Пастернаком, стихи которого хорошо знали и режиссер и его любимый актер. Да, жизнь получилась короткой. Но какой яркой! И потому все, кто участвовал в создании картины «Андрей Рублев», вспоминали это время как одно из самых лучших в своей кинематографической жизни, как праздник.

Праздник, который напишет герой фильма Андрей Рублев. Праздник, который приходит после тяжелейших испытаний, как после Страстной недели наступает Воскресение Христово.

ПОЛЕТ.

Осень 1964 г. – август 1966 г.

Какой духовно-нравственный смысл несет фильм «Андрей Рублев»? Чтобы понять это, надо разобраться, чем являлась икона для русского народа на протяжении веков. Лучше других объяснил значение иконы в духовной жизни Руси, уже упоминавшийся князь Евгений Трубецкой в своих знаменитых «Трех очерках о русской иконе». Вот что он пишет о ее «внезапном» явлении перед словно только открывшимися глазами искусствоведов, ученых, писателей и всей просвещенной России в конце XIX века: «В исторических судьбах русской иконы есть что-то граничащее с чудесным. Чудо заключается, разумеется, не в тех превратностях, которые она испытала, а в том, что, несмотря на все эти превратности, она осталась целою. Казалось бы, против нее ополчились самые могущественные враги – равнодушие, непонимание, небрежение, безвкусице неосмысленного почитания, но и этой коалиции не удалось ее разрушить. И копать старины, и позднейшие записи, и золотые ризы послужили во многих случаях как бы футлярами, которые предохраняли от порчи ее древний рисунок и краски. Точно в эти дни забвения и утраты святыни невидимая рука берегла ее для поколений, способных ее понять. Тот факт, что она теперь предстала перед нами почти не тронутая временем во всей красе, есть как бы новое чудесное явление древней иконы».

Да, именно невидимая рука, та самая, что не дала истребить веру в народе, явно, зримо дала возможность, чтобы Божественная сущность предстала теперь перед ним в образах, которые явила русская икона. Это и было чудо.

Бориска – Николай Бурляев и Андрей Рублев – Анатолий Солоницын

Вспомним пролог фильма. Если бы его смысл был в том, что всякий полет неизбежно заканчивается падением, ударом о землю и смертью, фильм получился бы плоским, примитивным. В том-то и дело, что полет знаменует силу духа, которая победила земное притяжение. Да, недолгим был полет летающего русского мужика. Но полет все-таки был! Да, подросток Бориска не знал секрета колокольной меди. И все-таки он отлил свой колокол! Да, никому неведомый провинциальный артист Анатолий Солоницын приехал на «Мосфильм» и сказал, что роль Андрея Рублева – его. И тоже совершил свой полет! Да, Андрею Тарковскому, как и его герою, колокольных дел мастеру Бориске, еще был неведом «секрет колокольной меди». Но и он нашел нужную глину для отливки своего колокола и явил его миру. И так совершил свой полет! И все, кто участвовал в создании фильма, от статиста в массовке, рабочего, который помогал точно и в срок выполнить задания режиссера, до оператора, совершали свой полет – вольно или невольно, но чувствуя сердцем, что здесь, на съемочной площадке, происходит что-то очень важное, необычайное, необъяснимое словами. И лишь спустя годы поняли – произошло чудо.

ДУХ ДОБРА.

Осень 1966 – наши дни

Поистине счастливым озарением надо считать придуманный сценаристами сюжет, который лег в основу новеллы «Колокол». Кроме того, что вся эта история удивительно хороша изобразительно, в ней заключен не один глубокий смысл. Несокрушимость и торжество народно-

Троица. Иконописец Андрей Рублев. 1411 г. ГТГ

го духа, который побеждает, когда, казалось бы, «все повымерли». Никого не осталось, кто способен взяться за отливку колокола, кроме мальчишки, и он встал «на последнем рубеже» и выполнил святое дело. Эта новелла начисто опровергает критику, обвиняющую фильм в унижении, чуть ли не глумлении над русским народом.

На русской почве византийская суровость православия смягчилась, стала сердечной, милостивой. Купола храмов приобрели более плавные, округлые формы, то же произошло и с арочными сводами. Но особенно зримо выразилась

русская душа в иконописи и в высшей степени – у Андрея Рублева. Сила и мощь Феофана Грека переплавилась в гармоническое совершенство линий и красок, выразив народный идеал небесной красоты. Именно эта красота и спасет мир, по слову Достоевского. К спасению зовут удары колокола, отлитого Бориской. Вот он замер, ожидая первого удара. Слышен скрип балок, на которых укреплены веревки колокола, поднятого из ямы, но еще не установленного на колокольную. Ожидание достигает своего высшего напряжения по мере приближения языка колокола к его боковине. Удар! И радостно вскрикивает народ. Еще удар! И ликование народа нет границ.

И вот уже никому не нужный Бориска бредет по грязной земле, опускается в изнеможении у какой-то балки. Но тут его подхватывают руки Андрея Рублева. Он все время следил за Бориской, за его поединком с сырой землей, с металлом, с десятками других преград. Все они теперь позади. Напряжение спадает, и Бориска бьется в рыданиях. И только теперь мы узнаем, что никакого секрета колокольной меди отец ему не передал. «Ну что ты, что ты, – говорит Андрей, – такой праздник для людей сотворил, а еще плачет. Ну, хватит, хватит... Пойдем по Руси, ты колокола лить, а я иконы писать».

Эти пронзительные кадры кажутся мне метафорой самой России. Все испытавший, все вытерпевший монах, теперь уже старец, принял на руки подростка, который никакого секрета не знал, но по Промыс-

лу Божьему, по молитвам старца все вытерпел и дело свое завершил. На радость людям, во славу Господню. Камера показывает нам Бориску, его рыдания постепенно стихают, мы видим старца Рублева, землю, догорающий костерок, угли в нем. И вдруг изображение становится цветным, появляются фрагменты икон. Вот летит голубь – Святой Дух. Вот Богородица с младенцем Христом, праздники, а вот появилась и Троица – главное чудо, вновь представшее перед миром, Господь наш – в виде трех Ангелов. но и это еще не конец: на экране появляется образ Спасителя. Божественная музыка прерывается грозовым ударом. Молния озаряет лик Христа, как после распятия и смерти Спасителя на Голгофе, когда, как сказано в Евангелии, гремит гром и *завеса в храме раздралась*¹. Но на землю обрушивается ливень. Он мягко шумит, стекает по листьям деревьев, стоящих у излучья реки. Здесь же мирно пасутся кони, изредка сбрасывающие с себя капли дождя. Вот она, краса земли моей. И только после этого аккорда фильм заканчивается:

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолееет дух добра.

Любовь ко Христу пламенно горела в душе Федора Михайловича Достоевского. С Христом в сердце уходил из жизни Андрей Тарковский. В его «Мартирологе», дневниках, которые он вел даже в последний год своей жизни, тому множество свидетельств. Вот лишь некоторые записи: «Какими ошибочными и ложными представлениями о людях мы живем! (О французах, неграх, да и об отдельных субъектах). Наши представления о людях надо менять. Мы не видим. А Бог видит и учит любить ближнего. Любовь все преодолевает. И в этом Бог. А если нет любви, то все разрушается». (30 января 1986 г.)

Не только в последний год жизни, но и на протяжении многих лет он думает о фильме, посвященном святому Антонию, его искушениям, даже в последние месяцы жизни разрабатывает отдельные эпизоды. Так же, как в молодости, его волнует мысль о том, как душа предстанет перед Всевышним, в некоторые моменты он ощущает Божественное присутствие. Дневник он ведет исключительно для себя, и лукавить перед самим собой ему незачем. Двадцать восьмого января он записывает: «Если буду жить. Что: “Откровение св. Иоанна на Патмосе”. “Гамлет”. “Св. Антоний”. “Голгофа”». И дальше: «Гамлет – чересчур извест-

¹ Мф. 27, 51.

но и вторично. Св. Антоний – интимно и опять **вглубь** (выделено Тарковским. – *Прим. автора*) ... Ясно только, что если снимать, даст Бог, то самое главное, на что способен».

Искушение святого Антония он не снял. Бог не дал. Может быть потому, что был снят «Андрей Рублев». Ведь там его героя тоже преследуют искушения. В том числе и плотские – вспомним новеллу «Праздник», языческую деревню. Вот уж поистине, как писал Федор Тютчев: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»... Андрей Рублев преодолел все искушения и создал свою бессмертную Троицу, а Андрей Тарковский вновь явил ее безбожной стране, почти утратившей веру Европе, потерявшей Христа в погоне за прибылью Америке и остальному миру. Голгофа, о которой он думает, уже ведь снята – в «Андрее Рублеве», в новелле «Страсти по Андрею». Но это русская Голгофа. Андрей в этом эпизоде говорит Феофану о сокровенном, о нашем труженике, который «... все работает, работает, несет свой крест смиренно, не отчаивается, а молчит и терпит, только Бога молит, чтоб сил хватило. Да разве не простит таким Всевышний темноты их. Сам ведь знаешь: не получается что-нибудь, устал, намучался и вдруг с чьим-то взглядом в толпе встретишься, человеческим, и словно причастился, и все легче стало. Разве не так?»

Во время этого монолога на экране появляется странная процессия, сначала идущая по деревне, а потом поднимающаяся по склону горы. Это русский Христос несет Свой крест. За Ним следует всего несколько человек. Вот Мать; вот юноша, мужественный, одухотворенный, видимо, Иоанн, любимый ученик Христа; женщина с распущенными волосами, красивая, страдающая, – Мария Магдалина; еще несколько человек, убогенький замыкает это шествие. А вокруг течет привычная жизнь: играют дети, делами заняты люди у своих домов; и ничего-то они не видят и не слышат.

Все происходит зимой, снег устилает землю; вот белый холм, на который поднимается Христос: проплывают чуть видимые полосы белого тумана. Но что это? Кажется, процессию кто-то сопровождает? В белых одеждах... с крыльями! Их можно увидеть, только очень внимательно взглядевшись в изображение на экране. В монтажной записи картины, которая обязательно издавалась и рассылалась вместе с копиями фильма, ничего об этом не сказано. И в полном тексте сценария нет ни слова про Ангелов, которые сопровождают шествие русского Христа на Голгофу. Ангелы идут рядом, облегчая страдания Христа, свидетельствуя, что Бог Отец не покинул Своего Сына, что Он здесь, а Сын должен претерпеть страдания на кресте, чтобы искупить все наши грехи...

Андрей Тарковский ввел Ангелов в свой лучший фильм, думаю, для того, чтобы и мы с вами увидели их – пусть и в кино. А потом, может быть, кто-то сподобится увидеть их воочию, если на то будет воля Божья. Пока же мы очень похожи на тех людей, которые не видят Христа, идущего на Голгофу; мы продолжаем заниматься привычными делами. Где уж нам увидеть присутствие Ангелов! Для этого надо жить напряженной духовной жизнью и много пострадать, как это выпало на долю Андрея Тарковского, но по-другому и не рождаются великие произведения искусства.

Вот запись, сделанная Андреем Тарковским 10 февраля 1979 года. Она, как мне представляется, подводит итог его духовным исканиям: «Боже! Чувствую приближение Твое. Чувствую руку Твою на затылке моем. Потому что хочу видеть Твой мир, каким Ты его создал, и людей Твоих, какими Ты стараешься сделать их. Люблю Тебя, Господи, и ничего не хочу от Тебя больше. Принимаю все Твое, и только тяжесть злобы моей, грехов моих, темнота низменной души моей не дают мне быть достойным рабом Твоим, Господи! Помоги, Господи, и прости!» Фильм «Андрей Рублев», прошедший, как и его создатели, через тернии, потому и выдержал испытание временем, потому и жив он через пятьдесят лет и будет жить всегда. Доказательство тому – включение его в список лучших фильмов всех времен и народов киноакадемиями разных стран – и европейских, и американских, и азиатских. А нам с вами вновь предстоит сесть перед экраном и увидеть, как на бело-сером фоне, похожем на стену храма Покрова на Нерли, появятся строгие титры: «Андрей Рублев».

ПРОТОДИАКОН ГАВРИИЛ

Отец Евгений устало опустился на стул и задумался. Закончилась служба в молитвенном доме, совершены таинства крещения и венчания, до начала вечернего богослужения еще два с половиной часа. Можно немного отдохнуть, пообедать, а затем почитать любимого Иоанна Дамаскина. Вот уже два месяца, как о.Евгений служит на новом месте – в Сорочинске. Ему вспомнились прошедшие годы.

В 1959 году по Оренбургской епархии, как и по всей России, прокатилась волна гонений на духовенство. Многие были арестованы и незаконно обвинены в уклонении от уплаты налогов. Был смещен с Оренбургской кафедры и переведен в Казань владыка Михаил¹, вынужден был уехать из города, в связи с предупреждением об аресте, А. А. Савин². Молодого священника Евгения Иноземцева благословили исполнять обязанности секретаря Оренбургского епархиального управления. Вскоре к его послушаниям прибавилось еще одно. Приехавший в Оренбург в мае 1960 года архиепископ Палладий (Каминский)³ назначил иерея Евгения Иноземцева настоятелем Никольского кафедрального собора. Сон, виденный в детстве, сбывся: с амвона Никольского собора он не раз обращался к своей пастве с проповедью. Все вроде бы успокоилось. На какое-то время были прекращены увольнения за штат и отъятия регистраций. Но в мае 1963 года все резко изменилось. Владыку Палладия вызвали в Москву, откуда он уже не вернулся в Оренбург, а был назначен на Рязанскую кафедру. Вскоре пришла телеграмма из канцелярии Патриарха, извещавшая, что с мая 1963 года правящим архиереем Оренбургской епархии назначается епископ Леонтий (Бондарь)⁴.

Встречали нового архипастыря на праздник Святой Пятидесятницы. Все заметили некоторую смущенность нового владыки. Он рассеянно улыбался, говорил ничего не значащие слова настоятелю, встречавшему его хлебом-солью, все время виновато смотрел на стоящего рядом с ним уполномоченного по делам религий и религиозных культов

¹ Архиепископ Михаил (Воскресенский) 31 мая 1960 г. освобожден от управления Оренбургской епархией и с июня 1960 г. временно управляющий Казанской епархией в связи с арестом архиепископа Иова (Кресовича).

² Савин Андрей Андреевич (1921 – 2005) – секретарь Оренбургского (Чкаловского) епархиального управления.

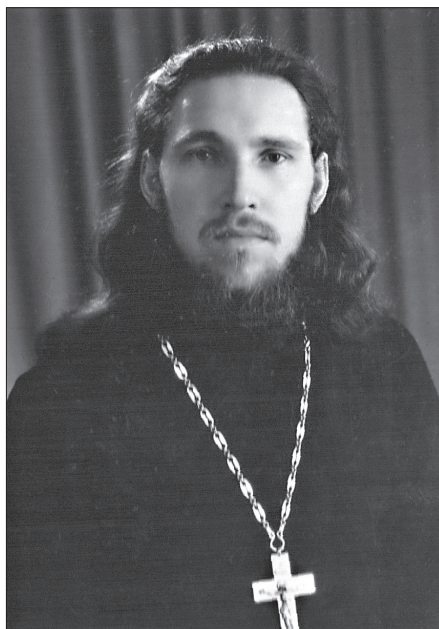
³ Архиепископ Палладий (Каминский) (1896 – 1978) – с 31.05.1960 г. по 14.05.1963 г. архиепископ Оренбургский и Бузулукский.

⁴ Митрополит Леонтий (Бондарь) (1913 – 1999) – с 14.05.1963 г. епископ Оренбургский и Бузулукский, 9.09.1971 г. возведен в сан архиепископа, а 25.02.1992 г. в сан митрополита.

по Оренбургской области О. Я. Как гром среди ясного неба вскоре грянула новость: иерей Евгений Иноземцев освобожден от должности настоятеля кафедрального собора Оренбурга, а также должности секретаря Епархиального управления и перемещен на должность настоятеля молитвенного дома в г. Сорочинске. Епископ Леонтий только беспомощно разводил руками, опускал глаза и тихо говорил: «Отец Евгений, я ничего против вас не имею. Но они требуют: или Сорочинск – или лишение регистрации. Я бессилен вам помочь». Вот так Божиим Промыслом он и оказался в Сорочинске.

Сорочинский молитвенный дом хотя и изменился после 1946 года, – появился маленький алтарь, звонница при входе, две маленькие покрытые жемчужными главками с такими же крестами увенчали ее и маленький купол, – но по сравнению с Никольским каменным собором в Оренбурге сильно проигрывал. Внутри, прибранный старательными прихожанами, он больше напоминал деревенскую избу. Его украшали многочисленные платки, полотенца, бумажные цветы, плетенные из лоскутьев круглые коврики и дорожки, герань на окнах и разные по размеру иконы, которыми были увешаны все стены. Изо дня в день видя эту картину, прихожане привыкли к такой обстановке. Но стоило побывать в Оренбурге или соседнем Куйбышеве, как становилась очевидной бедность и простота убранства родного храма. Именно под таким впечатлением находился молодой священник, приехавший в маленький районный городок после десяти лет служения в Оренбурге.

К моменту приезда отца Евгения в Сорочинск здесь произошли события, которые раскололи и приход, и церковный причт на две враждебные друг другу группировки. Одна поддерживала и почитала протоиерея Иоанна Гавшева¹, другая горой стояла за священника Димитрия

Иерей Евгений Иноземцев

¹ Протоиерей Иоанн Гавшев служил в молитвенном доме во имя Архистратига Божия Михаила в 1953 – 1962 гг.

Слева направо: священник Иоанн Гавшев, митрофорный протоиерей Лука, архиепископ Михаил (Воскресенский)

Пантеровского¹. Отец Иоанн был из истовых тихоновцев², а отец Димитрий в свое время уклонялся в обновленческий раскол, но затем через покаяние вернулся в общение с Патриаршей Церковью. Личные неприязненные отношения, сложившиеся между двумя пастырями, которые в начале 50-х годов оказались на одном приходе, к сожалению, стали известны их пастве. И среди прихожан нашлись такие же «тихоновцы» и «обновленцы», непримиримость которых наносила большой вред церковной жизни в Сорочинске.

Бывало, придет новый человек в молитвенный дом, а его тихонько отводят в сторону и шепотом вопрошают, за Димитрия он или за Иоанна. А затем начнут восхвалять до небес одного и поносить другого, в зависимости от того, чье «чадо» первым успело перехватить новичка. Иной раз на церковном дворе стенка на стенку шли «ивановцы» и «димитровцы», и все это на потеху безбожной власти и местным комсомольцам-атеистам, которые не упускали случая «протянуть» в очередном газетном фельетоне «разбушевавшихся бабуль» и «святых отцов». Для обоих священников дело закончилось печально. Пантеровский был арестован, отбывал тюремное заключение в течение трех лет и вскоре умер, ряды его сторонников поредели. А о. Иоанна Гавшева обвинили в финансовых нарушениях, отстранили от прихода, а затем уволили за штат. Но он так и жил в Сорочинске и приходил по воскресеньям в молитвенный дом. Однако вражда между «обновленцами» и «тихоновцами», затихшая на время, продолжалась. И когда церковный староста украдкой несколько раз спросил отца Евгения, за кого он, батюшка решил действовать.

Свою первую проповедь он посвятил толкованию Послания апостола Павла к христианам Коринфа, указав, как пагубно отразилось на их нравственной жизни деление на партии и секты, затем объяснил суть об-

¹ Протоиерей Димитрий Пантеровский служил в Сорочинском молитвенном доме во имя Архистратига Михаила в 1954 – 1962 гг.

² Тихоновцы – сторонники святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона (Белавина), исповедника († 7. 04. 1925 г.). Прославлен на Архиерейском Соборе 9. 10. 1989 г.

*Прихожане молитвенного дома г. Сорочинска. В центре о. Евгений Иноземцев
и диакон Гавриил Воробьев*

новленческого раскола и в конце проповеди искренне признался: «А для меня здесь нет ни “димитровцев”, ни “ивановцев”, но есть дорогие моему сердцу люди, христиане, у которых единая вера, единые таинства и единый Пастырь – Христос. И я готов от всей полноты своей души служить для вас, быть с вами и за каждого из вас стать ходатаем пред Богом. А если понадобится, то отдать за вас свою жизнь».

Народ молча выслушал батюшку. Многие тогда переосмыслили свою точку зрения, некоторые не могли сдержать слез. Были и такие, кто, услышав из уст священника критические высказывания в адрес обновленцев, ушли.

Отец Евгений после этой проповеди понял одно: теперь люди будут следить за каждым его шагом и словом, а значит, жить и служить нужно так, чтобы никому не быть в соблазн. И без малого сорок лет он жил и служил в тихом Сорочинске так, что даже его недруги не могли и по сей день не могут сказать ничего нелицеприятного в его адрес.

Весьма примечательной и несколько противоречивой личностью в сорочинском приходе был протодиакон Гавриил Воробьев. Высокий, дородный, с черными с проседью густыми волосами и бородой, он осанисто выходил из алтарных дверей и выводил красивым бари-

тоном ектеньи, чем невольно привлекал к себе внимание прихожан. Отец Гавриил сразу же подружился с новым настоятелем и добровольно взял на себя хлопоты подыскать отцу Евгению временную квартиру. Молодой священник приехал из Оренбурга с одним чемоданчиком и вот уже два месяца жил при храме в маленькой комнатке, расположенной под одной крышей с бухгалтерией, где все удобства были во дворе. Батюшка как раз отдыхал в ней, когда сильный стук в дверь и в оконную раму отвлек его от нахлынувших воспоминаний. Это был протодиакон Гавриил.

– Батюшка, нашел! Квартиру нашел! Женщина живет одинокая. Верующа-а-я! Религиозная! Сам увидишь, убедишься! – радостно кричал он на весь двор. Он был в коротком, перешитом из солдатской шинели пальто, из-под которого выглядывал подрясник, волосы прикрывала скуфья.

Надев поверх подрясника плащ и покрыв голову скуфьей, отец Евгений вышел на крыльцо и сразу же попал в могучие объятия протодиакона, желавшего ему помочь.

Отец Евгений с самого момента своего рукоположения даже дома не снимал подрясника. А уж войти в храм и тем более в алтарь без священнической одежды не дерзал и подавно. Этого правила он придерживался всю свою жизнь и очень сожалел, что молодые священники по разным причинам не могут следовать этой традиции.

«Религиозная и верующая женщина» оказалась старушкой лет восьмидесяти, а «хорошая квартира» – приземистой маленькой избушкой под латаной тесовой крышей.

– Вот, батюшка, у меня и кухонька тут, и передняя, – показывала хозяйка первую половину своих владений, – а здесь парадная с печкой. – Проводила она гостей во вторую маленькую комнату с двумя оконцами на улицу.

– Вот занавесочкой между печкой и стенкой разгородимся, и у тебя будет комната отдельная. На твоей половине столик, стулья и кровать, а я уж на кухне за печкой буду.

– Матушка, я, конечно, благодарен вам за гостеприимство, но ведь у меня семья, жена и трое детишек. Где же мы все здесь поместимся? Да и вас стесним, – смущенно глядя на хозяйку, произнес отец Евгений.

– Да?! – озабоченно развела руками хозяйка. – Все, пожалуй что, не поместится.

На этом пятые по счету смотрины и закончились.

– Не горюй, отец, – пожимая батюшку за запястье, утешал его протодиакон. – Бог даст, найдем тебе дом. Я вон, когда сюда приехал, тоже на-

мыкался по квартирам, пока домик себе не прикупил. А теперь уже десятый годок живем с Татьяной Ивановной и Господа благодарим.

Забегая вперед, скажу, что вскоре, видя, как трудно молодому настоятелю без квартиры и своей семьи, староста прихода В. С. Гриднев созвал церковный совет, на котором было решено нанять на причтовые деньги дом для священника. Так отец Евгений получил возможность привезти из Оренбурга семью и часть вещей. Но окончательно Иноземцевы переехали в Сорочинск только в июне 1967 года, когда был куплен и отремонтирован для их постоянного проживания дом по улице Октябрьской. Туда перевезли мебель и книги из оренбургского дома, и переехала вся семья, стали приезжать в гости родственники. Удобство этого дома, в котором семья прожила до самой смерти батюшки, заключалось в том, что он граничил с церковной территорией. Вскоре в заборе прорубили калитку, и со двора священника можно было попасть в церковный двор, а затем и в храм, не выходя на улицу. Многие прихожане, зная, где живет батюшка, запросто через заветную калитку направлялись к нему за советом и помощью. Получилось так, как мечтал отец Евгений – он в полном смысле этого слова стал жить одной жизнью со своим приходом.

А пока, незаметно отвлекая своего спутника разговорами, отец Гавриил взял его под локоть и повел к своему маленькому, добротно отделанному дому.

– Проходи, проходи, отец! – пропуская гостя вперед, приглашал он настоятеля.

– Вот мои хоромы! Татьяна Ивановна, встречай! Я с дорогим гостем! – окликнул он хозяйку прямо с порога.

Татьяна Ивановна, высокая и дородная, под стать мужу, женщина, опрятно одетая и причесанная, с белой кружевной наколкой на голове, с улыбкой встречала вошедших.

– Гостям всегда рады! Милости просим, отец Евгений, рады вас видеть! Благословите.

– Мир дому сему и живущим в нем, – благословив хозяйку и устало оглядевшись вокруг, произнес батюшка. В доме отца Гавриила вселучилось чистотой, покоем и уютом, созданным постоянными заботами Татьяны Ивановны. Белые занавески на окнах, кружевные скатерти на столе и комод, такая же салфетка на угольнике с иконами, буфет с уютно теснящейся посудой и домотканые разноцветные половики на полу в трех комнатах и на сундуке в углу кухни, – все говорило о любви хозяйки к чистоте и порядку.

Моя руки у всячего металлического рукомоиника, отец Евгений заметил, что протоиерей делал своей супруге какие-то таинственные зна-

ки бровями и кивками головы в сторону сундука, а та в ответ, притворно нахмурившись, качала головой. Наконец, уступив настойчивым просьбам мужа, она достала из кармана фартука ключ и подала ему. Вся эта картина отразилась в маленьком зеркальце перед рукомойником, позавбавив о. Евгения.

Заметно повеселевший протоиерей, звеня ключами, открыл сундук и торжественно извлек из него бутылочку «Столичной» и бумажный кулек с яблоками. Пока его супруга хлопотала у печки, прямо на шестке¹ разведя из лучинок огонь под железным треножником, чтобы приготовить незамысловатую деревенскую закуску: яичницу с салом, протоиерей рассказывал веселые истории из своей прежней жизни. Рассказчик он был хоть куда, изображая действующих лиц голосом и жестами.

– Ну, хватит гостя баснями кормить, приглашай батюшку к столу, – произнесла Татьяна Ивановна. К этому времени на столе красовались соленые огурцы, маринованные валуи², плетеная хлебница с хлебом, который испекла сама хозяйка, три тарелки с приборами, хрустальные рюмки и старинная ваза с яблоками. Довершала картину аппетитная яичница с салом, посыпанная свежим укропом.

– Пожалуй, пожалуй, отец Евгений, откушать, чем Бог послал, – еще больше повеселев и оживившись, рокотал хозяин дома. Помолвившись, приступили к трапезе. Такой вкусной яичницы молодой священник не пробовал с тех пор, как уехал из дома на новый приход, – в Оренбург удалось выбраться только два раза, да и то на короткое время по делам, не до трапезы было. Отпив из маленькой рюмочки, с удовольствием вкушал он домашнюю трапезу. С радостью глядя на гостя и спутницу жизни, не отставал от него и протоиерей, только, в отличие от них, он уже пропустил и вторую, и третью, а на четвертой вошел в раж, как говаривала Татьяна Ивановна.

Молодой настоятель не был любителем спиртного, равно как и не отнесился к тем, кто ханжески утверждал, что священник вообще не должен употреблять вина и быть абсолютным трезвенником. И апостолы, и мужи апостольские вино вкушали, и при этом никто и никогда не мог упрекнуть их в нетрезвости. «Трезвенность не в отказе от чего-либо, а в воздержании и умеренности», – говорил он некоторым из своих братьев, увлекающихся учением беседников³, которое бытовало в Орен-

---

¹ Шесток – пространство между устьем и топкой русской печи.

² Валуи – желтовато-белый гриб из рода сыроежек.

³ Христововерческая секта, сформировавшаяся во второй половине XIX в. Беседники заменили традиционные для христововеров радения молитвами, чтением Священного Писания и религиозно-нравственными разговорами.

бургской епархии. Будучи секретарем епархии и настоятелем собора, а эти должности требовали присутствия на официальных приемах, он, по примеру многих еще дореволюционного поставления пастырей и архиереев, всегда только делал вид, что выпивает до дна. И сейчас, чтобы не обидеть радушного хозяина, он поступил так же. Между тем отец Гавриил сел на своего любимого конька: стал вспоминать семинарские годы и уже в четвертый раз рассказывал, как познакомился со своей достопочтенной, как он любил ее называть, Татьяной Ивановной.

И сам протоиерей Гавриил Воробьев, и его жена были родом из подмосковных Мытищ. Отец Гавриил происходил из потомственной диакоńskiej фамилии Воробьевых, которая была известна своей религиозностью и бедностью, а Татьяна Ивановна из богатой мещанской семьи Окуловых, весьма радевшей о церкви. Мать Татьяны Ивановны славила как мастерица плести кружева, вязать узорные платки, вышивать гладью. У Окуловых родилось четыре дочери, Татьяна была старшей. Она рано, с семи лет, начала помогать матери по хозяйству и в тринадцать уже сама плела кружевные салфетки и вышивала бисером картины на библейские темы. И сейчас в их скромном сорочинском доме над столом висели три произведения, изображавшие «Вход Господень в Иерусалим», «Жертвоприношение Исаака Авраамом» и «Моление о Чаше». Родители не хотели отдавать Татьяну замуж: «Вот младшеньких отдадим, а уж Татьяна с нами век будет коротать, да по хозяйству смотреть», – говорили они.

И когда по благословию приходского батюшки к ним пришел свататься восемнадцатилетний семинарист Гавриил Воробьев, они особой радости не проявили.

– Что с них взять – беднота. Одна только честь, что отец да оба дяди диаконы. А так и разговор вести не о чем», – слышала Татьяна отзывы своих родителей о женихе и его родных. А Гавриил-то возьми да и пригляди именно Татьяну.

– Жить, говорю, без нее не могу – так она мне по сердцу пришлась. Отдайте, говорю, досточтимый Иван Аполлинарьевич, за меня Татьяну Ивановну, – в лицах и жестах комментировал свой рассказ протоиерей.

Отец Татьяны даже рассердился на настырного семинариста, не желавшего и смотреть на других дочек, и проводил его восвояси. Но недаром родители с пеленок называли Гавриила «характерным». Тот стоял на своем:

– Или женюсь на Татьяне, или приму монашество и уеду на Соловки.

Пришлось вмешаться дядьям Гавриила и приходскому настоятелю отцу Василию. Вместе они сломали сопротивление Окуловых,

укорив их, что они, дескать, противятся воле Божией и счастьем дочери. И дело было решено. Стала Татьяна Ивановна Воробьевой, а вскоре ее уже величали мать-диаконица, так как рукоположенный через месяц Гавриил был принят вторым диаконом в штат мытищинской соборной церкви. Да вот только не пришлось молодым пожить счастливой и спокойной жизнью, дело-то было в марте 1917 года. Начавшиеся революция и гражданская война, а затем голод и репрессии против духовенства разрушили устоявшийся жизненный уклад диаконской семьи. Сначала умер полуторагодовалый сын Володенька, Татьяна Ивановна сама тяжело переболела испанкой, и только заботливый уход и внимание мужа спасли ее от смерти. Затем умерли родители Татьяны, а родителей отца Гавриила выслали из Мытищ на поселение в Калужскую губернию, где они тоже вскоре погибли. Потом репрессировали обоих дядей, и остались молодые одни-одинешеньки на всем свете. Но при этих словах отец Гавриил важно поднимал палец вверх и говорил:

– Не одни-одинешеньки, а со Христом и Ангелами-Хранителями, значит, впятером.

Вскоре мытищинский храм захватили обновленцы. Сперва отца Гавриила не тронули: его вокальные данные и знание службы привлекали редких прихожан, а своего диакона у обновленцев не было. Отец Гавриил заявил новым хозяевам, что на ектениях и во время Литургии обновленческое ВЦУ¹ поминать не будет, а только Святейшего Патриарха Тихона. Богоборцы смолчали, но злобу затаили, и когда в 1937 году наконец заполучили себе диакона, решили отомстить отцу Гавриилу – пожаловались на него в местное отделение НКВД.

– Пять годков как один день отрубил на строительстве «Волгобалта», а там за молитвы моей Татьяны Ивановны Господь меня помиловал, и в 1943 году вернулся я домой. Храм наш к тому времени был разрушен, да и жить нам в Подмосковье не разрешили, местом постоянного жительства назначили Оренбургскую область. Вот так мы и попали в ваши края, – закончил на невеселой ноте свой рассказ отец Гавриил.

– Да! Попасть-то ты попал, а вот глупости делать не разучился, – вдруг с обидой произнесла Татьяна Ивановна.

– Это какие же? – озадаченно спросил протодиакон.

– А такие! Он, дорогой ты наш батюшка отец Евгений, чуть нас по миру не пустил. В лихолетье, в голод, в войну от супостатов папашин-

---

¹Высшее Церковное управление.

но наследство сберегла – в бочке с фикусом как зеницу ока хранила. И по глупости ему, как только вернулся, рассказала. А он-то, разоритель, все наши сто золотых царских червонцев сгреб и к ним же, супостатам, отнес. На танковую колонну пожертвовал, чтоб за их, значит, антихристову власть эти танки стреляли и воевали. А война кончилась, что мы получили взамен? Отказ! Нельзя нам, батюшка, в Подмосковье вернуться. Неблагонадежные мы!

– Это как ты смеешь говорить, что я ничего не получил?! – вдрут загремел на весь дом протоиерей, перепугав белого кота, спавшего на коврик у стола и испуганно шмыгнувшего в сени. – Это как же ничего?! А то, что народ наш православный христоненавистников-фашистов разгромил, этого тебе мало? А то, что живем мы не в сатанинском русланде, как ихний фюрер мечтал, а в России? Пусть в советской, а не в прежней, пусть! Но она и такая по-прежнему свободная и великая держава! И вера в ней основная по-прежнему православная – была, есть и будет!

Ты червонцы для победы над врагом-фашистом пожалела? А вот пришел бы фашист сюда и плетью тебя, плетью – работай на него, гни спине. Нет, мать, Россия, она и при любом строе Россия! Родная нам мать! Она без нас обойтись сможет, а вот мы без нее – нет. А то, что пострадали от властей беспричинно, Бог им судия, Он и нам прощать велел врагов своих. Ничего, мать, как-нибудь проживем. Вон дочку нам какую Господь дал, – указывая на фотографию дочери, которая родилась у них вскоре после возвращения отца Гавриила из ссылки, уже спокойным, ровным голосом утешал он вконец расстроившуюся и присмирившую жену.

В душе протоиерея Гавриила, простого русского человека, много чего было понамышано. Так, уходя из его дома, отец Евгений знал, что, едва закроется за ним дверь, протоиерей будет требовать у своей Татьяны Ивановны три рубля, чтобы восполнить «ущерб». Ведь он только что гостя встречал. А на следующий день он пойдет в магазин, опять купит «Столичную» и запрет под замок в сундук для следующего гостя. За неделю до зарплаты он озабоченно будет осведомляться у старосты: «Нельзя ли выписать, не дожидаясь жалования, хотя бы десять рублей? Существовать не на что».

Все вокруг, от старосты до церковного сторожа, знали эти странности отца Гавриила и не обижались на него. Поближе познакомившись с ним, и отец Евгений понял, что отец Гавриил не жадный, а просто бережливый и запасливый человек. Диакон любил порассуждать: «Женщины, даже самые домовитые, по своей природе расточительни-

цы, не в обиду им будь сказано. Поэтому разумный муж всегда должен иметь копейку про запас на черный день. Вот почему мы дочку от смерти спасли? Потому что у меня отрез бостоновый в сундуке хранился и хромовые сапоги. Я их на базаре в Оренбурге на мешок проса и семечек выменял, вот и спасли нашу Нюточку. А так еще неизвестно, что было бы». В то же время недрогнувшей рукой он отдал целое состояние – сто золотых червонцев – на оборону страны. Вот таким был и остается и народ русский во все времена: и прижимистый, и жалостливый, и отзывчивый: отказывает себе во всем, да вдруг последнее отдаст на общее дело спасения.

После кончины отца Гавриила открылось, как много добрых дел он совершил, помогая ближним. Идет зимой на службу пораньше и по дороге в храм остановится то у одного, то у другого дома: здесь снег от калитки отгребет, там дров наколет, принесет воды одинокой бабушке. И все потихоньку, чтобы никто не видел и не знал.

Однажды у мальчишки-алтарника, жившего с матерью-вдовой, случилась беда. Убогая их избушка под тесовой крышей стала заваливаться на бок из-за вконец сгнивших нижних венцов. Протоиерей сам ходил на прием к начальнику станции Сорочинская и к дорожному мастеру, с которыми, оказывается, был знаком, и договорился с ними о помощи вдове. Муж ее до выхода на пенсию по инвалидности был путевым обходчиком, и руководство станции выписало для ремонта дома шпалы – дорогостоящий по тем временам строительный материал. Протоиерей сам договорился с погрузкой и доставкой шпал, по-своему расплатился с рабочими и строителями – мужиками из соседней Осьминовки, и к Пасхе дом был готов к новоселью. Когда же вдова, придя в храм, пыталась благодарить его при всех, он только буркнул что-то в ответ и ушел. Как истинно русский человек, укорененный в святоотеческих правилах, он чуждался прилюдных похвал и благодарностей.

Многие сорочинские старожилы помнят, как любил отец Гавриил церковную службу. Он преображался во время входа с Евангелием: становился как-будто даже выше ростом, особенно когда великим постом выводил своим баритоном во время Литургии преждеосвященных даров: «Да исправится молитва моя...».

«Отец, отец, ну куда ты спешишь, – укорял он молодого псаломщика Косьму Калугина, только что рукоположенного во диакона. – Ведь ты сейчас, идя с Евангелием, изображаешь Предтечу Господня Иоанна, призывающего народ к покаянию. Ты должен идти степенно, нести себя. А ты побежал, как тетка на базар».

*Духовенство Сорочинска с архиепископом Михаилом (Воскресенским).
Крайний справа протодиакон Гавриил Воробьев*

И отец Косьма на него не обижался, а с вниманием слушал и перенимал опыт старшего собрата, впоследствии не раз с благодарностью вспоминая его уроки. Прихожане ценили и любили отца Гавриила за знание службы во всей тонкости и за трепетное отношение к ней. Переступив порог храма, он из разговорчивого весельчака превращался в молчаливого и благоговейного служителя Христа, изрекавшего слово только по необходимости. Когда же отец Гавриил умер, отпевали его так же старательно и истово, как служил он, и горевали, и скорбели о нем так же искренне, как любили его при жизни.

Протоиерей Евгений Зеленцов (Глевский) родился в г. Вильнюс (Литва). В 1980 году окончил Куйбышевский государственный педагогический институт (историко-английский факультет). С 1984 по 1990 годы работал преподавателем истории. В 1990 году принял сан священника и по настоящее время состоит в штате Покровского кафедрального собора г. Самары. Окончил МДС и МДА. С 1995 г. является преподавателем СамПДС.

ПРАВОСЛАВИЕ В КОНГО

В Центральной Африке Православие очень молодое, ему еще нет и ста лет, поэтому многие думают, что это очередная «церковь» из серии «церквей пробуждения», во множестве расплодившихся за последние годы. В 40-х годах XX века греческие коммерсанты начали приезжать в Бельгийское Конго (впоследствии Заир, а ныне – Демократическая Республика Конго), устраиваться в столице Киншасе, в других крупных городах, таких как Лумумбаши (в то время еще Елизабетвиль). С собой они везли не только деньги для коммерции, но и свою веру. Были построены храм Святого Николая Мирликийского в Киншасе и другие церкви во многих городах и поселках.

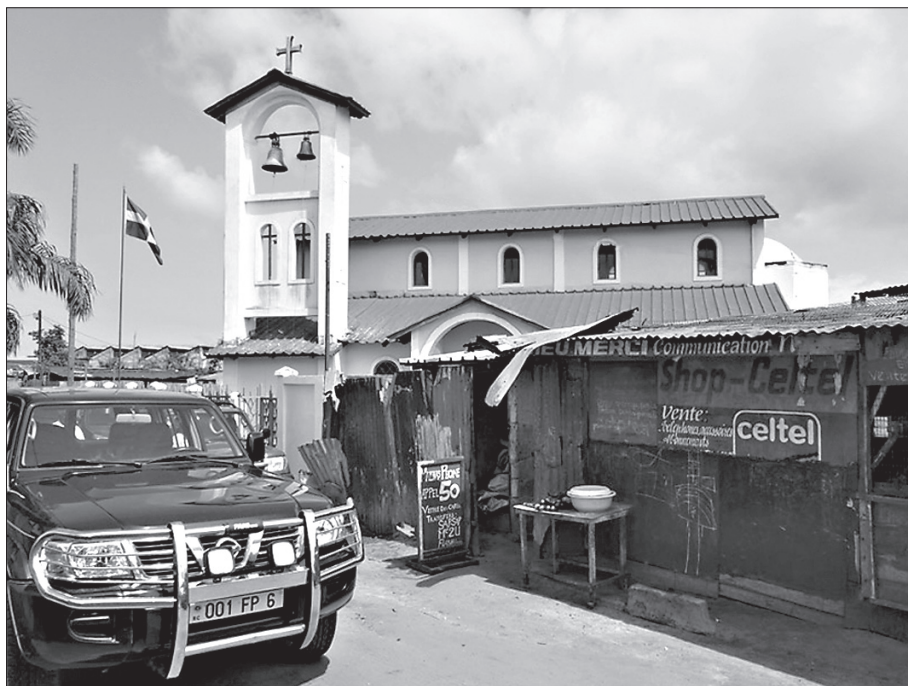
В 50-е годы начали приезжать не только коммерсанты, но и миссионеры, началось просветительство огромной страны. Католическая и протестантская миссии уже проделали к тому времени большую работу, и население знало о Христе, но истинной православной веры не ведало. В настоящее время в ДРК насчитывается более одного миллиона православных, есть области, где крещены целые деревни. Есть свои епархии, монастыри, а в 2007 году открылась Духовная семинария в Киншасе, где обучаются юноши из многих стран Центральной (франкоговорящей) Африки.

В 1983 году росток православия был привит и на другой стороне реки Конго – в городе Браззавиле, столице бывшего французского Конго, а теперь просто Республики Конго. В том памятном году в Браззавиль приехал некий брат Флорибер Чизибу, бежавший от политических репрессий.

Именно на его долю выпало просвещать Республику Конго и стать первым священником в нашей стране. Флориберу удалось сплотить вокруг себя группу верующих, которые приняли святое крещение в 1985 году. Конголезец Серафим Бала во время своего пребывания в Париже увиделся с одним православным священником, который и посоветовал ему обратиться в ближайшую к Конго епархию, находящуюся в Камеруне. В то время Камерунская кафедра возглавлялась греческим архиепископом Иренеосом. В 1985 году он приехал в Браззавиль, и вот тогда и были крещены первые шестьдесят пять конголезцев. Вдохновен-

---

Светлана Хмелева родилась в 1962 году в г. Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). В 1985 году окончила Ленинградский государственный университет по специальности «Эргономика и инженерная психология». Выйдя замуж за однокурсника, она уехала с ним в Конго, где живет до сих пор. Светлана воспитала четверых детей, работает в православном миссионерском центре.

Церковь в честь Вознесения Господня в Пуэнт-Нуаре

ный успехом, Флорибер продолжал свою миссию. Он организовал православные общины в других городах Конго – Пуэнт-Нуаре (экономической столице) и Долизи (третьем по величине городе). В 1988 году, во время второго визита владыки Иренеоса, брат Флорибер был посвящен в сан. Все это время братья и сестры собирались на молитву на дому друг у друга, своего здания еще не было. В девяностые годы верующие Пуэнт-Нуара на свои средства строят часовню из досок, посвященную Вознесению Христову, на земле, подаренной братом Максимом Умба. В 1994 году община отправляет на учебу в Камерунскую Духовную семинарию псаломщиков Бернара Диафука и Максима Умба, которые после успешного завершения курса становятся дьяконами и впоследствии священниками.

Они были первыми конголезскими батюшками. Поражает вера и энтузиазм первых православных в Конго. Ведь все эти поездки псаломщиков, их обучение, строительство храма осуществлены благодаря их пожертвованиям. Люди с очень скромными доходами отдавали все, что могли, чтобы вера православная пустила крепкие корни на конголезской земле.

Архимандрит Теологос причащает прихожанку

И для Конго, и для Православной Церкви 1996 год стал незабываемым. По приглашению местного спорткомитета в Пуэнт-Нуар приехала сборная ЮАР по футболу, чтобы сыграть дружеский матч с конголезской сборной. Ни у кого не было сомнения в исходе игры: сборная ЮАР – участник чемпионатов мира по футболу. Если бы конголезцы сыграли вничью, это уже была бы большая победа, ведь силы были слишком неравны. Префект города попросил молитв у отца Максима. Тот собрал группу верующих, и они отправились молиться в пригороде, на горе рядом с лагуной, из которой когда-то отходили в Америку корабли с рабами. Три дня они провели в посте и молитве. Каково же было удивление всех, в том числе и самих южноафриканских игроков, когда конголезцы выиграли, да еще и со счетом 2:0!

Страна ликовала больше месяца, со всех сторон только и слышалось восторженное: «Два-ноль!» Префект на радостях пообещал отцу Максиму дать все, что тот ни пожелает. Заветной мечтой батюшки было строительство церкви в центре города. И префект свое обещание выполнил. Вот так у Православной Церкви в Пуэнт-Нуаре появился большой участок земли, прямо напротив Военного госпиталя и муниципального

морга. Пустырь многие годы служил свалкой для всех медицинских отходов, – что только не находили прихожане, приходя на расчистку территории! На таком месте кроме церкви больше ничего и невозможно было построить.

Но еще несколько лет пустырь простоял незастроенным: земля-то была, а вот средств на постройку храма не находилось. Приезд в 2004 году афонского монаха, миссионера и архитектора отца Теологоса позволил открыть новую страницу в истории Православной Церкви в Конго. Он не только проектировал и следил за строительством храмов, но и собирал в Европе, Австралии и Америке пожертвования на эти стройки.

В Пуэнт-Нуаре в 2004 году была построена небольшая церковь на триста человек в честь святого Димитрия Солунского на территории того самого пустыря, подаренного префектом. В последующие годы Православная Церковь в Конго росла и укреплялась. В Долизи построены церковь святой Ирины, детский дом и школа, в Нкаи – церковь Преображения, в Бразавиле реконструирована церковь Воскресения Христова, в Пуэнт-Нуаре полностью перестроена церковь Вознесения: фанерная постройка заменена на каменную, с колокольней.

В 2007 году Его Святейшество, Папа и Патриарх Александрийский и всей Африки Феодор II впервые посетил Конго – города Бразавиль, Пуэнт-Нуар и Долизи. Он освятил детский приют в Долизи, заложил первый камень в строительство храма святой Фотинии в Пуэнт-Нуаре, уже третьей церкви в этой экономической столице Конго.

Святейший Синод Александрийского Патриархата принял 16 сентября 2010 года решение о создании новой епархии – Конго и Габона, которая объединила эти две страны. Архимандрит Теологос, первый vicarий новой епархии, впоследствии был переведен в Руанду, а нам прислали тридцатисемилетнего епископа Пантелеимона. В настоящее время ведется активное строительство храмов в Имфондо, Луежи, Нкаи, Пуэнт-Нуаре. Последнее приобретение епархии – территория в 15 гектаров в Долизи, на берегу озера. На этой территории строится монастырь в честь святого Иоанна Богослова.

Патриарх всей Африки Феодор II посетил Конго в 2012 году во второй раз. Он освятил монастырь в Долизи, заложил первый камень часовни святых бессребреников Космы и Дамиана в Пуэнт-Нуаре. Город Пуэнт-Нуар стал настоящим миссионерским центром страны. Радиостанция, расположенная на территории прихода святого Димитрия Солунского, ведет свои передачи на французском, лингала, кутуба и русском языках.

Храм во имя святой Фотинии в Пуэнт-Нуаре

На территории, купленной Православной Церковью для строительства храма святой Фотинии и клиники святого Луки Крымского, была свалка, и прихожане проводили субботники по расчистке земли, чтобы начать строительные работы. Батюшка Теологос нашел средства, и стройка закипела. В короткие сроки возвели фундамент и стены, и вот уже дошли до крыши. Тут в Греции разразился жесточай-

ший кризис, и все проекты пришлось заморозить. Большая часть строительных работ финансировалась греческой общиной, сами конголезцы – народ бедный и не могут самостоятельно осуществить строительство. В связи с кризисом греки стали жертвовать много меньше на зарубежные проекты.

В настоящее время все строительство ведется на пожертвования прихожан и неравнодушных людей. Чтобы немного улучшить материальное положение прихода, отец Максим был вынужден пристроить несколько лавчонок к наружной стене, с выходом на улицу. Сейчас там разместились различные магазинчики по продаже продуктов, парфюмерии, страховое агентство. Так что есть надежда, что храм во имя святой Фотинии будет понемногу достраиваться.

«Духовный Собеседник» в 2017 году

«В терновом венце революций». Публикации к 100-летию трагических событий в России.

К 100-летию обретения в Ташле чудотворного образа Божией Матери «Избавительница от бед».

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Проповеди митрополита Иоанна (Снычева), записанные его духовной дочерью М. С. Ивановой.

Материалы, посвященные 1000-летию русского присутствия на Афоне.

Статья Андрея Поповкина «Церковь и интеллигенция».

Повесть-исповедь Светланы Хмелевой о своем жизненном пути, о Православии в Конго, о нравах и обычаях жителей этой страны.

Повести протоиерея Евгения Зеленцова.

1-я стр. обложки: Кадр из фильма «Андрей Рублев», снятого Андреем Тарковским по сценарию, написанному им совместно с А. Кончаловским.

2-я стр. обложки: Преподобный Андрей Рублев. Икона.

3-я стр. обложки: Прп. Андрей Рублев. «Страшный суд». 1408 г. Фрагмент росписи западной части центрального и южного нефов Успенского собора во Владимире.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№6(86). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43. Подписано в печать 2.11.2016 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 1-ое полугодие 2017 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
99955 – в каталоге «Почта России»
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **290 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара
БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» 1-ое полугодие 2017 года.
на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложенным платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**